

12+



ГБУК «Этнокультурный центр  
Ненецкого автономного округа»

Народное литературное  
объединение «Заполярье»

Выпускающий редактор:

Е. И. Вергунова

Над номером работали:

К. С. Селиверстов

Е. А. Коваль

Л. Ю. Широкая

Фотографии в номере предоставлены  
авторами либо взяты из архива  
Народного литературного  
объединения «Заполярье»

© ГБУК «Этнокультурный центр  
Ненецкого автономного округа», 2022  
© Все авторы, текст, 2022

Издание финансировано  
в рамках государственной программы  
Ненецкого автономного округа  
«Развитие культуры»

## СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья:  
Константин Селиверстов.  
Литературный сезон 2021-2022 . . . . . 2

### Поэзия и проза:

Инга Артеева. Я ведь знаю, читаешь . . . . . 8  
Артемий Буйлов. Новая Земля . . . . . 11  
Ирина Коткина. И тундра в центре мироздания . . . . . 22  
Лукерия Валей. Под небесною синью . . . . . 28  
Лидия Сядейская. Музыка осени и весны . . . . . 29  
Валентина Коскова. Спица в нос . . . . . 30  
Ирина Коваль. Незагаданное желание . . . . . 31  
Елена Алёшина. Многогранна любовь . . . . . 32  
Александр Огурцов. Так ли мало знает мышка . . . . . 34  
Ирина Коткина. Слово матери . . . . . 38  
Махпрат Мухиддинова. В раздумьях . . . . . 55  
Нина Коваль. Календарь . . . . . 45  
Любовь Гурбо. Мои мысли шиты лыком . . . . . 46  
Ольга Пашун. Приближая встречу с тобой . . . . . 48

### Литературная акция. Победный май:

Лидия Сядейская. Пуночки . . . . . 52  
Марина Филиппова. Письмо . . . . . 52  
Наталья Чупрова. Дед и внук . . . . . 52  
Ирина Селиверстова. Мишуткины Дни Победы . . . . . 53  
Татьяна Зуева. Я родилась в мае 1945 года . . . . . 54  
Зинаида Корепанова. Если б не было войны . . . . . 56  
Лидия Сядейская. Мама . . . . . 56  
Светлана Вокучева. История одного солдата . . . . . 57  
Марина Филиппова. Над полем боя . . . . . 57  
Александр Михайлов. Этот день . . . . . 57  
Елена Хатанзейская. Весна 45-го . . . . . 58  
Иван Рочев. Белою порошей . . . . . 58  
Александр Огурцов. Старик пил молча в этот день . . . . . 58  
Лариса Грушевская. Моя прабабушка . . . . . 59  
Татьяна Вепрева. Деду за Победу! . . . . . 59

### Гости номера:

Александр Макаренков. Картинки разные пишу . . . . . 60  
Вениамин Тунгусов. Просто хобби . . . . . 67  
Светлана Дёмина. Сказка . . . . . 69

### Поэзия и проза:

Татьяна Зуева. Почему бы и нет? . . . . . 72  
Светлана Коньгина. Танцевать по звёздам . . . . . 74  
Александр Салов. Всепоглощающая любовь . . . . . 77  
Валерий Селиверстов. Ужин . . . . . 80  
Екатерина Коваль. Мышка . . . . . 81  
Зинаида Корепанова. Дружба длиною в жизнь . . . . . 90  
Марина Филиппова. Проза жизни . . . . . 91  
Наталья Чупрова. Богат гардероб у природы . . . . . 92  
Анастасия Хабарова. Три дня из жизни домового . . . . . 95

### Дебют:

Мария Выучейская. Коллекция . . . . . 97  
Надежда Соколова. Поездка на родину предков . . . . . 100  
Ирина Ржаницына. В родном селе . . . . . 108

### Поэзия и проза:

Ирина Селиверстова. Стихоход . . . . . 110  
Татьяна Окладникова. Литературные путешествия . . . . . 120  
Наталья Цуканова. Свидание с собой . . . . . 126  
Любовь Царькова. Тайна двух Кумушек . . . . . 128  
Мария Кравченко. Возвращение . . . . . 131  
Лидия Сядейская. Лукерия Валей Спасибо, Родина! . . . . . 140



## Литературный сезон 2021-2022

Здравствуй, уважаемые читатели! В свет вышел новый, 22-й номер альманаха «Заполярье», а это значит, что настало время подвести итоги прошедшего творческого сезона, поделиться новостями, достижениями, рассказать о публикациях, мероприятиях. Если вы, дорогие друзья, не чужды литературной жизни округа и писательского творчества в целом – эта статья для вас!

Сказать, что сезон выдался насыщенным – ничего не сказать. Кстати, ЛитО отметило 88-й день рождения! Пусть для нас эти две восьмерки означают бесконечность в творчестве и символизируют бескрайнюю тундру. И, конечно же, это бесконечная любовь, прославляемая поэтами, и верная дружба, воспеваемая в прозе. Итак, приступим.

### Наши достижения



Поэты и прозаики Народного литературного объединения «Заполярье» и молодёжной литературной студии «Северус» не только пишут. Чтобы не «заржаветь», поддержать вдохновение, постоянно совершенствоваться, они участвуют во всевозможных конкурсах, акциях и фестивалях. Нередко с очень впечатляющими результатами! Давайте узнаем, чего добились наши адепты пера в этом сезоне.

Надежда Яркова победила в номинации «Малая проза» в VIII Архангельском межрегиональном литературно-музыкальном конкурсе-фестивале имени Александра Грина – Гринфест «Остров надежды – 2021».

Александр Ледков стал победителем регионального конкурса «За особые достижения в сфере культуры» в номинации «Искусство».

Валерий Селиверстов получил диплом лауреата Форума-фестиваля «Капитан Грэй» в г. Мурманск в рамках всероссийского Межвузовского литературного форума им. Н.С. Гумилёва «Осиянное слово». «Капитан Грэй» – одна из лучших на Кольском Севере площадок для

встречи молодых авторов с профессиональными писателями. Также Валерий принял участие в первом Арктическом литературном пленэре «Поэтическое место силы» 10 октября 2021 г. в Териберке.

Диплом I степени XI Всероссийского открытого литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» в номинации «Поэзия» завоевала Любовь Гурбо.

Екатерина Коваль и Ирина Маркова приняли онлайн участие во Всероссийском литературном конкурсе «Литкон». И тоже ушли не с пустыми руками: Екатерина заняла третье место, а Ирина стала победителем в номинации «проза»!

Екатерина Коваль и Сергей Тайбарей победили в окружном конкурсе молодых авторов в номинациях «Малая проза» и «Стихотворение» соответственно.

В литературной игре проекта «Словесные картины» творческого объединения «Стихия душ» (г. Орёл) 2 место среди лучших авторов заняла Наталья Чупрова. Позже Ольга Пашун

и Наталья Чупрова приняли заочное участие в выставке-концерте в рамках проекта и были тепло приняты аудиторией. Совсем недавно Ольга Петровна одержала несколько поэтических побед в конкурсах Литературного сообщества «Люди весны» в Клинцах.

Инга Артеева приняла участие в Первом российском онлайн-фестивале гражданской лирики «Право слова», организованном редакцией литературного видеожурнала «Вольное слово». Цель фестиваля – встреча современных поэтов и современных читателей, возрождение интереса к жанру гражданской лирики, как поэзии думающих авторов для думающих читателей. Кроме того, Инга стала обладателем диплома за лучшую работу в номинации «Поэзия» Первого открытого литературного конкурса (г. Стамбул), организованного Российским обществом просвещения, культуры и делового сотрудничества в Стамбуле.

Рассказ Екатерины Коваль прошёл отборочный этап Всероссийской мастерской для молодых авторов «Мир литературы. Новое поколение». 18-21 апреля 2022 г. в Москве Екатерина представила своё произведение на суд мастера пера и вернулась переполненной вдохновением, впечатлениями, новым опытом. Трудно переоценить важность такой поездки для молодого автора.

Екатерина вспоминает: «На открытии Мастерской в концертном зале РАМ имени Гнесиных нас приветствовал Владимир Толстой, журналист, писатель-эссеист, праправнук Льва Толстого; Сергей Степашин, президент Российского книжного союза; Сергей Шаргунов, писатель, журналист, председатель Ассоциации союзов писателей и издателей России, главный редактор журнала «Юность». Светлана Василенко от имени Союза российских писателей отметила «небывалое дело» – первое совещание за 30 лет. Николай Иванов, председатель Союза писателей России, сказал: «Вы попали не в Гнесинку, а на рудники, шахты и будете пахать до седьмого пота.



В Гнесинске 7 нот, а у вас 33 буквы. Чтобы вы не остались в подающих надежды, а переступили этот порог». А Валерий Попов (Союз писателей Санкт-Петербурга) дополнил: «Вы напишете свой век». После таких приветствий молодые авторы со всей страны были готовы к преодолению любых трудностей! Работали каждый день до 23 часов. На семинарах разбирали произведения, встречались с представителями издательств, прошли мастер-класс от Карена Шахназарова, Дмитрия Бака, Виктора Фёдорова (президент РГБ). Удалось пообщаться с Ниной Ягодинцевой, она была мастером Валерия Селиверстова на фестивале «Капитан Грэй». Очень внимательный человек, оказывает действенную помощь начинающим. В Доме литераторов состоялась встреча с Дмитрием Воденниковым, поэтом, прозаиком. Он советовал каждому найти в себе и к себе ключ, себя понять и потом писать».

Впечатляет, правда?

Поздравляем всех наших триумфаторов, призёров и участников. Новых вам достижений, ещё больше вдохновения и уверенности! Каждый такой шаг – это новый виток в развитии таланта. Продолжайте в том же духе!



## Издания и публикации

Для пишущего человека значимо признание и публикация его произведений. А уж если удалось издать собственную книгу, то переживаемое автором чувство сродни эйфории. Что же принёс нам этот творческий сезон в области издательского дела?

Произведения Ольги Пашун были опубликованы в первом альманахе творческого объединения «Стихия душ» (г. Орёл) и в № 3 (83) – 2021 журнала «Двина» (г. Архангельск).

Состоялась презентация книги «Заполярный район. Люди и дела». Руководителем группы авторов и создателем основной части книги стала Инга Артеева. Поздравляем с успешным участием в большом, значимом проекте!



Событие сезона – выход в свет концептуального сборника стихотворений Валерия Селиверстова «Дневники рефлексии, или Чем заняться после переезда в другой город». Его книга – о милой и простой жизни, которая вдруг превращается в нечто совершенно иное. О том, как найти себя, не потерявшись в дебрях современности и собственного разума, о людях, что окружают на этом пути, о том, как выстроить новую жизнь там, где не было ничего и о том, насколько близок и любим твой дом, как бы далёк он ни был. На презентации книги звучали авторские стихи и песни. Поздравляем Валерия с первым серьёзным изданием и желаем новых творческих вершин!

Ещё одним крупным релизом отметилась Ольга Пашун – свет увидело новое издание её сборника рассказов «Джек», повествующих о добром щенке Джеке и семье, в которой он живёт. Новое издание – особенное: твёрдая обложка, милейшие пластилиновые иллюстрации и целых 3 языка – ненецкий, коми и русский! Прекрасно подойдёт как для учебных заведений, так и для домашнего чтения.

Александра Овчинникова, участник МЛС «Северус», тоже добилась немало успеха: она провела две презентации своей небольшой книги «Легенда о тундровых сокровищах», которую сама же и иллюстрировала. Книга оказалась востребованной не только у детской, но и у взрослой аудитории. Александра совсем молодой автор, но талантливый и целеустремлённый, пожелаем ей развития и успехов!

Яркое мероприятие весны – презентация книги Дениса Макурина (Холмогоры, Арх. обл.) «Нёйто, идущий на край Земли» о ненецком мальчишке Нёйто, его приключениях и пути к взрослению. Создатели приложили немало усилий, чтобы эта книга увидела свет: Ольга Латышева, консультант по ненецкой культуре, Елена Вергунова, выпускающей редактор, Юлия Мальцева, художник. Макет книги подготовил Константин Селиверстов.

Урожайный получился сезон! Всегда от радно, когда появляются новые замечательные, уникальные книги, в которых писатели открывают свой внутренний мир и создают новый. Будем надеяться, будущий сезон окажется столь же плодоносным.

## Мероприятия

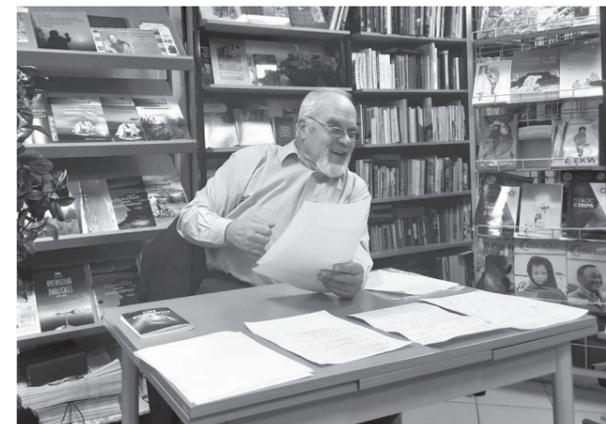
Чтобы литературный мир не застаивался, привлекая новые умы и таланты, чтобы духовно разнообразить жизнь людей, сохраняя уже имеющееся и обретая новое – недостаточно просто писать или участвовать в конкурсах. Не менее важно общение авторов с читателями, причём, такие встречи интересны и полезны для обеих сторон. Этим целям и служат многочисленные мероприятия, которые организует отдел информационной и редакционно-издательской деятельности Этнокультурного центра НАО, где базируются НЛитО «Заполярье», МЛС «Северус» и детская группа «Шиповник». И таких мероприятий, поверьте, действительно было немало!

Сезон начался с онлайн-литфеста «Рифмуя вальс осенних листьев» и Межрегионального художественного пленэра «Краски Арктики», в котором участвовали наши литераторы-иллюстраторы Ирина Маркова и Ирина Селиверстова. Вдохновения накопили на всю зиму!

Ольга Латышева и Александр Ледков в составе делегации НАО посетили XVI Международную выставку-ярмарку «Сокровища Севера. Мастера и художники России». Там они представили наши книжные новинки последних 3 лет. Вернулись не только с новыми впечатлениями, но и пополнили библиотечный фонд ЭКЦ изданиями других регионов. Ольга Ефремовна рассказала:

«Красивая, шумная, нарядная, увлекательная и такая разная выставка «Сокровища Севера». Мы участвовали в подведении итогов литературного конкурса, проводимого под эгидой Ассоциации коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В сборник конкурса в разные годы вошли произведения наших авторов – Матрёны Талеевой и Анны Сулентьевой. Во время работы Открытого микрофона мне представилась возможность рассказать о современной литературе округа, познакомить участников с Александром Ледковым. Интерес читателей вызвал его увлекательный, с элементами тонкого юмора, рассказ из книги «Вадако” ларь».

В ноябре в Этнокультурном центре состоялся авторский вечер Александра Салова, посвящённый юбилейному дню рождения поэта. В тёплой дружеской обстановке общались друзья и коллеги Александра Леонидовича, слушали его искромётные мысли, облечённые в поэтические строки. И, конечно, чествовали автора, желая ему от всей души творческого долголетия и вдохновения!





Активно популяризирует творчество авторов литобъединений официальная группа ЛитО ВКонтакте. Череду онлайн-мероприятий говорит сама за себя: литературная гостиная «Первоснежие», литературная акция «Слово о питомцах», посвящённая Всемирному Дню домашних животных, эстафета воспоминаний «Татьянин день, или Ко Дню российского студента», акция «Победный май» ко Дню Великой Победы.

В январе исполнилось 100 лет со дня рождения литературного критика, доктора филологических наук, одного из первых членов литобъединения «Заполярье», а в будущем наставника молодых авторов Севера Александра Михайлова. В честь большой даты в группе была запущена рубрика «Пристрастное чтение», в рамках которой публиковались вы-

держки из работ автора.

Нас посетил Александр Макаренков – поэт, писатель, автор-исполнитель, художник, журналист, учитель. Александр – очень интересный, разносторонне талантливый человек. Это был полезный опыт для авторов и просто приятный, ностальгический вечер.

Участники «Северуса» встретились со студентами НАЭТ имени В. Г. Волкова в формате онлайн конференции. Авторы рассказывали о себе, читали свои произведения. Лидер студии Екатерина Коваль познакомила с работой объединения и пригласила студентов присоединиться.

Ольга Латышева приняла участие во Всероссийской научной конференции международного уровня «Северный текст русской литературы: автор – герой – читатель», организованной Северным (Арктическим) федеральным университетом имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск). Она выступила с докладом о переводе с русского на ненецкий язык авторской сказки Ирины Коваль «Девушка-радуга». А в День Арктики 28 февраля состоялся юбилейный онлайн-вечер Ирины Коваль – самого арктического автора «Заполярья» из Амдермы, которая как никто умеет облечь мысли в чарующие образы и воспеть суровую красоту природы Арктики. Ирина так обосновала своё литературное творчество: «По сей день мне легче выразить мысль письменно, нежели произнести вслух. Я не отношу себя к писателям, не гонюсь за количеством написанного, но литературное творчество – это единственное, что привлекает, словно загадочная Луна притягивает земной Океан. Ни о каких бестселлерах речи не идёт, но порой – красивое слово, душевная фраза, изящная мысль не даёт мне покоя, пока не ляжет в оформленный текст...».

Одно за другим сменяли друг друга литературные события в марте. Ольга Латышева провела семинар, посвящённый ненецкой литературе, языку, проблематике перевода. На семинар собрались многие неравнодушные люди, работающие с переводами. Рассуждали, делились идеями, искали решения проблем, договорились о сотрудничестве. Сразу затем авторы «Заполярья» выступали перед настоящими тундровиками – гостями оленеводческого съезда и, думается, произведения, исполненные любовью к малой родине, природе и гармонии, тронули сердца этих суровых людей.

На следующий же день в ЭКЦ состоялась литературная гостиная – в гости к авторам ЛитО пришли городские библиотекари. Тема встречи – современная ненецкая литература. Перед благодарной аудиторией выступили Ольга Латышева, Александр Ледков, Елена Хатанзейская и Анна Сулентьева. Авторы рассказывали о себе, своём творческом пути, читали произведения.



Наконец-то получил «зелёный свет» наш большой проект – региональный литературный десант «Стихоход». В рамках проекта авторы «Заполярья» и «Северуса» ездили в населённые пункты округа с тем, чтобы нести литературное слово, знакомиться и вдохновлять. В Коткино, Великовисочном, Тельвиске и Красном. побывали 19 авторов. Но об этом чуть позже поподробнее.

К 90-летию со дня рождения писателя Александра Канюкова мы сделали видеоролик с прочтением фрагмента его произведения на русском и ненецком языках.

Уникальным прошедший сезон стал и для креативной группы «Шиповник». Впервые в истории литературного движения НАО занятия при НЛитО «Заполярье» проходили с первоклассниками, которые ни читать, ни писать ещё особо не умели. Но это не помешало им не только знакомиться с поэтами и писателями НАО, но и начать создавать свои словесные картинки. Творческий сезон «шиповнички» закрыли мероприятием для родителей, где читали первые «сочинялки». Большие маленькие молодцы! Отдельная благодарность

Ирине Селиверстовой – основателю и преподавателю «Шиповника».

Ну и, конечно же, самым ярким событием сезона стала командная игра «На крыльях поэзии» в рамках Литературной ночи. Играли учителя, студенты, преподаватели, библиотекари и просто неравнодушные к литературе люди. Решали на время задания, посвящённые конкретному современному поэту «Заполярья» и его творчеству. Были здесь и сами авторы – Татьяна Зуева, Светлана Конигина, Владимир Орлов, Наталья Чупрова и Инга Артеева. Они читали свои стихи. Ну а как же – «На крыльях поэзии» – и без поэтов? Игра оказалась увлекательной, даже азартной, в определённой мере. Победила команда учителей-словесников.

Вот такой выдался творческий сезон. Конечно, это далеко не все события, многое осталось за кулисами. Надеемся, что следующий сезон будет таким же насыщенным.

Читайте и творите, вдохновляйтесь и вдохновляйте. Спасибо за внимание!

Константин Селиверстов



## Инга Артеева

\*\*\*

Занесла, намела, завалила,  
Привела снежных птиц на хвосте,  
Ликовала, пуржила, кутила  
Прошлой ночью седая Метель.

Вдохновляет не только лишь лето  
И сиреневый нежный закат,  
Кто сказал, что певцы и поэты  
Равнодушны к призыву лопат?

Можно долго быть тонким и милым  
И лирично порхать налегке,  
Но порой может случиться, что вилы  
Как нельзя встанут лучше в строке.

\*\*\*

А ведь это не сложно – почаще писать и звонить  
Тем, кто близок тебе, но давно почему-то не рядом,  
Чтобы время-палач не смогло разорвать эту нить,  
А мы рвём, после вяжем, когда уже зря и не надо.

А ведь это не сложно – хорошее слово сказать  
Без вины и без долга, порой повинуюсь порыву,  
Почему-то мы чаще умеем хвалить за глаза,  
Избегая, как правило, тех, что и рядом, и живы.

А ведь это доступно нам всем – перестать усложнять,  
Не надумывать глупых ненужных обид  
или спрятанных смыслов,  
Объяснить, рассказать или попросту молча обнять  
И не ждать,  
когда кто-то прочтёт наши чувства и мысли.

... Я ведь знаю, читаешь... Я просто желаю тебе,  
Чтобы каждый твой день был отмечен  
хоть чем-то хорошим,  
Это, в общем, несложно, – одерживать сотни побед,  
Оставляя былого себя в исчезающем прошлом!

\*\*\*

Июньское солнце дышит полярными ледниками.  
Едва за порог – строгий ветер рвёт мысли в клочья.  
И смёл бы с лица земли, да на сердце – камень,  
А с ним воспарить не получится, это точно.  
Его мне убрать не сумеет ни за пазуху, ни за спину,  
Он тоже немного я, ведь давно уже с сердцем сросся.  
В фонтаны июньских дождей я однажды его закину –  
Мне нужно вернуться в себя, что совсем непросто...

\*\*\*

Солнце-пламя свечи  
Разжигает июнь,



Из-под ног лишь дороги  
Растресканный гриф...

Приходи, помолчим  
Мимо нот, мимо струн,  
Раз уж сердца тревоги  
Летят мимо рифм...

Пусть тебя согреет...

Пыль снегов позёмкой колкой вьётся,  
Не поймёшь, где небо, где земля,  
Но всё чаще в окна смотрит солнце –  
Ледяное солнце февраля.  
Ветки тонких замерзших деревьев –  
Чёрной нитью шьют канву небес.  
...Я уже сама почти не верю,  
Что стежки дорог ведут к тебе.  
Что тебя согреет в этот холод,  
И о чём тебе споют ветра,  
Если мир твой надвое расколот,  
И всему виной – седой февраль?

Что спасёт замерзших, одиноких,  
Потерявших веру в зимнем сне?  
Я хочу, чтоб это были строки  
Из грядущей песни о весне!

Пусть скорей оковы льдов разрушит,  
Пусть вернёт нас прежних – нам самим,  
Сохранит надежду в наших душах,  
Станет снова этот мир живым!  
Пусть тебя в любой мороз согреет  
Мысль о том, что снова – быть весне!  
Только если снова ты поверишь,  
Только если вспомнишь обо мне...

## Артемиий Буйлов

*«Как всегда лирично и необычайно точно. Радуюсь за те места, где Вы, Артём, бываете, а потом о них с такой искренностью и любовью рассказываете. Особенно радостно читать про родной Север, смотрю на него Вашими глазами и вижу многое, что сама вряд ли бы увидела. Без притворности и желания угодить, просто и ясно, словами, идущими от сердца, Вам удаётся достигать до многих и многих. От этого польза душевная и Вам, и тем, кто рядом. Рада, что я в их числе».*

Ирина Коткина

## Форточка

В типичной для Крайнего Севера оконной раме с тремя стёклами приоткрыты все три форточки. Внешняя створка, чтобы ненароком не оторваться под напором ветра, держится за железный крючок. Наотмашь по арктическому поселению бьёт стоковый ветер. Он разгоняется где-то на горных вершинах, и одним плотным потоком скатывается к морскому побережью, напирая на утопающие под снегом дома, пытаясь ворваться в убежище человеческое. Он неудержимо хочет выпить всё тепло, что есть.

Что-то родное слышится в завывании ветра: будто птицы, царапаясь своими лапками за карниз, рассаживаются у моего окна и деловито посвистывают. Оторвавшись от чтения книги, я поворачиваю голову и всматриваюсь в окно: тени мелькают в дневном полумраке, будто крылья, и кажется, что это синички или, может быть, ласточки трепетно ворошат воздух. Метель лентами вьётся, заплетая в узлы снежную пыль, несётся с большой скоростью, хватаясь за деревянную створку. Детали железного крючка жалобно свистят, напоминая пение синичек. Такое знакомое и

такое родное щебетание.

Тонкие уставшие жерди по обочинам дорог. При беглом взгляде можно решить, будто в белой пустыне растут деревья. Но это лишь уставший мозг, долго находящийся в «белом космосе», пририсовывает к малым формам недостающие фрагменты. Прибавляет, убавляет, втискивает в привычные понятия. Жерди обозначают наличие дороги, сокрытой где-то внизу, под слоем непрестанно движущегося снега. По красным жердям, воткнутым по правую руку, определяем движение в посёлок, а по синим – движение из посёлка. Бесконечная белая скатерть. Уставшие, тонкие жерди по обочинам невидимых дорог.

Метельная река продолжает свой бег, вытаскивая самые разнообразные формы из плотного наста. Хрустальная «вода» создаёт то плавные волны, то угловатый рисунок «ёлочкой», то рельефное полотно, на котором отчётливо прослеживается отпечаток кисти. Вряд ли рука человеческая произвела подобные фактуры. Как ни посмотри, – это искусство нездешнее.

Вершины сопки слегка в крапинку. Может быть, птицы всё же пожаловали в наши края? Если найти в себе силы и подняться, то можно почувствовать, как быстро нарастает ветер на пути. Он царапает вершины, превращает снег в газурь-стекло, обнажая слоистый чёрный камень. На заиндевевших спинах каменистых холмов птиц не бывает.



Снежно-ледяные крошки ручьями текут под ногами, огибают сапоги, засыпая следы, что ещё недавно заплетались позади. Нарисуй что-нибудь на этом живом, движущемся холсте, и посмотри, как быстро выравнивает белый поток все возникающие на нём неровности. Как быстро. Как же быстро.

### Откуда ветер дует

На архипелаге чаще всего задувает с северного направления. И даже если ты не знаешь, откуда ветер дует, то выйдя на улицу, «полярного гостя» ни с кем не спутаешь. С покрытых ледниками оконечностей несёт он особые «подарки», тяжесть которых ощущается всем существом. Будто бы из воздуха откачали всё тепло без остатка. Будто бы кто-то включил гигантскую установку для глубокой, иссушающей заморозки. В какую бы сторону ты ни развернулся – лицом, спиной или боком – ветер пробирает до самых суставов, находит прорехи в швах куртки, дырки в ботинках (что придуманы для шнурков), и обязательно добирается до неприспособленного к низким температурам хрупкого тела. Ветру хочется обездвижить всё живое.

Иногда, во время метели, я пытаюсь что-то сфотографировать, и правдой будет сказать, – картины снежных вихрей завораживающе красивы. Снимаю рукавицы, и в то же мгновение чувствую, как кожа натягивается в «жгут». Через пару секунд, от северного, иссушающего холодного ветра, пальцы уже не согнуть (да и пытаться лучше не надо, ведь можно повредить кожу).

Послание северного ветра чёткое и понятное. Оно пишется тушью из пылеобразных льдинок, что летят бурными потоками с дальних уголков бескрайнего Северного Ледовитого океана. На снежных листах тундровых пустошей буквы заплетаются в особую вязь, образуют на белом полотне природные тексты, обрамлённые замысловатым орнаментом. И всё это белым по белому (как и положено для истинных минималистов).

Послания с полярной стороны всегда строги, усилены резкими выражениями. Они частенько наносятся на здания, заматавая окна «в ноль», ставя «восклицательные знаки» на забитых снегом подъездах. И во всей этой лихорадочной экспрессии холодком по спине пробегает вопросительный знак. Испытующе спрашивает: «Долго ли ещё ты простоишь? Скоро ли сломаешься?»

Нечего возразить мне северному ветру. Знаю я его, впадающего в исступление от осознания собственного превосходства, любящего наблюдать, как в других ослабевает жизненная сила. Мне остаётся лишь затаиться и терпеливо ждать.

Примерно в один из десяти дней воздушные массы разворачиваются, и на архипелаг начи-

нает задувать с юга. На южной оконечности – высокие каменные мысы, точки небольших островов, пологие пляжи, на которых в летний период шторма выбрасывают тонны морской капусты. До чего же уютны и чисты эти уединённые пляжи южных окраин северных морей! Если бы не холод Баренцева моря, если бы не короткое и промозглое лето, то здесь можно было бы устроить настоящий курорт.

Именно туда, на южную оконечность, я и ходил в августе-сентябре, чтобы собирать ламинарии. По дороге вдоль береговой линии, в копинах микро-кустарника луазелеурии, выискивал грузди, выделяющиеся кремово-белыми шляпками. Опасаясь встречи с полярным медведем, тревожно оглядывался. Если замечал хищника где-то вдалеке, то, не имея ни малейшего желания встречаться с ним лицом к лицу, уклонялся в противоположную сторону.

И вот, несмотря на упорство северного ветра, наконец, задувает с юга. Наполненный информацией воздух вдыхать одно удовольствие. Сразу осознаёшь: где-то там – открытая вода, где-то там тает снег и поднимаются тяжёлые руки белоснежной зимы, открывая солнцу заспанное лицо заполярной тундры. Разные виды мха и карликовых деревьев уже готовятся возобновить свой жизненный цикл. Но пока это далеко, на материке, – в Канинском, в Большеземельской тундре. Нам достаётся лишь первое, туманное, но такое интуитивно-яркое ощущение грядущей весны. В знак непреодолимой надежды с тёплыми потоками ветра на архипелаг прилетают первые стайки резвящихся пуночек, неумолимо насвистывающих сонаты в лучах обновлённого солнца.

### Увидеть птиц

Увидеть птиц. Что может быть привычнее и понятнее глазу человеческому? В любом городке есть вездесущие воробьи, шумно строящие отношения в спутанных сетях парковых кустарников. Есть чопорные вороны, оценивающие прохожих с вершины осенних безлиственных тополей. Есть «танцующие» голуби, путающиеся под ногами, собирающие крошки вокруг лавочек. В своей привычности птицы всегда рядом с людьми, и неустанно напоминают, что здесь тоже их дом, что они готовы оставаться в самом индустриально нагруженном городе, несмотря на неприветливую среду обитания.

Но есть такие точки на земле, где в зимний период времени птицы не могут жить. В этой необъятной вселенной снега и стоковых ветров, сметающих всё на своём пути, не в силах расти и деревьям. Там «небесным странникам» не найти места, где главу подклонить, и чем себя напитать. И поэтому в Арктике особая радость и знаменательное событие – увидеть первых перелётных птиц, прочитать в их появлении признаки отступления продолжительной зимы.

В праздник Благовещения воздух гудит от удивительно ясной погоды, и можно разглядеть отдалённые, разбросанные на многие километры, скальные гряды. На незамутнённом полотне небосвода три чайки, абсолютно белые (как и всё в этом арктическом мире), неспешно летящие вдоль береговой линии. Теперь я точно знаю, что в Белушьем заливе есть открытая вода. Вчера и позавчера над островом висела облачная «дымная» пелена. В стороне моря она выразительно окрашивалась в сине-зелёный цвет, и по всему было понятно – на тумане отражаются волны. Именно там заканчивается лёд.

В порывистом дыхании ветра, растянувшего «меха» с южной стороны, едва уловимо угадываются запахи. В снежном краю это первые запахи за долгую зиму. В дуновении есть вкус йода, тающего снега, скальной породы, слегка отогретой на солнце. Есть и что-то иное, шепчущее, что жизнь на Новой Земле постепенно пробуждается. Чайки сдержанно кричат, подавая знаки друг другу, машут углаватыми крыльями. Они, как письма без текста, – белые листы, напоминающие о землях за пределами «арктической планеты».

Над головой скорой дробью пролетает группа мелких птиц. Оперение их так же белое, как и небольшими пёстрыми крапинками. Структура тела напоминает воробьиную, но чуть крупнее. Это пуночки – ещё одни вестники заполярной весны. Вокруг зима: тонны снега, льда и ни одного яркого штриха в бесцветном пространстве. Пуночки уже почувствовали, что пора оставить материк и перебраться на суровые, ветреные острова. Похоже, им лучше знать, когда пришло время.

Снег взялся сплошным настом. Но прямо у геодезической пирамиды, на возвышенности, ветер обнажил небольшой островок чёрной скальной породы. Естественным образом чёрный цвет притягивает солнечные лучи, и даже при минусовой температуре камень нагревается, медленно превращая снег в воду. Среди воды и льда робко проглядывает прошлогодний мох, едва живой, ещё не вошедший в новую силу. Такая мелочь. Но не для Арктики, почти забывшей о существовании красок в окружающем мире.

Спустившись с холма на ледяное поле, где по всем признакам начинается морской берег, вижу малые проталины и лежащие в них коричневые листья ламинарии. В ледяной глазури «морская капуста» хорошо сохранилась. Если бы я был, к примеру, участником экспедиции, застрявшей на долгую зимовку, то добытыми дарами можно было бы подкрепить себя.

На следующий день по прогнозу вновь снег, метель, ветер с ледников и никаких признаков приближающейся весны. Малые крохи тепла, что показались сегодня, – завтра занесёт белым покрывалом, и наступление нового сезона бу-

дет вновь отложено на неопределённый срок. И только белые птицы остаются с нами, по какой-то причине уверенные, что безмолвие Новой Земли обратится в торжественное звучание.

### Конец апреля

Скорее всего, вы не назвали бы весной, в общепринятом европейском смысле, эти обнажившиеся от снега сопки, эти крошащиеся камни, скреплённые клочками прошлогодней травы и мха. Но в непрочных, «дрожащих» двух градусах тепла уже слышится скрип весенней двери. В трещинах на льду залива, в запахе морской растительности, перемешанной с пустыми створками моллюсков, – во всём этом дремлющая Арктика, которая без особой охоты, но всё же пытается проснуться. Май ещё сыграет с нами в «казаки-разбойники», занесёт снегом улицы, выстроит «штормовые валы» до окон второго этажа, но дыхание Баренцева моря уже не остановит.

Под «ледяным панцирем» раскачивается тяжёлая вода, ищет любую слабинку, чтобы расколоть бесшовную конструкцию. В морской стихии любой материал, даже самый прочный, разбивается и перекраивается по новым лекалам: слоистая каменная порода превращается в «блинчики», доски шлифуются, как если бы они были частью какой-то замысловатой мебели, острые осколки стекла обращаются в гладкие разноцветные капли.

С половины третьего утра на берега Новой Земли бросает свой ослепительный свет полярное солнце. Высокие широты, как и всегда, удивляют скорым развитием природных событий. И может ли быть иначе, ведь Крайний Север – земля крайностей. В лучах раннего рассвета лёд медленно плавится, «глазируется» по внешней поверхности. По такому «стеклу» можно с лёгкостью скользить даже на шероховатой подошве. Главное, увлечшись катанием без коньков, ненароком не сделать обратное сальто.

Кое-где верхний слой весело хрустит из-за образовавшихся под ним «карманов» с водой. Собаки пугаются звуков ломкого льда, но потом понимают, что таким образом можно добраться до живительной влаги. Но больше всего «косматым друзьям» нравится та вода, что скапливается в оттаявшем мху, – кристально чистая, наполненная запахом пробуждающей тундры.

Местные рыбаки в первых весенних признаках усматривают возможность поймать арктического гольца, что водится в реках Южного острова. По причине труднодоступности мест обитания эта рыба редко достигает городских магазинов. Хотя раньше, во времена царской России, поморы с успехом добывали гольца на Новой Земле, привозили в столичный Петербург и на торговых рядах продавали под видом «карликовой сёмги». Петербуржцы, претен-



циозно оценив не крупную красную рыбу, при всякой возможности старались купить эту диковинку.

Если не смотреть на календарь, сигнализирующий о конце апреля, не смотреть на фотографии первых цветов, присланных родными и знакомыми, то можно подумать, что всё идёт так же, как и всегда. Просто сейчас февраль, выпал снег, и непогода не позволяет выехать в соседний городок. А может тебе и не нужно никуда ехать, ибо все необходимые дела уже решены.

Пространство Новой Земли, – отдельный материк, отрезанный, отключенный от нервов и смятения Большой земли. В жизнеописании Ильи Константиновича Вылки, наверное, самого знаменитого выходца с архипелага, описывается, как он в 14 лет на лёгкой лодке прошёл пролив Маточкин Шар. Неистребимо было его желание исследовать «землю непознанную», желание охватить её всеми чувствами, всей душой, запомнить рельеф берегов, приметить жизнь диких зверей. Наверное, так же, как и мы, Илья Константинович ждал первых признаков весны, отмечал конец апреля и начинал готовить лодку в очередное плавание. А там, за пределами апреля – мир первозданной природы Арктики.

### Деревья Арктики

Когда снег начнёт таять, белые медведи постепенно отойдут на северную оконечность архипелага, где в окружении ледников зима никогда не заканчивается. Поэтому сейчас, в позднезимний период, отстраняться от человеческого жилья всё ещё не безопасно. Даже по Белушней Губе хищники по временам перемещаются, ведь им неведомы наши границы. И, наверное, я не решился бы свернуть с очищенных снегоуборочной техникой улиц посёлка, если бы не увязавшаяся за мной стая собак.

Самый крупный пёс с курчавой шерстью (по всей видимости, предводитель собачьей «когорты»), подошёл ближе и, уткнувшись носом в ладонь, засвидетельствовал своё почтение. За остальными дело не станет, – в организованном собачьем сообществе, все следуют за вожаком.

К востоку от Белушней Губы, подставив небу свой холодный лик, распростёрлось замёрзшее озеро. Вчерашний ветер очистил его от снега, оставив только шероховатый голубой лёд. По застывшим в толще пузырькам воздуха понятно, что твёрдая поверхность – не менее полуметра. Идти по льду в тяжёлых утеплённых сапогах – не самое простое занятие, но рядом со мной семеро активных, внимательных собак, дружелюбных к людям, с включенным охотничьим рефлексом. «Охотники» по временам уходят вперёд, проверяя окрестности. Вновь возвращаются, играют в догонялки, задирают друг друга.

Впереди высокий, почти отвесный холм, со снежными «барханами», – кажется совершенно

неприступным. Собаки, не колеблясь, запрыгивают на нависающие сугробы, и стремительно забираются вверх, сбивая снег цепкими лапами. Такое бесстрашие придаёт уверенности и мне.

На холме, разгребая ногой хрустящий снег, разглядываю лежащий в отдалении посёлок и пытаюсь вспомнить, когда я ощущал настоящее лето: с горячим песком под ногами, с тенистыми соснами на озёрном берегу. В прошлом году тёплый сезон в заполярном Нарьян-Маре прошёл на оценку 4 с плюсом. Именно такой была средняя температура северного лета, и снять тёплую куртку получилось только на какие-то пару недель. Если бы я получил задание написать сочинение на тему «Как я провёл лето», то оно было бы коротким, и выглядело бы примерно так: «В прошлом году весна сразу перешла в осень, и поэтому, ввиду очевидных обстоятельств, раскрыть тему не представляется возможным...».

Посёлок Белушья Губа сверкает яркой обшивкой типовых пятиэтажек, дымит котельными трубами. Издали, с заснеженных улиц, вперемешку с собачьим лаем, раздаётся рокот тяжёлой полярной техники. Прямо под ногами небольшие открытые участки с коричнево-зелёным мхом и бежевым ягелем. В пёструю «карту» арктической поверхности тонким кружевом влетают ветви карликовой берёзы. Её тонкие, извилистые нити ползут по каменной поверхности, проходят сквозь мох, радуются солнцу пробуждающимися почками. По здоровой, красновато-бурой коре движется сок, и в этой живости деревья-кустарнички совсем не похожи на страдальцев. Удивительно, что жизнь торжествует даже там, где это почти невозможно.

Так выглядит впервые показавшийся после зимы «полярный лес»: деревья не выше мха. Они такие, как есть, какими только и можно быть в столь непростых условиях. Ещё немного, и раскроется верба пушистым «хлопком» на скудном пространстве арктической тундры. Надеюсь, что на Вербное воскресенье мне удастся срезать пару ветвей в соблюдение старинной традиции. И это будет самая северная верба в мире.

### Гусиная земля

1

С новоземельских тундровых пустошей веет талым снегом и мокрой прошлогодней растительностью. По-арктически зябкое завершение мая не предвещает скорого наступления лета. Вопреки накопленным в море и камнях запасам холода, сквозь крепкую зимнюю броню пробивается кратковременная плюсовая температура и даёт старт сезонным ручьям. Многочисленные хрустальные «нити» спускаются с сопки и соединяются в «ковры». Целые озёра чистой талой воды при каменистых низинах становятся пристанищем для перелётных птиц.

В один момент вблизи посёлка появляются дикие гуси. Они несколькими стаями «расквартировываются» на ближайших, едва оттаявших озерах, и своими громкими голосами свидетельствуют, что Арктика начинает меняться, что жизнь постепенно возвращается на эти холодные острова.

На дороге, выводящей за пределы населённого пункта, стою с супругой и увлеченно рассказываю, каких красивых птиц я видел недавно: поморники, гаги, казарки. Описываю их оперение, размеры, повадки во всех подробностях, и то и дело указываю на обрاملённые снежной каймой сопки.

– Вот туда, куда вы показываете, точно ходить не надо. Рано. Медведи ещё не ушли на север острова.

Со спины к нам подходит директор Дома офицеров и, прищурившись, окидывает внимательным взглядом периметр. Его слова об опасности вовсе не безосновательны. В прошедшие две недели по Белушней Губе ходили два медведя (и до сих пор незримо присутствуют где-то рядом). Один – подросток средней комплекции. Другой – полуторагодовалый малыш, по всей видимости, потерявший мать, не успевший получить хороших навыков к охоте. Несмотря на малый возраст, килограмм двести веса в нём уже было, и среди дворовых собак медвежонок выглядел довольно грозно: массивные лапы, широкая плечевая «рама», длинная шея с вытянутой к носу головой.

Жители посёлка поначалу тревожно обходили гостя, отступая на соседнюю улицу, но постепенно утратив чувство опасности, начали подбрасывать бедолаге продукты. Что ни говори, видеть в границах посёлка дикое животное – для людей это особое развлечение. Но для самого медведя – трагедия. От безысходности он цепляется за жилища человеческие, заглядывает в собачьи тарелки и, прикормленный, потом не сможет жить среди сородичей. Поэтому и возникло намерение у активистов отловить медвежонок и отдать в зоопарк, который сможет принять нового северного «постояльца».

– А что делать, Николай Иванович? Без прогулок на свежем воздухе никак нельзя. Своё «оружие» всегда держу наготове!

Я лезу в карман на груди и вытягиваю оттуда «колышек» фальшвеера. С первых же дней пребывания на Новой Земле мне показалось разумным отработать простые движения: одной рукой достаёшь приспособление, направляешь на медведя, выдёргиваешь шнур. Оружия нет, но хорошо, что есть хоть что-то для отвлечения внимания хищника. Хотя полной уверенности, что пиротехника будет эффективным средством, нет.

И всё же белые медведи в большинстве своём (как, впрочем, и люди) сторонятся нового, незнакомого, привязаны к привычным условиям обитания. Даже свою любимую зиму они не оставляют и в период короткого арктического лета стремятся в северные оконечности архипе-

лага, к нетающим ледникам. Дерзнуть и сойти с привычной колеи – удел редких натур.

Вдвойне интересны те, кто может разорвать круг привычности, кто может выйти из зоны комфорта и не сломаться. Наблюдая за тружениками Крайнего Севера, не перестаю удивляться их способности сохранять себя в условиях, выходящих за грани человеческих возможностей: без привычной смены дня и ночи, без тёплого лета, деревьев, общества. Чем измерить эту способность, и где можно раздобыть такую (хотя бы немного для себя)?

2

Полярным травам нелегко в арктических каменистых пустошах. Как и всему живущему, им свойственно тянуться к местам, где больше тепла и меньше ветра. Вплотную к посёлку Белушья Губа за десятилетия естественного севооборота подступили травянистые полотноща, ища защиты у жилища человеческого. К котельным и исходящим от них теплоотрастам притянулись и островки низкорослой полярной ивы, украшая сурово-весенний майский пейзаж своими лохматыми почками.

Цветение полярной ивы – это нечто особенное. Когда вокруг только снег и лоскуты прижимистой, не дерзающей идти в рост, прошлогодней почвопокровной растительности, жёлтые почки поднимаются над тундрой, словно шмели. Карликовый кустарник оказывается самым высоким растением этих мест. Небольшие, мохнатые цветки при прикосновении источают тонкий ивовый аромат, – скромный, сдержанный, единственный.

Ненавязчивое ивовое звучание не выпячивается, не настаивает на своём, подобно воспитанному человеку. Наступи на кустарник, и тонкие ветви легко и уступчиво склонятся к земле, не претерпев повреждений. Попытайся сорвать – и не сможешь, ведь при сгибании ива становится ещё более мягкой, превращается в канат, который, кажется, может удержать и лодку. Она совсем не похожа на деревья Большой Земли, такие, как, например, грецкий орех, что обширной кроной подавляет всё, оказавшееся в пределах досягаемости, и потому называется в народе «царём деревьев».

Цветущую полярную иву местные называют «котиками». Возвращаясь с промысла, охотники приносят добычу и нередко – охапку жёлтых «огоньков», которые на конец мая являются единственными знаками пробуждения природы. Во время полярной весны ничего другого для составления букета в тундре нет.

Мы медленно, выверенными шагами ступаем по подтаявшему снегу с плотностью сливочного масла, по губкам-мхам, с виду сухим, но на деле до предела пропитанным влагой. Переправляемся через сезонные ручьи чистой талой воды, ни единой капли зачерпнув сапогами этой самой воды, обманувшись плотностью снежных берегов. Их прочность эфемерна, подточена изнутри бегущими, спешащими с со-



пок потоками. За холмом открывается вид на небольшое озеро, на треть свободное ото льда. Пологий берег, «причёрсанный» прошлогодней травой, занят дикими гусями, кажется, не обращающими на нас никакого внимания, высккивающими съедобные корешки. Их пёстрое, светло-коричневое оперение почти сливается с задумчивым, едва просыпающимся от зимы природным ландшафтом. Головы на высоких шеех ныряют в пропитанный водой мох и траву, вытаскивают оттуда что-то съестное, хотя свежей зелени на поверхности не наблюдается.

Подумать только, – на какой риск идут эти перелётные птицы, покидая Европу, устремляясь на Север, пересекая океан, чтобы вдали от человеческой цивилизации, на самом краю зоны обитания, вывести потомство. Древняя генетическая память руководит родившимися здесь, невидимыми нитями навсегда привязывает к Новой Земле. И, очевидно, такие нити связывают с арктическими островами не только птиц.

Оценивая «в пол глаза» незваных гостей, не отрываясь от поиска пропитания, гуси постепенно отходят всё дальше, обозначая дистанцию допуска человека. Под их перепончатыми лапами среди мха и камней лежат стреляные охотничьи патроны, что даёт птицам полное право не доверять нам. Множество опасностей заставляет принимать особые меры предосторожности. И не безосновательно: впереди официальный сезон охоты, продолжающийся в период между прилётом птиц и началом их гнездования.

Из-за ближайшей сопки, передвигаясь украдкой, практически беззвучно, показываются две собаки. По рыскающим движениям и наврощённым ушам видно, что они находятся в режиме охоты, и будущая добыча уже намечена. Завидев нас, лохматые «сыщики» бросают преследование уставших после долгого перелёта птиц, и, махая хвостами, подбегают ближе, выражая искреннюю радость. Скорее всего, они не ожидали встретить людей в таком отдалении от посёлка.

Собакам для промысла на Новой Земле вовсе не нужен человек. При наступлении первых оттепелей на открытую озёрную воду приземляются гуси и утки, и резвых охотников инстинктивно тянет прочь от привычных дворов, от томительного ожидания человеческой щедрости. Выследи птицу, уснувшую в гнезде, разыщи сокрытые между камнями яйца, – сам добудь себе пропитание в пробуждающейся весенней тундре, и, изрядно потрудившись, возвращайся назад в оживлённый посёлок.

В некоторых случаях самостоятельная охота становится дверью в «прописку» на просторах дикой природы. Рассказывают, что однажды, во время планового ветеринарного сокращения численности дворовых животных, собаки почувствовали неладное, и, не дожидаясь печальной участи, ушли жить в тундру, на «вольные

хлеба». Там они сформировали стаи, численностью по 7–9 особей, и научились загонять диких оленей, обеспечив себе пропитание и в зимний период. Не приведи Бог встретить одичавших, отвыкших от человека тундровых псов. Со слов одного из местных, дикие собаки долго преследовали его снегоход, идя вровень, проявляя поразительную выносливость. Оставалось только молиться и надеяться, что техника не подведёт, не заглохнет на середине пути.

Разбежавшись по мокрой поверхности, громко крича и хлопая широкими крыльями, гуси один за другим поднялись в воздух. В их голосах можно было определённо слышать нотки недовольства и возмущения. Поиски мест, подходящих для гнездования, пришлось в очередной раз прервать, потому что кто-то невежливо нарушил птичье уединение.

Из неприметной норы за всей окружающей суетой наблюдает крошка-лемминг, привыкший сидеть под снегом долгие девять месяцев. «Лучше сидеть тихо и не шевелиться, – мог бы подумать он. – Так тебя точно никто не заметит. А если и заметит, то не придаст большого значения». Что ж, для сидящего в тихой норе вся жизнь течёт совсем по-другому.

### Дорогое лето

На откидных сиденьях грузового военного борта, облокотившись друг на друга, чутко дремлют пилоты – новая смена воздушного воинства Новой Земли. По их спокойным лицам, с всегдашним оттенком неунывающего оптимизма, читается очень важная и нужная способность – адаптироваться к любым, даже самым тяжёлым условиям. В ревущей машине, летящей на край света, их мысли, как мне представляется, светлы, наполнены искрящимися картинками о жизни на гражданке, на материке. И пока сотни и тысячи километров под крылом самолёта ткуют в единый ковёр с замысловатым рисунком горных хребтов, морей и рек, невидимой иглой в общую ткань влетают и воспоминания о родном доме.

В иллюминаторе я вижу, как под пеленой низкой облачности проплывают намыленные косы новоземельских заливов, кольчугой колышется стальная поверхность тяжёлого северного моря, испещрённая угловатыми волнами, похожими на кардиограмму. По реакции своего вестибулярного аппарата, по движению крыльев самолёта, чувствую, что мы начинаем динамично снижаться. Ребята накидывают форменные кожаные куртки (по которым мы так часто ассоциируем пилотов) и начинают готовиться к посадке. И хотя мы вылетели с Карельского перешейка в добрые июльские +30 С, не стоит обманываться, – на ветряных островах Новой Земли нас ждёт прохладный, совсем не курортный погодный приём.

Начинается подготовительная, предпоса-

дочная суета, и всем не до того, чтобы празднично смотреть в «окно». И только мне, беспечному, удаётся беспрепятственно прильнуть к холодному стеклу иллюминатора и понаблюдать, как земная поверхность становится всё ближе, как выпущенные шасси спешат навстречу приближающейся посадочной полосе.

Вот она, истесанная суровыми холодными ветрами, но всё же удивительно живая арктическая тундра. Тут и там на каменистой поверхности стелются светло-салатные ковры народившегося ягеля, дрожат белые ручки колеблющейся пушицы. Всюду переплетение рек и ручьёв, замысловатой холодной сеткой пронизывающих архипелаг. С высоты птичьего полёта острова выглядят нетронутыми, необжитыми, избавленными от чьего-либо присутствия. Это нездешний мир, сотканный из туманных мечтаний. Одинокая планета Новая Земля, в которой словно бы нет и не было никогда человека.

И всё же человек здесь есть. И ничто уже не изведёт его вон с арктической земли, не прервёт поход исследователей, навывших жить по полярным законам. Без сомнения, такое чуждое для живущих на Большой Земле бытие, такое далёкое территориально и ментально, что я и сам, находясь в отпуске, протираю глаза, продувал уши и никак не мог поверить, что недавно пил чашу студёной воды из ледяного ковша крайних северных рубежей.

И пока борт самолёта слетает вниз, ещё не коснувшись земли, пока холод ещё не схватил меня своей крепкой хваткой, впечатления о прошедшем отпуске яркими образами вырисовываются в сознании. На языке крутятся слова о возвращении домой, но они столь беспомощны, что их явно не достаёт для передачи полноты переживаний. Как изъяснить ощущение родной земли, как описать собственную «переплавку» полярной стезей? Все попытки – лишь угловатая проза, и всё же я попытаюсь.

В финальных числах июня мы с супругой долго и внимательно собирались. Заблаговременно сложив чемоданы, томительно ждали, готовые вылететь в любой момент, как только авиация будет готова «прыгнуть» в открывшееся погодное «окно». Наконец, отбыли на Большую Землю, оставив под крылом холодный арктический июнь. Наш борт направился напрямиком на малый аэродром, расположенный недалеко от Санкт-Петербурга.

Приземление. Первое открытие двери, – и вот в мозг молнией врываются запахи леса, речного воздуха, песка, прогретой на солнце сосновой коры и ещё, Бог знает чего, позабытого, но найденного в глубинах сознания, воскресшего с новой силой. Вы, верно, скажете, что не усматриваете в том ничего особенного, но, оправдывая свой восторг, отвечаю: в Арктике так мало запахов. Белые медведи не случайно чуют добычу за много километров, ведь в сте-

рильной комнате и корочка хлеба ощущается свежим, новоиспечённым караваем. В высоких широтах принимаешь это, как данность, привыкаешь, хотя не перестаёшь скучать, а потянувшись надеешься обрести вновь.

На улице тёплый летний вечер. Закатное торжество разливается над кронами запреледно высоких (по арктическим меркам) деревьев, и кружатся вокруг давно забытые насекомые, – комары да мошки. Пусть себе кусают! Густой, как смола, ветерок проглаживает выцветшую, уставшую кожу, вежливо и любовно нащёптывая, что мы наконец-то дома.

Люди, какие же вы счастливые оттого, что живёте на материке, в объятиях лесов, полей и рек, облюбленные тёплым, густым воздухом! Какое сокровище есть у вас – в городах, деревушках и хуторах: цветастые, огненные закаты-рассветы, смена дня и ночи, густая трава выше пояса и обычная, такая прекрасная жизнь вокруг. Если бы только было возможно, я остался бы под ближайшим деревом, прямо здесь, за сеткой ограды аэродрома. Сидел бы, обозревая движение мира, как невообразимо искусную картину великого Живописца. И, наверное, мне хватило бы запала не двигаться пару-тройку дней, не шелухнувшись глядеть, как шевелит крыльями бабочка на ближайшей берёзе, как где-то вдалеке стучит железная дорога, колышется цветущий иван-чай и неспешно поют свою вечернюю песню музыканты-сверчки.

Поставив сумку, срываю первую попавшуюся травинку, разминаю ладонью и подношу к лицу (теперь уж и не вспомню, что это было за растение – ромашка, полынь, а может быть вереск, которого немало в лесах Ленинградской области). И где же я был так долго, где пропал, почему забыл тебя, моя земля? Словно прошли на иной планете эти полгода, и теперь космонавт, паривший в холодном и безвоздушном пространстве, приземлился в мир человеческий. Солдат, горевший в огне разъярённых стихий, возвратился с войны в мирную жизнь.

Не оставь меня, идущего через суровую вотчину, где два месяца не всходит солнце, где упавшего в пургу заметает за несколько секунд, где воеет и рвёт в клочья всё на своём пути яростный ветер, и сердце неровно стучит, с трудом разгоняя по жилам густую, заледенелую кровь. Как непросто вернуться домой. Как непросто быть дома. Воистину, дорогой ценой мне достаются простые вещи – солнечное тепло, взмах стрелок цветущего кипрея, вечер под раскидистыми ветвями старого леса, земное тёплое, необъятное лето, за которое отдаёшь, иногда кажется, и саму жизнь.

Но, боюсь, только таким образом и познаётся истинная ценность простых вещей, – через отдаление от них, через скромное, не «взвинченное» житие, вдали от смятения и шумных трасс. Тогда любой человек пока-



жется тебе солнышком, и захочется всякого уберечь, обходясь с ним с большой осторожностью. Климат на материке (даже и вблизи полярного круга), покажется тёплым, во всякий сезон пригодным для жизни. Зимой не захочешь носить шапку и рукавицы. А главное – не станешь больше тревожиться или грустить, поскольку внутри крепким деревом вырастет радость простого человеческого бытия.

Отвлекаясь от мысленных планов разбить палатку в сосновом лесу, возвращаясь в настоящее время, в салон военного борта, заходящего на посадку на лежащий в дымке арктический архипелаг. Всё ближе бирюзово-свинцовое море, заснеженные сопки, и тонкой струйкой ползёт снаружи иллюминатора водяной ручеек. Плотное прикосновение к земной поверхности. Рёв двигателей, запуск обратного хода для скорейшего торможения. Многочисленные сумки и коробки, собранные в центре салона и вокруг нас, высыпаясь почти до потолка, подаются вперёд и готовы опрокинуться в любой момент. Вместе держим их, удерживая от падения.

Нельзя лететь с пустыми руками туда, где по объективным причинам нет дорожного сообщения с другими городами. Новоземельцы очень ждут свои посылки, и зачастую это самые простые вещи, необходимые для повседневного обихода (о чём можно судить по упаковкам): рыбацкие сапоги, упаковка лампочек, туго скрученные в брикет куриные яйца. И ещё много всякой всячины, не такой уж важной для тех, кто привык к наличию магазина за углом.

По окончании рулёжки внешний люк, наконец, распаивается, и холод снаружи заползает внутрь, в уставленный коробками салон, проникает за шиворот, сквозь «броню» наброшенного на плечи пуховика. На полосе аэродрома степенно ждут высокие «Уралы» с закрытым, отапливаемым кузовом, предназначенным для перевозки людей, машут хвостами добрейшие новоземельские собаки. Привычно хозяйничает свежий северный ветер.

Один из пилотов участливо помогает выгрузиться и перенести наши сумки в машину. Супруга, плотнее закутавшись в наспех вынутую из пакета куртку, держит воротник обеими руками и решительно оглядывает островной пейзаж. Её лицо, загоревшее на материковом солнце, словно светится в этом морозном, бледном воздухе, напоминая о некоторых процентах прочности, которые ей удалось накопить перед предстоящими испытаниями. Вдыхая чистейший морской воздух и выдыхая клубы тёплого пара, я надеваю перчатки, и с некоторой иронией восклицаю:

– Вроде бы июль на дворе, а мы отчего-то не в рубашках.

Пилот поднимает брови и с улыбкой снисходительно смотрит на наши худосочные (по

сравнению с находящимися рядом рослыми ребятами) комплекции. Наверное, в его глазах мы не вполне соответствуем нормативам, предъявляемым Крайним Севером к своим резидентам:

– За девять лет, что я здесь, – отвечает он, – припоминаю разве что несколько дней, когда ходили в рубашке. Но это, скорее, исключение. В нынешнем году, например, такого тепла вообще не было.

Погрузившись в «Урал», мы незамедлительно выезжаем с аэродрома. По всему пространству от Рогачёво до Белушьей Губы разгулялась заполярная тундра, пробудившаяся от долгого сна. Вопреки низко плывущей по небу туманной дымке, вопреки морозящим каплям дождя, прибавляющим снотворного в пять градусов тепла, тундра искрится белыми, жёлтыми и розовыми цветами. Слоистые чёрные камни, будто плодородная земля, какой-то невообразимой силою рожают ромашки, россыпью прильнувшие к поверхности. Рождают до умопомрачения мелкие голубые незабудки, собирающиеся в целые острова. В топких низинах, где мох лежит, словно наброшенный на лужу ковёр, верховодит белоснежно-лохматая пушица, махающая в такт ветру густыми «шевелюрами».

На небольших озерах размеренно плавают дикие утки, уже успешные за месяц выходить утят, активно наращивающих оперение. Такими темпами недалеко и на крыло встать. Удивительно, как скоро в суровых арктических условиях протекают все жизненные процессы у растений и животных. Арктическое лето вспыхивает огнём, горит, не оглядываясь на дождливо-ветренный гвалт, выполняет свою жизненную миссию за короткие месяцы-два.

Карские врата северной земли вновь впускают нас в свои нехоженые, необозримые чертоги, и не важно, что где-то далеко, под стальными крыльями самолёта растворился в туманной дымке мир материкового лета. Всё это не важно, ведь радость бытия остаётся с нами, и чтобы научиться довольству простыми вещами, не нужны «тепличные» условия, тропические страны или изобилие плодов земных. Нужны такие места, как Новая Земля. И мы на этой земле, словно ветки полярных ив, сеткой стелемся по камням и пушистому мху, терпеливо ждём под слоем снега и за короткое полярное лето цветём скоротечно. Кем бы мы были без этого полярного лета?

### Поморы

Зияющие глазницы старого затопленного корабля равнодушно глядят в холодную толщу арктических вод. Изъеденные ржавчиной борта, едва сохранившие следы краски то ли голубого, то ли синего цвета беспомощно встречают набеги волн и, не шелохнувшись, медленно врастают всё глубже в каменистое

дно. Несмотря на поверженное состояние, корабль жив, – в его внутренностях гнездятся белокрылые чайки-бакланы и полноправно считают его своим домом.

Наша лёгкая резиновая лодка с малосильным мотором хотя и не создаёт много шума, но всё же привлекает внимание птиц. Инстинктивно защищая свои владения, «белые молнии» пикируют прямо к нашим головам, тревожно крича, выказывая угрожающие знаки. Дмитрий, хозяин лодки, одной рукой держась за румпель, второй театрально грозя кулаком, раздражённо кричит кружащим птицам:

– Уйдите уже! Не нужны нам ваши птенцы. Не нужна нам ваша груда металлолома!

Чайки слышат, что начинается разговор, и, раззадорившись от оказанного внимания, ещё азартнее погружаются в мнимую битву. В криках появляются более резкие, душераздирающие, скрипучие ноты. И этой перебранке не видно конца. Думаю про себя: «Неугомонные! Как только им не совестно скандалить? Мы же без оружия, без злых намерений. Ещё недавно видели, как на другом берегу чайки таскали птенцов казарки, поднимали на уши утиные семейства. А теперь они ещё и недовольны, что кто-то подошёл к их жилищу».

Разглядывая корабль, прикрываю рукой лицо от накаляющих брызг и холодного ветра. Вокруг ходит беспокойными волнами чистый, тёмно-бирюзовый залив, в котором огромными «черепашками» разбрелись каменистые, поросшие мхом острова. На их гладких «панцирях» нет ни щетины травы, ни кустарников, ни навигационных знаков. И всякий обитатель арктических земель виден здесь, как на ладони. Никому не скрыться, не утаиться. Стучать или кричать тоже нет причин, ведь мы знаем друг друга и без лишнего этикета привычно оцениваем издали.

Да, мы тоже, как все, – ловим малейшие крохи тепла, остерегаемся холодных ветров, добываем пропитание. Только птенцы перелётных птиц (постоянных и не бывает на Новой Земле) совсем скоро встанут на крыло, и вместе с родителями отправятся к другим, южным берегам. Мы же останемся в полном безмолвии, будем прощаться с коротким, ветрено-холодным летом, и постепенно погрузимся в нескончаемую пелену метели и тумана.

Впереди, до самого горизонта – огромные, величественные просторы, немота и безлюдье. Лодка медленно, но верно огибает небольшие безымянные острова. Берега их то чёрными скалами возвышаются над поверхностью холодного моря, то опускаются вниз пологими пляжами. Кое-где в море с островов нитями тянутся ручьи, разрезая каменистый рельеф пресными, талыми водами. В нависающих над пляжами нишах лежит прошлогодний снег. К августу месяцу он ещё не растаял, и, притаившись, облекшись ледовой глазурью, ждёт

своего часа, чтобы передать ключи от тундры снежным вихрям нового сезона. Крепкий, не исчезающий снег. Он смог пережить заполярное лето, отступил в глубокий тыл под каменистыми склонами. Он непременно вернёт себе утраченные владения, ибо имеет на то все законные права.

С северной ветреной стороны надвигается туманная пелена из низкой облачности и плотного, мелкого дождя, густо смешанного с туманом. «Моряна» – называют надвигающийся дождевой фронт поморы. Завидев такое, стоит готовиться к самым неожиданным, далеко не самым приятным последствиям. Скоро погода поменяется.

Где-то вдалеке, на водной ряби, раскачиваясь в такт волнам, «танцует» импровизированный буёк, сделанный из пятилитровой пластиковой бутылки, перевязанной верёвкой, закреплённой грузом на дне. Установлен он с вполне понятной целью: отметить проверенное на опыте место удачной рыбалки. Глушим мотор, бросаем якорь, и охваченные надеждой на скорейшую поклёвку и добрый улов, безотлагательно закидываем удочки на указанном месте.

Проходит время, но рыба не идёт. Блесна то и дело цепляется за покрывшие дно водоросли, и с каждым забросом всё больше риск окончательно запутаться, оставив снасти на дне морском. Мы сидим на дощечках, прокинутых поперёк надувной лодки, и раскачиваясь на волнах вместе с буйком, смотрим на приближающуюся с северной стороны «моряну». Плотно застегнувшись, мечтаем о доме и о родных берегах. На пронизывающем ветру всё остывает очень быстро. В термосе вместо горячего чая – не согревающая, не вдохновляющая субстанция комнатной температуры.

«Холодно. Пора, наверное, собираться. Успеть бы дойти до берега, пока дождь не захлестнул, пока мы окончательно не лишились видимости. Одежда, конечно, держит тепло, но совсем скоро намокнет, и мы продрогнем до самых костей. Рыба, как назло, не клюёт, дела наши усилия напрасными. Да и какое ей дело до нас, самонаречённых поморов, болтающихся на лёгкой, почти бумажной лодочке, затерянной в бескрайнем пространстве северного неприветливого моря? Рыбе, наверное, и так хорошо – в непроглядной глубине, в водяной тишине, среди густых зарослей ламинарии».

Чувства наши, как и море, – непостоянны и чутко подстраиваются под обстоятельства. Что же должно наполнять сердце человека, когда он видит эти высокие скалы, укрытые мхом, когда терпит леденящий ветер, верховодящий в середине августа? Что должен чувствовать человек, опустивший руки в море, всегда холодное, всегда опасное, и осознавший, что, попав в такую воду, долго не протянуть? Сердце трепещет. Но его переживания переменчивы.



Оно так стучит, потому что не в силах измерить необъятное, не в силах охватить широту суровых просторов.

Моё внутреннее противостояние с самим собой Арктика будто слышит. Удилище начинает подрагивать, словно по нему выбивают ритм барабанные палочки, и что-то в глубине напористо тянет за леску. Подтянув вверх, чувствую тяжесть, но всё ещё сомневаюсь: может, зацепил листы ламинарии. Кручу катушку. Удилище гнётся. Запястье правой руки напрягается до предела, поднимаю нечто неведомое и тяжёлое из холодной глубины. Ещё немного, и в толще тёмной воды показывается светлое брюхо извивающейся на крючке рыбы. Она то уходит под лодку, утягивая за собой, то стремится в глубину, обращая конец удилища в воду, то вертится как веретено, пытаясь избавиться от крючка. Сильная добыча!

После упорной борьбы, перемежающейся радостью, страхом, удивлением, наконец, подтягиваю треску к поверхности. Дмитрий хватает её за челюсть щипцами и переносит в лодку. Рыба довольно крупная, блестит зеленовато-коричневой шкурой, и гневно смотрит на нас своими огромными глазами. Пусть гневается. Может быть в холодной стихии она и сильнее нас. Но сегодня, в смятении волн, в дыхании холодного моря, грозящего опрокинуть нашу непрочную лодку, – победа за нами.

### Мы с тобой далеко не из стали

Мы с тобой далеко не из стали,  
Сто дорог прошагали вдвоём.  
Сто ветров на себе испытали,  
И на самом краю – проживём.  
В тёплой комнате или без крова,  
В белоснежном пуху тополей.  
Или в вихрях, что снова и снова  
Верховодят на Новой Земле.  
Мы не ищем простого исхода, –  
Из других «микросхем» я и ты.  
Если будет без солнца полгода,  
Нам достаточно талой воды,  
И надежды, – что небо растает,  
Тишины – помолчать о своём:  
Мы с тобой далеко не из стали,  
Но на самом краю – проживём!

### Оттенки

У снега оттенков много  
(Как и у жизни, впрочем):  
Бывает он цвета хрома  
В холод полярной ночи.  
Безумной метелью рвётся,  
Кружится «пылью» серой.  
Сияет под новым солнцем  
Бисером драгоценным.

Прямо у кромки моря  
Спит бирюзовой гладью.  
Синевой в облаках тонет, –  
Оттенки все сосчитать бы!  
Ты до весны, до срока  
Время холодное выжди.  
Оттенков у снега много  
(Впрочем, как и у жизни).

### Пуночка

Над морем снова белый «дым»,  
Ты нам, полярным часовым,  
Надежды ложной не давай,  
Не говори про тёплый май,  
Где ветры-вьюги не слышны.  
Здесь вовсе нет такой весны.  
Мы в центре снежного «костра»,  
Горим, – не выгорим дотла.  
И тонким хрустом под ногой –  
Другая жизнь. И я другой.  
Не проклинаю свой удел,  
Хоть мир вокруг заиндевел  
В оскоме ледниковых плит.  
Над крышей пуночка летит.  
И сразу на душе тепло, –  
Ненастье было и прошло.  
Ведь там, где птицы, там покой,  
И мир, поверь, совсем другой.

### Сопки Новой Земли

Что ты видишь, мой друг? –  
Только камни вокруг,  
Не нащупаешь край этой бездны.  
За суровость прости,  
Но мне надо идти,  
Время хрупкое скоро исчезнет.  
По колено в воде,  
Круглосуточный день,  
Всё горит негасимая «свечка».  
Тундра делает ход,  
Я отправился вброд  
По полотнищам мха бесконечным,  
По медвежьим следам,  
По нетающим льдам,  
В день ненастный, холодный, весенний.  
Может, выберусь вплавь.  
Боже, душу оставь,  
И надежду оставь на спасенье!  
Что ты видишь, мой друг, –  
Только горы вокруг  
Серебрятся в ледовой оправе.  
Я плутаю вдали  
В сопках Новой Земли,  
Словно отмашью брошенный камень.

### Мотыльки

За границами вечно холода  
Где-то есть города,  
Где вода мерзлотой не закована.  
Как добраться туда?

За бескрайними далями Севера  
Спят в траве мотыльки.  
И царапает старое дерево  
Вековые стихи.  
Там земля доскутами размечена, –  
Золотые поля.  
И сплетают туманы над речками  
Теплоту сентября.  
А на доме резные наличники.  
И обеденный стол,  
Суета. Всё до боли привычное,  
Только я не о том.  
Ты попробуй, отдай эти стёклышки  
Непреренно «за так».  
Выпей сердцем, иссохшим до доньшка,  
Архипелаг.  
Край полярный без цвета, без запаха,  
Только вьюги вокруг.  
Без рассвета, без неба закатного,  
Ветра бредущий звук.  
Вот тогда ты познаешь отчётливо,  
Как беспечно легки  
Те деревья, те заводи тёплые,  
И в траве мотыльки.

### Взлётная

С аэродрома быстрый взлёт,  
И птицей в клетке бьётся сердце.  
Достань-ка термос – будем греться!  
Верхом на «пуле» нас несёт  
За край, за тридцать земель,  
В полярный мир ночных скитаний,  
Где ждёт нас «кнут», а может «пряник».  
Отринь все слухи и проверь.  
Прибоя шум. Глаза раскрыв,  
Ступи на чёрный берег дикий,  
Где волны птиц глотают крики  
И острова глядят в залив.  
Дождями-косами скользя,  
Грохочет северное лето,  
Среди камней царит стоцветом,  
И слабым быть никак нельзя.  
С аэродрома быстрый взлёт.  
Простое средство есть для сердца, –  
Достань-ка термос, будем греться,  
И дрожь неловкая пройдёт.

### Не скрою

Теперь далеко я от дома. Не скрою,  
Здесь снег даже летом на склонах не тает.  
Но всё же я рад, что холодное море  
Так крепко мой остров собой обнимает.  
Сегодня корабль в Белушьем заливе  
Стоит молчаливо. Расходятся волны,  
Как лошади будто с нечёсаной гривой,  
Вздываются в воздух, флюидами полный.  
Не скрою, мне нравится это безлюдье, –  
Нетронутый мир в «перепаханном мире».  
Твоя чистота, я надеюсь, не будет  
Меняться на пригоршню суетной пыли.  
Корабль безмолвно на рейде дрейфует,

И волны приветно его обнимают.  
Не скрою, мне жизнь подарили вторую,  
Где сходится море и небо за краем.

### Дальним посёлкам Севера

Целый месяц сижу без связи.  
Вместо срочных звонков – ветер.  
Грею руки в глухом запасе,  
И никто меня не заметит.  
Может, это не так сложно –  
Отказаться от разговоров?  
Я не связанный, не заложник,  
И привыкну совсем скоро.  
Пропитаюсь морской солью,  
Лягу в тундре на мох мягкий.  
Здесь пространства для мыслей – вволю,  
И сплетает узор ягель.  
Ходят вдоль побережья звери,  
Шелест крыльев на небе слышно.  
Слух становится всё сильнее,  
Обостряется там, где тише.  
Целый месяц сижу без связи.  
Оказалось, – не так уж сложно.  
Грею руки в глухом запасе,  
Но не связанный, не заложник.

### Дом

На утёсе крутом я построил бы дом,  
В необласканном мире, седом и пустом.  
И глядел бы с крыльца, как полощется гладь.  
Что ещё пожелать? Что ещё пожелать?  
За плечами в прихожую дверь и камин,  
И в стакане пушица, – полярный «жасмин».  
Отгнав дремоту ненавистную прочь,  
Я встречал бы рассвет, необъятную ночь.  
И с улыбкой незримой на кончике губ,  
Вспоминал бы, как был так наивен и глуп:  
Распустив паруса, плыл к чужим берегам  
И учебник о жизни читал по слогам.  
Далеко-далеко, в окаёмах морских,  
Где за спинами скал ветер бешеный стих,  
Шаткий, маленький дом, заполярный ночлег,  
Будто Ноев ковчег. Будто Ноев ковчег.

### Травинки считая

Так легко и беспечно на Север летит  
Птица белая. Кто же тебе запретит  
Пересечь океан, бирюзовый простор  
И в туман окунуться на подступах гор?  
В заполярную тундру ты ранее всех  
Прилетаешь, сбивая простуженный снег.  
Без бумаг и вещей, ты всегда налетке,  
Все травинки считаешь в «полярной реке»,  
И находишь недолгий, суровый приют.  
Одиноко дожди заполярные льют,  
Мимолётного лета проходит заряд,  
Скоро все, кто не ранен, на юг улетят.  
Знаю, в Арктике ты ненадолго в гостях,  
Но ещё задержишься на рыбацких снастях,  
Но ещё погости, не спеши улетать.



Мне таким же беспечным, похоже, не стать.  
Я пытаюсь согреться в плену рукавиц,  
Я боюсь в этом мире остаться без птиц,  
И травинки считаю на свежем снегу,  
Крылья пуночки белой в душе берегу.

### Летим

Сейчас на Севере темно,  
Ждёшь полдень, но не рассветает.  
Наш борт железный улетает,  
Вонзаясь в неба полотно.  
Мерцает свет далёких сфер,  
И бледность строгая на лицах.  
«Летим, – нельзя остановиться!» –  
Даёт команду офицер.  
Летим над гребнем мёрзлых скал,  
Над морем, бранными словами,  
Меж молотков и наковален,  
Где Север вихри расплескал.  
Летим над ветхим бытием.  
Мне это чувство так знакомо:  
Надежда оказаться дома, –  
Ведь я свой дом забыл совсем...  
Но лучше промолчать о том –  
Не растерять, не усомниться,  
Есть бледность строгая на лицах,  
И бездна неба за крылом.  
Пускай сейчас ещё темно,  
Но непреложно сердце знает,  
Что после ночи – рассветает,  
И встретит нас аэродром.

### Идущий вперёд

Край завьюженный, край обесцвеченный.  
Ночь полярная птицей в гнезде.  
Я проснулся ни утром, ни вечером:  
Солнце, где ты? Неведомо где.  
Как же всё в Заполярье устроено?  
Жизнь в потёмках, шаги – наугад.  
Снег за нами латает пробоины,  
Все тропинки стирает в накат.  
Забирается вьюга за шиворот,  
Шепчет резво: «Ломайся, тростник!»  
Только страхи из сердца я выволок,  
Крайний Север, я твой ученик:  
Распознавший глухие наречия,  
Из тепла заступивший на лёд.  
И в краю до краёв обесцвеченном,  
Непреклонно идущий вперёд.

### Не отпуская

Поверь, всё будет хорошо.  
Умчались прочь зима и лето,  
И пёс соседский в знак приветия  
К тебе так близко подошёл.  
Бетоном в небо этажи, –  
Их больше, кажется, чем двадцать,  
А мне на Север собираться:  
Не отпуская меня, держи!  
Колышет воздух зимний парк.

Мы, много побродивши за день,  
В кафе с тобой, – почти в засаде,  
Как Жан де Мец и Жанна д'Арк.  
Из куртки вытащив пшено,  
Покормим уток ленинградских  
И у реки решим остаться.  
Что мёрзнут пальцы – всё равно.  
Закат рисует миражи.  
Сиянье фар проспекты греет,  
И время мне – лететь на Север,  
Поставить жизнь в иной режим.  
И все слова уже не в счёт, –  
Торчит из куртки край билета,  
И пёс соседский в знак приветия  
Ко мне так близко подойдёт.

### В белых тонах

Нарисуй мне картину такую:  
Даль пустынная в белых тонах.  
И стою в отдалённом скиту я,  
Только вот не монах, не монах.  
Вихри снежные бродят по кругу,  
Ищут-свищут: кого бы поймать.  
И хватают, и тянут за руку,  
Забирают в пустынную гладь,  
Где снега затвердели «бетоном»,  
Где остывшего моря лицо.  
Хорошо. Хорошо, что ты дома,  
Там, где поле и чай с чабрецом  
Дышит паром, картину рисуя:  
Даль пустынная в белых тонах.  
И стою в отдалённом скиту я,  
Только вот не монах, не монах.

### Быть может к лету буду дома

Быть может, к лету буду дома  
И, будто пришлый, незнакомый,  
Пройдусь в тени густых берёз,  
Где всё так близко и всерьёз.  
Ты скажешь: «Где ты был так долго?»  
А я отвечу: «Чувство долга»,  
И невзначай вручу тебе  
На тонкой, луговой тропе  
Свои осколки. «Можешь склеить?»  
Я был на вахте, видел Север,  
И крепость сердца растерял,  
Остался только материал:  
Покрытый пылью, лист дубовый,  
Тетрадь, в которой нет ни слова,  
И горсть простых, морских камней, –  
Осколки сердца. Хочешь, – склей».   
И в руки взяв осколок каждый,  
Ты скажешь тихо: «Всё, что важно  
Дается дорогой ценой:  
Теперь ты дома, ты со мной».

### Дорогая, послушай

Дорогая, послушай:  
Снова воют собаки в Белушьей Губе,  
Вихри снежные кружат, –

Или просто скучает душа по тебе.  
И хрустит безутешно  
Снег вчерашний под весом тяжёлых машин.  
Он всё стерпит, конечно,  
Кто бы резво пройти по нему не решил.  
По застуженной бездне  
Расплескается в сполохах призрачный ток.  
Мне, наверно, полезней,  
Чтоб «мурашками» шёл по спине холодок,  
Чтобы пояс потуже,  
И чтоб выли собаки в Белушьей Губе,  
И в кромешную стужу,  
Чтоб скучала душа по тебе, по тебе.

### Воздух

Сжимает скулы колкий, мёрзлый воздух,  
Торопит слёзно на краю земли,  
Но мне идти с тобой, пожалуй, поздно, –  
Ведь я горю, стораю изнутри.  
Смирившись, облачившись в белый саван,  
И жизнь, и кров оставив на потом,  
Я пришвартован в северную гавань,  
Мечтаю. Всё-таки мечтаю о простом:  
О стёртых, тёмно-красных листьях клёна,  
О соснах, уводящих в звездопад,  
О диких травах, в поле утаённых,  
Зашитых в бархат луговых заплат.  
За мир, что в снах моих воссоздан,  
За взгляд обратный на краю земли,  
Прости меня, мой заполярный воздух,  
Что я горю, стораю изнутри.

### Стою на страже

Пройдёт, отгрохочет безмолвие это,  
И холод мне выдаст расчёт.  
Отправлюсь с рассветом, немного поэтом,  
Увижу хоть что-то ещё:  
Раскрашенный мир, где не нужно вовсе  
Вгрызаться в калёный снег.  
Там будет лето, а потом будет осень, –  
С листвою в переливах рек.  
Да, снег отпустит, не думай даже,  
Что жизнь замедляет пульс.  
Стою на страже. Тоже мне, скажешь, –  
Будто бы я не вернусь.  
Возьму пожитки, отправлюсь рано  
С полярной передовой.  
Вернусь незванным сквозь тьму бурана,  
Чтобы остаться с тобой.

### Дорогая весна

Сквозь метель пробирается тихо весна,  
Перламутром блестит в переломе ресниц.  
И смущённый закат, раскалив докрасна,  
Ждёт на крышах домов появления птиц.  
Третьи сутки на улицу выход закрыт:  
Там погода клокочет, как загнанный зверь.  
Ветер воет протяжно и плачет навзрыд, –  
Он как будто прощается с нами теперь.  
Разбежится, раскрутит своё колесо,

Чтобы хрупкость мою переделать в муку.  
Оказаться бы сильным, хотя бы разок,  
Только вот замело и идти не могу.  
В круговерти ночной затихают огни,  
Вихри плачут навзрыд у тройного стекла.  
Мне крылом перелётным хотя бы махни, –  
Дорогая, родная, простая весна!

### Налегке

Снегом закат плескал,  
Двери срывал с петель.  
В спины высоких скал  
Бил ледяной кистень.  
А я с пустым рюкзаком:  
Не много ли для одного?  
С разъездами так знаком:  
Налегке – проще всего.  
С места – и в авангард  
Входишь, едва дыша.  
Тише, ледовый гвалт,  
Тише, моя душа.  
Мне из пожара – в лёд,  
В сон заполярной мглы,  
Где Арктика снег жуёт,  
Стачивает углы,  
Скручивает в канат.  
Взялся, теперь плыви,  
Скромно и без наград,  
Просто, ради любви.  
Рокот. Пора взлетать,  
И – далеко-далеко.  
Что мне с собою взять?  
Мне без вещей легко!



Фото автора



## И тундра в центре мироздания

Проза  
Поэзия

Ирина Коткина

### День Большого Солнца

На День Большого Солнца надо было попасть хотя бы ради того, чтобы после многолетней стихотворной паузы захотелось вместе с прозой – зарифмовать жизнь. Спасибо всем, кто был рядом и вдохновил на подвиги.



В выходные 25-26 июня 2022 года на турбазе «Ханавэй Ся» (нен., Соколиный обрыв) провели этнофестиваль в честь небесного светила, что круглосуточно дежурит в ненецкой тундре долгим полярным днём.

Идея нового праздника родилась неспроста. Первое появление солнца после утомительной полярной ночи, по ненецкому обычаю, отмечают 7 января. Почему бы не уважить его летнюю трудовую вахту? Особенно на том месте, где в давние времена собирались оленеводы, вели торговлю, решали важные дела и делились новостями.

Чтобы задумка стала реальностью, понадобились усилия многих людей. Что из этого получилось, я лично проверила. По приглашению организаторов, вместе с подругами-вокалистками из ансамбля «Хаяр» (нен., солнце) побывала в эпицентре события и спела капризной звезде хвалебную песню.

#### Дядя Фёдор, пёс и другие

Устроители «солнечного» мероприятия надеялись на благосклонность виновника торжества, но последнее прочно скрылось за тучами. Довершили картину дождь и штормовой ветер, из-за которого не все гости смогли прийти в назначенное место в низовье Печоры.

Два с половиной часа от нарьян-марского морпорта на катерочке по речным ухабам, и вы у желанной пристани с ярким баннером: «День Большого Солнца. Добро пожаловать на Ханавэй Ся!»

Двенадцатый год Фёдор Личутин обихаживает уголок тундры, где когда-то стояла землянка его деда Виталия. Теперь здесь два гостевых дома, баня, столовая, беседка, детская площадка – не пять звёзд, но тридцать три удовольствия в одном флаконе на краю земли.

Гости турбазы называют хозяина породственным – дядя Фёдор. В отличие от простоквашинского, у нашего дяди семья побольше будет. Четверо детей и жена Маша, три рыжих кота, лайка Белка, олени-блондины и брюнетки, ручная малышка-авка, беспокойная крачка с недавно вылупившимся потомством и целая армия тундровой живности окрест.

А как насчёт сокола, имя которого звучит в названии турбазы? Хищник свысока наблюдает за порядком на вверенной территории, а его деревянный двойник уютно приспособился на скамейке у главных ворот.

Там любят сидеть и думать о важном люди, наконец-то оторванные от назойливой мобильной связи, Интернета и прочей жизненной шелухи.

#### Держать нос по ветру

На месте проведения праздника раскинулся палаточный городок, длинные столы, импровизированная сцена. Неутрачивающий ветер всячески мешал устроителям – срывал баннеры, чуть не утащил в реку палатку с аппаратурой.

– Может, нам переименовать День Большого Солнца в День Большого ветра? – спросила отважных гостей главный идеолог праздника

Ольга Выучейская.

Гости решительно возразили и активно включились в соревновательный марафон. Боролись на ненецких поясах, перетягивали палку, метали тынзей на головки нарт, мерялись интеллектом в ненецких шашках – тебко (деревянный гвоздь).

Рядом развернулась тундровая кухня. Команды за час должны были разделать оленью голову и приготовить из неё максимальное количество блюд. Для несведущих в традиционной ненецкой кулинарии конкурс стал настоящим испытанием, которое они выдержали с честью.

На модный подиум в нарядных паницах вышли рукодельницы из Нарьян-Мара и посёлка Красное. Дефиле сменилось массовым женским забегом на 60 метров. В чумах-палатках в это время взрослые и дети мастерили на память «ловцы снов» и магниты в виде птички-ржанки, решали экологические квесты, узнавали секреты народных ремёсел.

Вокалистки-хаяровки старательно поднимали зрителям настроение – пели об удачливых рыбаках и охотниках, умелых чумработниках и храбрых оленеводах, о родном крае, который дорог сердцу в любое время года.

Эмоций моменту добавлял обиженный ветер, на который уже никто не обращал внимания. Главная способность северян – философски смотреть на вещи и приспосабливаться к любым, даже самым штормовым жизненным ситуациям.

#### Зарядка на Мохнатке

Специально для фестиваля красновский скульптор Николай Вылка изготовил главную статую фестиваля – Большое Солнце и деревянные изваяния Мужчины и Женщины.

Глава Союза оленеводов НАО Владислав Выучейский пояснил философскую задумку художника:

– Все люди мира поклоняются солнцу. Мужчина и женщина – противоположные полюсы, которые подчиняются его ходу. Они разные, но живут по единому, заданному природой, ритму. Мы лишний раз решили напомнить людям, что зависим от земли, ветра, снега, что нельзя нарушать природные циклы. А солнце есть и будет всегда, даже если мы его не видим.

Увесистую тройцу на лодках отвезли на Тарцавэй седа (нен., гора Мохнатка), а устанавливая отправились пешком. Четыре километра по кочкам, зарослям ивняка, болотцам под ветром и морозящим дождём и столько же обратно.

Почему именно Мохнатка? Ненецкие легенды и находки археологов совпадают в определении её значимости. Раньше там было большое поселение. Люди жили в ладу с природой, поэтому имели в достатке грибы, ягоды, рыбу,

олений. Шло время, менялись ценности, но неизменным оставалась простая истина – жизнь в гармонии с внешним миром.

На «гармоничной» Мохнатке крепко установили три жизненных начала. Уроженка священного Вайгача Галина Артеева провела возле них обряд очищения, связавшись с верхним, чистым миром, отогнала злых духов.

Теперь сюда будут приходить те, кто захочет познать себя, зарядиться энергией Солнца и прикоснуться к древней культуре кочевников.

#### Пусть всегда будет солнце!

Трудная победа – всегда самая желанная. Время на Соколином обрыве будто остановилось, выпрыгнув из размеренной череды суетных будней.

Все, кто смело запрыгнул в «солнечные» нарты, сполна хлебнули адреналина, порадовали глаз цветущим багульником и морошкой, отмахали по пружинящим кочкам недельную норму километров, задобрили ненецких богов, промокли, высохли, согрелись душистым чаем и оленьим евэем и, как ни странно, загорели.

Видно, любопытное солнышко всё это время следило за людьми, которые так старались ему угодить, и обладало их за внимание крепким северным колером.

\*\*\*

Когда печорскими ухабами  
Мы отбивали точки пятые,  
То сомневались, это надо нам?  
Куда несёмся без оглядки мы?

Там, у обрыва Соколиного,  
Пьянит багульника дыхание,  
Цветёт морошка торопливая,  
И тундра в центре мироздания.

У дяди Фёдора событие,  
И не страшны нам расстояния.  
В программе – с солнцем чаепитие  
И с ветром буйным целование.

Без Интернета и мобильных  
Остановилось время в радости.  
Застыли, будто в морозильнике,  
Проблемы и шероховатости.

Мы на Мохнатке след оставили –  
Трёх постовых, одетых в дерево.  
Природе сдали мы экзамены  
И наши души ей доверили.

Фото Светланы Шадриной



## Ямбом и хореем

### Что вижу – о том пою

Потомственный оленевод Николай Ледков из посёлка Красное не считает себя поэтом, но рифмуется жизнь так же легко, как управляет упряжкой

Родился Николай Артемьевич в 1961 году, в месяц большой темноты, в Большеземельской тундре. Четвёртый из двенадцати детей, с малолетства помогал родителям, постигая науку кочевой жизни. Поэзия всегда была рядом, просто молчала до поры до времени.

### Чумовой декламатор

Дети тундры быстро становятся взрослыми, потому что кругом дел невпроворот. Вместе с отцом Коля мастерил нарты, плёл тынзеи, пастушил, вместе с мамой ставил и разбираал чум, следил за очагом, таскал воду, нянчил младших братьев и сестёр.

Первые стихи услышал в красновской школе, куда первоклассником приехал по осени прямиком из тундры. А дальше – восемь лет в интернате с перерывами на долгожданные каникулы и единственное место отдыха – тундра и родной чум.

Учёба Коле давалась легко. Смышлёный мужичок-тундровичок всё схватывал на лету. Особенно радостно было на уроках литературы. Николай Артемьевич хорошо помнит учительницу Наталью Соболеву, которая была ненамного старше своих учеников.

– Наталья Гавриловна до сих пор преподаёт. Очень нам нравились её уроки. У меня память на стихи отличная была. Один раз прочитал, запомнил – пятёрку получил. Часто декламировал наизусть.

Публичные стихотворные выступления приносили знатоку поэзии не только «пятёрки». Само собой незаметно ушло детское заикание.

Тут бы способному ученику продолжить учёбу, но после восьмого класса Николай без раздумий вернулся в тундру. Там на смену любимым стихам вновь пришла суровая проза оленеводческой жизни.

### И с Пушкиным на дружеской ноге

Без чумработницы тундровику тяжело. Евгения Петровна стала для Николая Артемьевича надёжным тылом и той самой музой, что вдохновляет мужчину на подвиги.

Невесту Коля ещё в школе присмотрел. Темноглазая Женя из деревни Чёрной, что между Варандеем и Красным, была не по годам самостоятельной. В три года девочка оста-



лась без матери. Вести хозяйство дочку обучал отец-олeneвод. Невеста получилась знатная, умелая.

Не всё сложилось как по писаному. Обрато в чум красавица не торопилась. После школы выучилась в Вологодском техникуме молочной промышленности, поработала в Красном и только потом по настойчивому зову отца вернулась к чумовым заботам.

Николай тоже на месте не сидел. Два года в армии оттрубил. Служил на Кольском полуострове в ракетных войсках оператором системы управления защиты.

После армии год по тундре кочевал, добра наживал.

Невесту сватать по старой традиции отправился в августе, сразу после Дня оленя.

– Двое суток на упряжке до места добирались. Отец Евгений хотел меня пастухом у себя оставить, но я стукнул по столу кулаком и не согласился. Неделю потом ждал, пока он дочку в дорогу собирал, приданое паковал.

Поселились молодые в чуме родителей, но те через год один за другим ушли за далёкую сопку.

Зажили самостоятельно, вели хозяйство дружно. В трудах праведных помогала оленеводу большая поэзия.

– Всегда возил с собой в стадо сборник Пушкина «Руслан и Людмила». Выучил всю поэму наизусть. Кому читал? Так оленям и лайкам! Людей-то вокруг нет. Те слушали внимательно, нравилось, наверное.

### Под своим и чужим небом

Время личных стихов пришло внезапно. Николай Артемьевич не помнит, когда первая рифма возникла.

– Специально не получается сочинить, всегда неожиданно. Еду один на упряжке под звёздами, красота кругом – стихи сами появляются в голове.

Осенью 1992 года довелось красновскому оленеводу вместе с окружной делегацией под

руководством Александра Ивановича Выучейского побывать в Канаде. Десять дней возили тундровиков по Калгари и окрестностям: показывали нефтяные месторождения, буровые вышки, рассказывали, как нефтяники

с индейцами дружат.

На вопрос, чем Канада удивила, Николай Артемьевич с усмешкой отвечает:

– Не привык удивляться. Живут себе люди и живут. Был конец сентября, начало октября. На севере стояли реки, снег был, как у нас.

Ни одного стихотворения не привёз домой с другого материка путешественник. Видно, звёзды там не такие.

### Хозяин тундры

У Николая Артемьевича и Евгении Петровны две дочери, сын, четверо внуков-школьников и другие многочисленные родственники.

Племянница Надежда Савенкова вместе с мужем сняла про любимого дядю короткометражный игровой фильм.

– В 2021 году дядя Коля отпраздновал юбилей, 60 лет. Мы давно хотели как-то его порадовать, и тут услышали о конкурсе видеороликов окружного Этнокультурного центра «На особинку деревня, на особинку село». Муж Алексеем за одну ночь написал сценарий, показал дяде и его жене. Они почитали, одобрили. Особенно им понравилась фраза, что тундра без хозяина сиротеет.

Главную роль в картине сыграл сам Николай Артемьевич. Стихи, что родились в оленьей упряжке, в начале фильма проникновенно декламирует его племянник, артист детской ненецкой группы «Ханийко» (Дети Севера) Костя Ледков.

Фильм «Дядя Коля» стал победителем конкурса. Николай Артемьевич картину целиком увидел недавно, когда с женой из тундры вернулся. Вместе с лайками Пэйко и Вороном

сторожили убойный пункт СПК «Ерв». Летом опять поедут, в посёлке скучно лето коротать. Тундру надолго в одиночку оставлять нельзя: она ведь как женщина, требует внимания и поэзии в отношениях.

\*\*\*

Мне в тундре бескрайней покой,  
Пусть она и сурова порой.  
Мне со стадом оленьим отрада,  
И другой мне награды не надо.

Здесь надёжней оленьей упряжки  
Транспорт найти нелегко.  
И собаки надёжнее друга  
Едва ли найдётся в округе.

\*\*\*

Не во сне я видел бег олений,  
Упряжки дерзкие держал,  
Как часто в миг последний  
На сани сесть я успевал.

И мчали вдаль меня олени  
Через снега, через года,  
Сквозь детство, юность, и когда  
Лицо покрыла борода.

Домчат, быть может, и туда,  
Где в тундре, где-нибудь на сопке,  
Мне крест поставила судьба.

Фильм «Дядя Коля» можно посмотреть ВКонтакте в группах: ЭКЦ НАО, Клуб «Созвездие» п. Искателей, «Упряжка Победы».

Первое фото из семейного архива Ледковых:

«Тундра в сердце и слове»

Второе фото: кадр из фильма «Дядя Коля»





### Под нюком чума твоего

Родилась Шура 17 февраля 1942 года в тундре, в родительском чуме на западе острова. «Зима тогда была суровая, земля ледяная», – вспоминали старожилы. Сводки с фронта долетали с большим опозданием, но каждый знал – идёт большая битва за страну.

В семье Ледковых было восемь детей, трое умерли в грудном возрасте. Последний младенец вместе с собой унёс и мать. Шуре было десять, когда она осталась за няньку с четырёхлетней Маврой. Брат Евдоким помогал отцу пасти оленей в стаде, Тимофей следил за упряжью, в чуме хозяйничал Егор.

Было непросто, но в детский дом Михаил Николаевич никого из детей не отдал, хотя и предлагали. В стойбище все друг другу помогали, так истари повелось. Охотились на гусей, ловили капканом куропаток, промышляли нерпу и рыбу, собирали дикий лук и морошку, грибы и птичьи яйца, заготавливали дрова.

Остров в то время был по-настоящему оленьим. В тундре выпасали три стада – казённое и два частных. Хорошими пастухами были дед и отец Александры Михайловны. Мастеровые и работающие, мастерили они нарты и упряжь, из нерпичьих шкур шили непромокаемые пимы и совики, вели в буквальном смысле натуральное хозяйство.

В детстве запоминаются события, которые вызвали самые яркие эмоции. Таковыми стали для девочки простые тундровые будни. Именно поэтому всегда с радостью возвращалась она в родной чум. Там всем хватало места, там каждый по-своему был счастлив.

### Городская наука

Впервые любимый остров Шура покинула после окончания начальной школы. Будущих пятиклассников грузили на теплоход «Юшар» и отправляли в Нарьян-Мар. Юных путешественников никто не сопровождал, спали они на полу в одежде, кормились домашними пайками.

В городе островитян встречали, размещали

## Роман с продолжением

*Александр Ледкову на Колгуеве знает каждый, ведь тридцать три года из своих восьмидесяти она проработала в детском саду. Через её добрые руки прошли сотни маленьких островитян. Александра Михайловна написала книгу о себе и семье, а получилась история малой родины глазами преданной дочери.*

в Ненецкой школе-интернате, мыли в бане, меняли малицы и паницы на школьную форму, кормили.

Александра Михайловна с теплом вспоминает тогдашнего директора школы Авенира Торкова, который внимательно относился к каждому ученику, не давал в обиду, поддерживал словом и делом.

Городская жизнь принесла много новых знакомств и открытий. В 13 лет Шура впервые увидела трактор, что тащил за собой сани с брёвнами. Вместе с подружкой Ниной Ардевой побежала за чудом техники, вскочила на сани, но оказалась между брёвнами. Повреждённое тогда колено стоило впоследствии инвалидности, но упорная и терпеливая девушка продолжала учёбу.

В Нарьян-Марское педучилище в сентябре 1957 года вместе с ней поступили ребята и девочки из окружных посёлков и соседней Республики Коми.

Среди педагогов были знаменитые личности – автор первого ненецкого букваря Анатолий Рожин, самобытный художник Семён Коткин.

Учиться было нелегко, студенты одновременно проходили программу средней школы, изучали педагогику и смежные дисциплины. Не все выдерживали, кого-то оставляли на второй год, отчисляли.

Тундровая закалка помогла Шуре удержаться и освоиться в новых условиях. Жили дружно в студенческом общежитии, в комнатах на девятнадцать человек. Единственная трудность, которая доставляла неудобства, – это городская еда. Так и не привыкла тундровичка за годы жизни в Нарьян-Маре к общепитовским борщу и колбасе. Зато дома на каникулах отъедалась любимыми и простыми чумовыми деликатесами.

### Моя прекрасная няня

Где родился, там и пригодился – это про Александру Ледкову, которая после окончания педучилища вернулась на Колгуев, устроилась в детский сад воспитателем и больше ни

разу не поменяла место работы.

Пушкинские «тридцать лет и три года» она отдала детям. Всех помнит по имени, о каждом может рассказать отдельную историю.

– Сергей Апицын убирал мои тапки в свой шкафчик, чтобы никто их без меня не надевал. Саша Копотев следил за халатом, на котором были вышиты мои инициалы. Предупреждал каждого, чтобы не трогали.

Было время, садик не закрывался круглые сутки. Александра Михайловна всегда работала со старшими, если так можно назвать малышей от четырёх до семи лет. Очень помогали нянечки Тамара Ледкова и Галина Коскова. Вместе они старались сделать жизнь детей комфортной и душевной, ведь в семьях иногда таких условий не было.

Вылетевшие из-под крыла любимой воспитательницы птенцы продолжали навещать, делились сокровенным, советовались. Знаки внимания от бывших подопечных Александра Михайловна получала постоянно. Вот плотники, что строят дом, оставили возле дороги стопочку дров – берите. Вот у полыни заботливо наколот лёд (лёд растапливали на воду) – для Вас старались.

Среди поощрений за многолетний труд ветеран труда Ненецкого округа Александра Ледкова самой важной наградой считает уважение и доброе расположение тех, кому посвятила немалую часть жизни.

### Везучий человек

Двум дочерям, Марии и Шуре, впору было ревновать маму к чужим детям, которым она уделяла так много внимания и заботы. Получилось с точностью до наоборот. На добром жизненном примере обе выросли успешными и самодостаточными, обзавелись семьями, подарили маме внуков и правнуков.

С недавнего времени Александра Михайловна живёт у старшей дочери, в одиночку стало сложно справиться с бытовыми островными трудностями.

Новое место жительства уже успела полюбить как человек, умеющий радоваться мелочам. Мастерица и оптимистка не скушает без дела, шьёт сувениры из меха и ненецкие куклы уко, общается с родными и друзьями.

– Как мне повезло в жизни! Я встретила так много хороших людей! – восклицает Александра Михайловна.

Об этих людях она обязательно расскажет в книге, которую продолжает со всем старанием и любовью писать о семье, а значит о родном Колгуеве.

*Фото из семейного архива:*



## Под небесною синью

Лукерия Валей



\*\*\*

Осторожно... Пробужденье...  
 Явью стало всё вокруг,  
 Но следы ночного бдения  
 Станут новым миром вдруг...

Для чего не спится ночью,  
 Всё в спокойствии молчит?  
 А, наверное, воочью  
 чтоб увидеть Божий щит.

Осторожно... Пробужденье...  
 Просыпается душа...  
 Наконец-то просветленье  
 Будет править неспеша.

\*\*\*

Белых бессонных ночей не вернуть,  
 Сколько ты их не зови.  
 Воспоминая успел завернуть  
 В плат безответной любви.

Чувства нахлынут нежданно, печаль  
 Дело своё заведёт:  
 В эти минуты себя очень жаль –  
 Сердце тоскою зайдёт.

«Где же вы, где же?» – аукнется лишь  
 Слово, но вскоре поймёшь –  
 Слово твоё... и по-прежнему тишь.  
 Разве бывшее вернёшь?

В осень вступили нежданно дни...  
 Вот вам и новая весть!  
 Мы в этом свете пока не одни,  
 Белые дни с нами есть!

\*\*\*

Улыбается небо солнышком,  
 Незатмиomo красотой,  
 Насыщает нас перед тёмнышком  
 Ослепительной высотой.

С миром маемся перспективою  
 В ожидании смутных дней,  
 Но обратное — быть счастливыми,  
 Так предсказано в жизни сей.

Перед сложностями, люди милые,  
 Будьте солнышком вы всегда  
 И отступят они, силы тёмные,  
 Ослепит их сердец красота.

\*\*\*

Под снегом зреют семена,  
 Вот-вот взойдут, но нужно время.  
 И заполярная весна  
 Не за горой. И ногу в стремя  
 Вложит, и будет здесь,  
 И снимет данное нам бремя  
 Хотя на время... Счастье есть!  
 О, наше северное племя,  
 Взбодрись, зима уж скинет спесь!

\*\*\*

В тундре много прекрасных чарующих мест,  
 В бурной речке особая прелесть.  
 Её пением зычным наполнен окрест –  
 То приветствие рыбке, спешащей на нерест.  
 Над потоком её ветка вдаль разрослась,  
 Тянет дерево руки над стынью,  
 А на самом конце птичка домик свила.  
 Хорошо ей вполне под небесною синью!  
 Здесь царит мир-покой, хоть бушует волна,  
 И птенцы не боятся лишений.  
 Дни идут чередой, жизнь спокойна, вольна,  
 Не в застое она, в постоянном движеньи.



## Музыка осени и весны

Лидия Сядейская



\*\*\*

Что может быть лучше:  
 Синее небо, серые тучи,  
 Ветер и солнце.  
 Что может быть лучше?  
 Домик под солнцем,  
 Под окнами сад,  
 Чтобы сюда прийти каждый был рад,  
 Чтоб прогуляться в тени, в холодке.  
 Речка журчала бы невдалеке.  
 Синее небо, и не было б туч,  
 Чтобы сиял яркий солнечный луч,  
 Чтобы гулял бы над быстрой рекой,  
 Мы бы гуляли у речки с тобой.

## Лирическая осень

Снежинки первые растаяли во времени,  
 Унылый дождик вновь нарушил тишину.  
 Играет осень грустно блюз умеренный,  
 А ветер носит её музыки волну.  
 Дождинки-стёклышки развесила на веточки,  
 Но капли падают и приглушают тон.  
 Играет осень, собирая звуки-весточки,  
 И вновь настраивает струнный камертон.

## Осень плачет

Не торопится осень уходить в никуда,  
 И стучит неустанно дождь  
 в железные крыши,  
 И течёт на прохожих светлой влагой вода,  
 И рекой разливаются серые лужи.  
 То проказница-осень праздник свой завела,  
 Пригласила подругу – тёмно-серую тучу,  
 Землю нашу накрыла серым саваном мгла,  
 Осень плачет во мгле и терзает мне душу.

\*\*\*

И день, и ночь, и утро раннее, и вечер,  
 Добро и зло, и расставанья, снова встречи,  
 И солнце, и луна, Земля родная, небо,  
 И реки, и моря, простор полей из снега,  
 И ветры жгучие, пурга – всё это мило,  
 Лишь только б не было войны,  
 судьбы мерила.  
 Пусть жизнь прекрасная течёт  
 земным потоком,  
 Я передам мою любовь своим потомкам.

\*\*\*

После долгой зимы и суровых морозов  
 Заглянула весна на минутку ко мне.  
 Ощутила я вновь запах снежных торосов,  
 Тёплый ветер напомнил о ранней весне.

Но сугробы, как горы, стоят величаво,  
 И колыхается ветром заснеженный шлейф,  
 Ещё время зимы, её снежное право,  
 Всё же воздух доносит весенний напев.

Заглянула весна на просторы Сибири,  
 И олени поймали её на рога,  
 Солнце ясное небу они подарили,  
 Пронесли через ночь и крутые снега.

После долгой зимы, сквозь метели и вьюги,  
 Влажный воздух коснулся обветренных губ.  
 И дыханье весны, моей лучшей подружки,  
 Приняла я из снежных невидимых рук.

## Половодье

Зашумела полноводная Печора,  
 Затрещала и загудела весенний лёд,  
 Показала нам река крутой свой норов,  
 Ведь на матушке-Печоре – ледоход.

Разлилась широкой полосой,  
 Затопила поле и мосты,  
 Всё вокруг окутала собою,  
 Под водой прибрежные кусты.

То проснулись реки на Урале,  
 С гор потоки хлынули волной,  
 Ждали лето красное в июне,  
 Холодком повеяло весной.

Возвращайся солнечное лето,  
 Растопи последний в сердце лёд,  
 И любви открой свои секреты,  
 С половодьем пусть она войдёт.



## Валентина Коскова



14:00, заскакиваю в рейсовый автобус, выдыхаю – успела.

Трогаемся по расписанию. Привычно достаю телефон, планирую собирать камушки по три в ряд, поскольку ехать мне ровно час.

Пока игра прогружается, обвожу салон медленным взглядом. Людей не густо, лица многих знакомы. Внимание привлекает сморщенный старичок на сидении через проход. На нос натянута маска, над которой сияют глазки-живчики. Улыбается чему-то своему.

Утыкаюсь в дисплей, начинаю «спасать пиратов». И тут – громко, смачно, от души – «апчхи!». Смотрю на пассажиров – многие поднапрялись.

Спустя пару минут – снова предательское «апчхи», в эпоху пандемии оказавшееся под строгим запретом. Даже водитель поднял глаза в зеркало заднего вида. Народ начал переглядываться, напряжение нарастало.

И вдруг снова – целая серия чихов...

– Вот ведь, молчат! Хоть бы один чё пробаял, – старичок сказал это тихо, но услышали все.

– Будьте здоровы! Здоровья вам! Не хворать!

Не чихать, не кашлять! – оживились пассажиры.

Тоже поворачиваюсь к бабушке, говорю привычное: «Спица в нос!». Болезному сразу полегчало – нет, не в плане здоровья, а на душе стало как-то легче. Надо сказать, что каждому, сидящему в автобусе стало легче на душе. Как-то уютнее что ли, будто вернулось нечто утраченное, забытое почти.

Впереди сидит женщина лет семидесяти. После моих слов она повернулась и посмотрела на меня с неким удивлением и даже вопросом. Я улыбнулась, поняла её:

– Отец так всегда говорил, когда на него чих нападал.

Удовлетворённая ответом, попутчица кивнула и отвернулась.

А дедушку чих не отпускал. После очередного приступа он пояснил:

– Да не, вы не думайте чего там – микрона, корна. Это у меня с угару, бабёнки, с угару!

Доехав до своей деревни, старичок юрко поспешил к выходу, но задержался на последней ступеньке, обернулся.

– Чего грустные, бабёнки? Ничё, не бойсь, милые! Победим мы в этой войне, победим!

Двери захлопнулись, автобус тронулся. А все сидели и молча переглядывались. И каждый знал – победим. И будем здоровы. И спица нам в нос.

PS: Добравшись до дому, первым делом отправилась на поиски в Сеть – а почему именно «спица в нос»? Оказалось, что полностью эта поговорка есть только у Льва Кассиля.

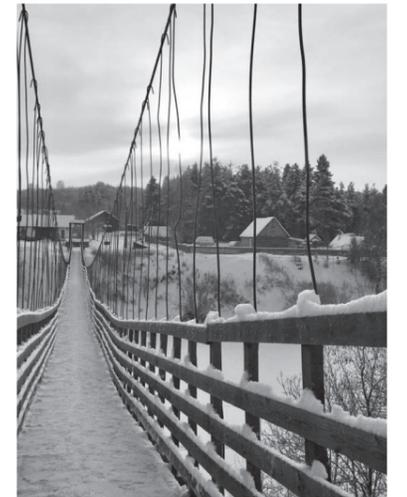
Лев Кассиль, отрывок из повести  
«Кондуит и Швамбрания»  
Клейменные орлы

«...Мы знали, что кучер из папиной больницы – Марфушина симпатия, а приказчик из аптекарского магазина – зазнавала и просто дрянь, потому что он дразнит Марфушу Метламорфозой...»

Узнали мы ещё также, что если человек чихнёт, ему надо сейчас же сказать: «Ахчхи, спичка в нос, пара колёс, конец оси, чтоб чесало в носе; чих на ветер, кишки на мешки, жилки на струнку, живот на хомут»... Всё... уф!...».

Деревня Трофимовская Каргопольского района  
Архангельской области

## Ирина Коваль



Стуцается череда больших и маленьких обстоятельств: на окнах тянут шеи тонконогие олени, ажурные ангелы возвещают о чём-то важном. Дома наполняются запахами хвои, ванили и цитруса. Мир накрывает купол чёрного декабрьского неба, и кто-то невидимый старательно взбивает для нас волшебный коктейль из звёздной пыли, щедро сдобренный лунным светом и припудренный ночным инеем. Мы пьём его маленькими глотками, поднимая глаза к звёздам и улыбаемся...

Смотри, во-о-он там – месяц качается золотой ресничкой. А на выпавшую ресничку в детстве мы всегда загадывали желание, помнишь? Мои желания всегда были адресованы родным и близким – здоровечка всем до пятого колена, включая седьмую водичку на киселе, чтобы судьба складывалась удачно, чтобы достаток был в доме...

Но личное желание так и переходило со мной из года в год. Странно звучит – «незагаданное желание». Оставаясь верной своему заполярному дому, искренне любя арктические просторы и Карское море, я мечтала хоть на время вырваться из длинной полярной ночи навстречу январскому солнцу, навстречу зимнему лесу, где проложены именно мои тропинки далёкой юности и детства. И вот, среди лотерейных билетов новогоднего выпуска с призрачным джек-потом, совершенно неожиданно, вне всяких планов, нарисовался авиабилет и вполне реальная поездка на родину! Тайна сюрприза возымела ошеломляющее действие. И вот я мчусь под стук колёс к своим заснеженным лесам, замётанным тропинкам и замёрзшей реке! На свидание с зимним

солнцем и старенькой мамой! В то самое детство, где хорошо без напыщенности фраз и дорогих подарков. И это лучшее стечение обстоятельств!

Время мчится низовой позёмкой, а очередной год новых событий начался с исполнения давнего желания. Тихая и скромная северная глубинка встречает меня радостью и грустью одновременно. Вот на колючем лапнике – урожай еловых шишек. На одревесневших чешуйках спрятались семена, а в семенах – зародыши будущих маленьких ёлочек. Я их люблю и понимаю. А там, в глуши, стучит дятел – бедная его головушка. Под снегом – мороженые ягоды брусники притаились кровавыми бусинами, я их не вижу, но знаю, что они есть и чувствую их вкус. На стволах сосен – застывшая смола, словно слеза ностальгии по далёким временам.

Я родом из этих лесов, из этой северной деревеньки. В ней всё правильно. Ровные ряды домочков и крашенных заборов вдоль дорог, навесной мост через речку, столбы дыма из труб. Свет от догорающих углей и запах свежих пирогов. А вокруг – только тайга. И воздух! Воздух, который пахнет смолой и дымом. Большое тепло, большие снега, большое и щедрое сердце русского севера. Тот самый случай, когда День рождения – первого января, а новогоднее желание исполняется сразу, если не сказать – немедленно...

Посёлок Амдерма, НАО



## Многогранна любовь

Елена Алёшина



\*\*\*

Ирине Коваль, коллеге,  
замечательному творческому человеку

Полвека  
для такого человека –  
всего лишь маленький рубеж...  
Немало,  
но пусть будет лишь началом  
для счастья, веры и любви...  
и для надежд.

Успеха!  
Нескончаемого смеха!  
Здоровья бесконечного и сил.  
Везенья!  
Творческого вдохновенья  
И долголетия всем,  
кто сердцу мил.

Удачи!  
И умения дать сдачи!  
И мудрости. Назло и вопреки.  
Полвека  
Для такого человека –  
Исток прекрасной жизненной реки..

\*\*\*

В последний августовский вечер  
С дождём, распущенным до пят,  
Спешила осень к нам навстречу.  
О! Как ей был к лицу наряд!  
Гелиодорами расшитый  
Прекрасной мантии подол  
Несла бесшумно эльфов свита!  
И я за ними вслед пошёл.  
И всё глядел, не отрываясь,  
Себя не в силах превозмочь,  
Как осень, трав едва касаясь,  
Меня мир, ступала прочь.  
Как будто королева бала,  
В софитах месяца и звёзд  
Она бесшумно танцевала,  
Но был тот танец чист и прост!  
...

Я был с ней рядом лишь мгновение,  
Но предо мною до сих пор  
Её волшебное кружение  
И глаз сияющих костёр!

## Прости

На разных говорим мы языках,  
В глаза не смотрим и не замечаем,  
Как тех, родных, в ком мы души не чаем,  
По глупости теряем впопыхах.  
Жестокостью, презрением немым  
И безразличием с забвением на грани  
Мы самых дорогих невольно раним  
И преднамеренно порою суд вершим.  
Себе в подушку обещаем мстить  
И недовольством небо сотрясаем.  
А, между тем, герой неприкасаем,  
Он сам в сомненьи «быть или не быть?».  
Осядет в лёгких грусть-тоска-печаль:  
Кто друг? Кто враг? Пусть время нас рассудит.  
Какими мне чужими стали люди!  
Единство вдребезги разбито.  
Жаль.  
Тут чудом прогремело бы «Прости»,  
Знакомое влюблённым и любимым,  
Что так легко и, всё ж, необъяснимо  
Способно всю Вселенную спасти.  
Но хочет каждый слышать, не сказав:  
«Прости меня, мой друг, я был не прав...».

3.50

В сахарной пудре цветущей сирени  
Тает июньский город-пирог.  
Будто Рембрандт прописал светотени:  
В вате малиновой дремлет восток.  
Чайкам не спится. Оглохла округа.  
Только не может их крик заглушить  
Мысль, что мы стали чужими друг другу,  
Хоть и клялись бесконечно любить...  
Впрочем, одно не мешает другому.  
Нежно пьянит лепестков аромат.  
Пусть мы сегодня ещё незнакомы,  
Но на часах только три пятьдесят.

\*\*\*

Сергею и Татьяне Харс, моим друзьям,  
музыкантам. В память о Сергее,  
с пожеланиями Татьяне жить с твёрдой верой,  
что любовь не прерывается окончанием  
земной жизни.

Поверьте, это не конец!  
И далеко не середина.  
Вновь слышен стук родных сердец –  
Электробас и пианино...  
Стук в унисон. Под блюз и джаз,  
Под рок-н-ролл и босанову...  
Они вдвоём. Как в первый раз.  
И влюблены друг в друга снова.  
Они поют, смеются вновь,  
Не тратя времени напрасно.  
Как многогранна их любовь!  
Взрывоопасна, но прекрасна.  
На миг лишь прерван танец их,  
Всё повторится снова где-то:  
Она невеста, он жених..  
Кружатся в вальсе до рассвета.

\*\*\*

В память Андрею Воюшину  
и Сергею Харсу, прекрасным музыкантам,  
барабанищику и бас-гитаристу ВИА Амдерма.  
Помним и любим..

Вселенная права во всём,  
Поклон и благодарность ей.  
За каждый миг. За отчий дом.  
За дни рождения друзей.  
За дни рождения родных,  
Которых рядом нет со мной...  
Я всей душой молюсь о них!  
За здоровье. За упокой.  
Стирает время всё и вся.  
Но я смеюсь, хоть в горле ком,  
Ведь где-то там МОИ ДРУЗЬЯ...  
И, значит, мы ещё споём!

\*\*\*

Запылился хрусталь, и не хочется отмечать  
Вереницу бессвязных рождений,  
событий, дат.  
Жжёт в сплетении язвой невидимая печать,  
Но сдаваться нельзя, даже если твой дом – ад.  
Потускнели глаза, и вчерашней любви свет  
В них едва различим, а, быть может,  
совсем скрыт.

Не слышать шагов,  
спутан болью и тьмой след,  
Но ничто не забыто.  
Ничто.  
И никто не забыт.  
Потемнели обои, неряшливый вид стен  
Отвлекает внимание. Вот бы опять потоп!  
И безудержно жаждешь

грядущих во всём перемен.  
Повторяя, что ждешь и дождёшься.  
Как остолоп.  
А у кофе по-венски всё тот же родной вкус,  
И неважно, что он обжигает беззубый рот.  
Но признаться чертовски стыдно, что ты трус,  
Даже если сто жизней прошло за один год.

Всё расставлено временем вновь на свои места,  
И хотя непонятен смысл, он, конечно, есть.  
Но, уж если из шансов, всего лишь один к ста,  
Стоит верить,

рассудком больным не пятная честь.  
Прорастает сосулькой снег  
сквозь мои провода.  
Нерушим, бесконечен и светел  
наш Млечный путь.  
Повторяем как мантру твёрдо, что никогда,  
Зная, что обязательно снова когда-нибудь...

Сколько слов, сотрясающих воздух,  
звучит зря.  
Пусть печаль заглушит настоящий  
живой смех!  
Относительно всё.  
И правда у всех своя.  
Только истина, ясное дело, одна на всех.

## Храбромu сердцем

Мой таинственный смелый рыцарь,  
Пусть мне небо расскажет, где ты,  
Даже если мороз за тридцать,  
Да пребудет с тобою лето!  
Береги себя, слышишь, милый,  
Даже если дышать нечем,  
Да пребудут с тобою силы!  
Бой не может быть бесконечен.  
Да пребудет с тобою фортуна,  
Пусть во всём благосклонной будет!  
Но не рви понапрасну струны,  
Зря коверкать не смей судьбу...  
Побратимов – во всём равных!  
Попадай без труда в десятку!  
Каждодневных побед славных,  
Даже если с собою схватка.



## Александр Огурцов



### Рассказ первый

Ветер гнал запахи пряных трав на людей, сидящих на туристических ковриках в каменном кольце шиваитского капища. Собравшиеся медитировали, шумно выдыхая в вечернюю прохладу простые мантры. Мантры немедленно подхватывались морским бризом и разносились по покрытой колючей травой и полузасохшими деревцами дикой фисташки с беснующимися в них серыми кузнечиками скалистой долине. В такт мантрам смешные улитки с узкими панцирями, похожими на наконечники скифских стрел, перестукивались на качающихся травинках, разнося над долиной почти беззвучный звон.

В те дни, мы – молодая семья, отдохавшая на берегу ласкового Чёрного моря в компании нашей подруги в «диком лагере», состоявшем из трех палаток и одной небольшой пещеры, выполнявшей роль кухни, столовой и гостиной в жаркое время дня, над которыми днём разносились запахи кофе, жареной рыбы и чечевичной похлёбки, а ночами – смех с запахами вина и трубочного табака вперемешку с нестройными гитарными аккордами и трелями блокфлейты.

Утром приятель из соседнего лагеря, учившийся в то время на режиссера и отдохавший в компании своей девушки или жены на небольшом плато несколько выше нашего лагеря, встретив нас, рассказал, что в середине долины живёт приехавший из Татарстана человек, который вечерами проводит для желающих практику стояния на досках саджи. И что нам непременно стоит посетить это мероприятие. Надо отметить, что наш сосед был очень общительным молодым, но уже начинающим

всерьез полнеть грузином и как многие представители его народа умел весьма «вкусно» делиться впечатлениями от своего опыта. И этим своим умением заразил всех нас мыслью, что коли уж мы приехали отдыхать в долину, то грех отказываться от возможности получить новые для себя знания.

Солнце уже подсвечивало камни капища тем непередаваемо золотистым и полным космического спокойствия светом, какой бывает только в этих местах и только на закате, когда раскалённый добела шар начинает нестерпимо медленно опускаться за перевал, и оставляя день только там, а долину отдавая на откуп ночным духам. И в этой наступившей из небытия тишине крымского заката я сделал шаг на покрытые частыми острыми гвоздиками, торчащими вверх ровными рядами, лакированные доски.

Острая боль, разошедшаяся от моих ступней вверх, сминая мышцы и выворачивая наизнанку сухожилия и даже потроха в моём животе, практически сразу парализовала мою волю и заставила тело покрыться мелкой испариной и мелкой дрожью, а разум превратиться в маленького человечка, в ужасе мечущегося в округлых стенах черепной коробки.

Ведущий практики, человек то ли в шутку, то ли всерьез называвший себя именем древнего бога котов, встал напротив меня, и мы начали творить с ним мантру. Но притупившаяся от этого боль стала ещё хуже, чем была. Освободившись от боли сознанием я почувствовал, что неудачно встал пяткой на самый край доски, и нога стоит не ровно, упираясь косточкой в крайний ряд гвоздей. Метавшийся до того в моём мозгу человек отдышался и, почувствовав слабинку, начал скандалить и истерично требовать, чтоб я немедленно прекратил этот балаган и слез на ровную землю. Я сказал об этом ведущему, и он посоветовал мне перебороть это желание и что я могу так стоять, потому что самое сложное время я уже продержался и что-то ещё типа того, я уже не помню. Скрипнув зубами, я поправил ногу и мысленно приказал человечку в голове скрыться и помалкивать.

Освободившись от назойливого голоса разума, я обнаружил себя с перехваченным дыханием, стоящим на досках на пронизываемых становящейся снова нечеловеческой болью ногах. Правая нога начинала предательски дрожать, и дрожание это становилось с каж-

дым тактом сильнее, превращая моё стояние в странное подобие танца одной ногой.

Ведущий сказал, что реакция правой ноги говорит о происходящем во мне нерешённом конфликте с моим отцом, и что мне надо побыть в этом, чтобы понять и разрешить этот конфликт, простить своего отца и попросить прощения у него за возможные ссоры.

Я простоял так какое-то время, или минуту, или час. В такие моменты очень сложно отслеживать время. При этом я абсолютно искренне пытался сформировать перед собой фантом отца, но клубок из миллионов его образов никак не хотел распутываться, и боль, начинавшая уже заволакивать сознание своей бардовой дымкой, не давала мне зацепить один образ.

Мои направленные в пустоту слова молитвы отцу, словно брошенные камни, отражались от глухих скал, и опали в траву долины цокотом кузнечиков. Эта молитва была здесь бессильна и бессмысленна. Её бессильность зародила в моём заходящимся агонией сердце глухую ярость, и ярость эта становилась мной, заставляя глухо рычать, а затем, выдавив из моей груди тихий, но переполненный силой (вон, оказывается, сколько в боли силы, я и не знал) волчий вой.

В этот момент скалы вспыхнули в последних золотых лучах заката, и в неожиданно наступившей тьме я стоял на лесной поляне, подсвеченной серебристым месяцем. Поляна была полна спокойствия и была где-то бесконечно далеко от капища и от скрытой перевалами от людских глаз долины в Крыму. Боль, превратившаяся из состояния меня в простой фон, наполнилась теперь смыслом. Её смыслом было моё знание о том, что человеческая и плотная часть меня осталась там, среди серых камней, и об этом стоило помнить.

– Встану, не окрестясь, выйду не помолясь. Из дома не в сени – окладным бревном, мышинной норой, собачьей тропой, шагу в лес не день, в ночь тёмную. В той ночи светит месяц ясный на осинов пень, вокруг пня ходит волк зубатый – у него на зубах весь скот рогатый. Месяц, месяц – золотые рожки, перепахать пули, затупи ножи, измочаль дубины. Наведи страху на зверя лютого да на человека глупого, чтоб они волка серого не брали, да серой шкуры с него не драли.

Как давно я не вспоминал этой волчьей молитвы? Год? Пять? Десять лет? Помню, ещё совсем молодым слепил её из двух заговоров, и она помогала мне в ночных лесах видеть тропинки, и отгоняла от меня, простуженного и дрожащего в бреду, злых духов ночи. Помню, когда становилось страшно, как там, где был огонь и сновавшие в темноте солдаты, отплёвываясь огнём, прикрывали наползавшие под рёв двигателей тёмные коробки танков, эти слова, срывающиеся в тихом шёпоте с губ, заставляли перестать дрожать и наполняли мои глаза зоркостью и азартом предстоящего боя.

Сейчас, когда я стоял на ночной лесной поляне среди мягкой травы, подсвеченной серебром месяца, эти слова сами раз за разом стекали с моих губ, капая на землю, заставляли этот лес шуметь в такт ударам моего сердца.

А вот и серый волк. Лёгок на помине. Здравствуй, мой хороший.

Крупный лобастый зверь стоял на краю поляны и смотрел на меня своими не позволющему разумными янтарными глазами. Поняв, что я заметил его, подошёл и практически по-собачьи ткнулся головой мне в ладонь, потом развернулся и потрусил к краю поляны. Это была команда. Он был главным в этом лесу и, поняв его, я пошёл за ним, постепенно переходя на бег. Скоро я обнаружил, что бегу на четырёх конечностях и что бежать сейчас так не то что удобнее, а как-то правильнее. Здесь можно было только так. Бежать как зверь. Да почему бежать-то, только быть зверем здесь было можно. Упиваясь безмерным чувством правильности происходящего, я практически вылетел на освещённую разгорающимся костром поляну. На поляне была зима, и она была берегом замёрзшей реки. Я узнал это место. Под кажущимся незыблемым льдом катил свои мутные воды великий Амур. А у костра сидели тепло одетые мужчина средних лет и мальчик-первоклашка. Я знал их: мужчина был моим отцом, а мальчик – мной. Тем мной, который жил своей радостной детской жизнью, полной маленьких открытий и созданных им самим миров, в которых было место только ему и некоторым близким.

Словно в немом кино, мальчик что-то лепетал отцу, сосредоточенно смотрящему в огонь. А потом отец достал из внутреннего кармана чёрный прямоугольник складного ножа и протянул его мальчику.

Я хорошо помнил этот нож. Советский складень с чёрными пластмассовыми накладками и кривой открывашкой во втором лезвии. Предмет моей гордости и зависти одноклассников. Верный напарник в первых походах. И повод чтобы в них ходить.

Первые детские походы. Мы учились разводить костры и ловить рыбу. Ловить и жарить на кострах лягушек и прудовиков. Мы изучали этот Мир и возвращались домой грязные, как черти, и счастливые, чем вызывали неодобрительное ворчание матерей и лукаво-насмешливый взгляд отцов.

И ища слова тех, кто также изучал наш Мир, мы зачитывали до дыр книги о морях и приключениях. О войнах и героях этих войн. И не замечали, как заканчивалось детство, и мы сами становились героями этих книг, отважными учеными – путешественниками или лихими командирами.

А всё началось с ножа, подаренного отцом на промёрзшем берегу островка посреди Амура под мудрыми и понимающими взглядами далёких гор Сихоте-Алиня.



Я открыл глаза, стоя на гвоздистых досках посреди каменного берега Крыма. У меня не было неоконченного конфликта с отцом. Только безмерная благодарность ему за подарок, навсегда определивший мою судьбу. Невысказанная благодарность.

Спасибо тебе Отец.

П.С.

Я не знаю, когда у меня будет сын. Но я точно знаю, что подарю ему.

### Рассказ второй

Кого там нелёгкая принесла на ночь глядя? Наверное, сын опять что-то забыл. Вот ведь растяпа эдакий. Они ж как с невесткой-то заходили с наступающим поздравить, так и просидели весь вечер. Хорошо-то как посидели. Да и невестка у меня – ведь хорошая. Я ж дура старая, по первому времени всё косилась на неё, а оно вон чё значит, уже лет пять как вместе живут, детишек скоро нарожают, хоть на старости лет радость мне будет, – с такими мыслями Нина Ивановна, шоркая тапочками по ребристому линолеуму, подошла к двери.

За зашторенными окнами старенькой бабкиной квартиры шелестел тысячами голосов Город. В эту ночь город не спал, да и не собирався. Пропахшая шампанским и мандаринами ночь, освещённая многочисленными гирляндами и огоньками, готовилась встречать Новый Год. Когда люди по всей стране дошинковывали многочисленные тазики салатов, и соседка Нины Ивановны принялась зашикивать детей, которые, чувствуя разлитое в воздухе праздничное настроение, никак не хотели укладываться, боясь пропустить что-нибудь интересное, Нина Ивановна повернула ручку замка и, почти одновременно с последним щелчком его механизма, по-старчески робко, отворила дверь.

Подъезд был пуст. То есть он не был пуст совсем, такие места никогда не бывают совсем пустыми, только у тех домов, где ещё не живут люди.

Но ничего подозрительного, и уж тем более никого живого там не было. Висели приоткрытые к перилам «ватрушки» да сиротливо притаился в углу подростковый велосипед, оставленный там хозяевами до весны. Хмыкнув про себя, Нина Ивановна закрыла дверь, и после непродолжительной возни с замком пошаркала обратно к креслу. Спать ещё не хотелось, да и по старому делу Нину Ивановну мучила бессонница, которая не давала ей продыху уже вторую неделю. Сын обещал к врачу свозить, да, как назло, праздники на носу, теперь ещё полторы недели жди. «Ну да ничего, – подумала, Нина Ивановна. – Оно, поди, дети шалят. Ишь, не спиться им, шорохаются по подъездам, а мне теперь ходи туда-сюда...».

Сама не заметив, как почти всерьёз рассердилась, Нина Ивановна остановилась пере-

вести дух, упёршись морщинистой ладонью в лакированную поверхность стола. Ладонь провалилась в тёмное дерево, как в чуть подкрашенную краской воду, и столешница, словно тихое лесное озеро, втянула в себя тщедушное тело старушки.

Жаркое летнее солнце облепило полуденным зноем деревенский двор, зажатый между обширной и приземистой избой, сложенной из посеревшего от времени, немного неровного «дикого» бревна, и менее обширными постройками типа дровяного сарая, и выглядывающей из дальнего угла «чёрной» бани со слегка покосившейся крышей. От круговерти запахов свежего сена, луговых цветов и приносимого из тайги запаха тяжёлого хвойного леса у Нины Ивановны закружилась голова. Хотя почему вдруг Нины Ивановны? Просто Нины. Девчонку, стоявшую посреди родного деревенского двора, в котором каждая травинка на не допозитом огороде, и каждая щепка, лежащая у массивной колоды, на которой такой большой и сильный отец, крихтя и весело ухая, колет на дрова тяжёлые поленья, были таким родными и знакомыми, нельзя звать так по-дурацки взросло.

Щурясь на солнце, Нина прошла по двору, по пути погладив ладонью пригоршню выросших у сарая ромашек, и звонко рассмеялась. Её смех больше не был похож на карканье престарелой вороны, это был весёлый и задорный смех молодой девчонки, даже не девушки ещё.

– Нинка!!!

У крыльца избы стояла, весело махая ладошкой, рыжая, с конопушками на костистом лице и изумрудно зелёными глазами девчушка в летнем ситцевом платье, местами уже выцветшем и застиранном, а потом снова запачканном.

– Машка!!! – Нина, не переставая удивляться случившемуся, но уже воспринимая его как данность, бросилась к своей детской подруге.

И по старинной привычке, словно никуда не пропавшей за десятилетия, они затрещали о своих маленьких девчоночьих делах. Пока их детский щебет разлетался по округе, вторя щебету мелких птиц в ветвях деревьев, перед глазами Нины пролетали воспоминания. Вот они с Машкой в тёмном зале деревенского клуба, весело шушукаясь, смотрят привезённый из города кинофильм, и дядя Юра, тракторист из их колхоза и хороший друг отца Нины, зашикивает их, чтоб не мешали и грозитя пожаловаться отцу.

Вот Нина сидит за широким праздничным столом, обливаясь слезами радости за выходящую замуж подругу, и жених, кудрявый и сероглазый, с искренним обожанием смотрит на сидящую рядом невесту. А вот Нина следом за сыном и невесткой Маши бросает в могилу подруги горсть песчанистой земли, а с фотографии на соседнем кресте с двускатной крышей на них смотрит навсегда постаревшее

скуластое лицо со всё такой же непослушной гривой кудрявых волос.

Пролетели воспоминания и забылись. И не было ничего. Словно камушек, упавший в озеро.

– Ниинка, а вон чё, а пойдём по грибы, мне Владик рассказал, где поляна есть хорошая. Сам оттуда вчера принёс, так еле доволол!

Сказав это Маша ухватила подругу за руку, и весело взвизгнув, буквально потащила её со двора.

– Сейчас, погоди! – Нина забежала в сени, и схватив плетёное

из бересты лукошко, выбежала на улицу. Две озорные подружки бежали по деревенской улице, задорно топая по пыльной дороге босыми ногами и распугивая попадавших им по пути соседских кур.

– Уф... Маашь! Погоди! Уф. Дай отдышусь...

Девочки прекратили бег только на границе леса, подпирающего само синее небо могучими стволами корабельных сосен.

– Пойдём, пойдём! – Маша нетерпеливо потянула подругу в чащу. Нина сделала шаг и зашла под свод деревьев. На секунду обернувшись, она не увидела конца этого леса. Повернув голову на остановившуюся перед ней Машу, она увидела, как подруга смотрит на неё черными провалами пустых глаз, из которых веет морозом вечной зимы.

### Послесловие

– Не, Игорь Павлович, я, тоже не первый год в операх хожу, но такое впервые вижу... Вот какого её туда понесло-то, зимой и на ночь глядя?

– Тебя плохо учили: у стариков-то, у полотины, голова уже не работает. Присмотр за такими нужен.

На экране монитора в который раз подряд пересматривалась запись с камер наружного наблюдения. На ней отчётливо видно, как престарелая женщина, пройдя шаркающей старушечьей походкой по празднично-новогодней улице города и перейдя широкую автодорогу вошла, словно не замечая снежной целины, под свод деревьев, щедро украшенных белыми шапками.

\*\*\*

Так ли мало знает мышка,  
Что живёт в стогу под сеном,  
О полях больших и злачных,  
Где ночами свищет ветер.  
Где в ручьях струятся воды  
И росой серебристой  
По утрам сухим и ясным  
На траве сияют капли.  
Хочешь, мышка порасскажет,  
Как смеётся в небе солнце

И текут по листьям соки,  
Что тебе и не приснится  
Ни в глуши твоей квартиры  
И ни в городской дремоте.  
А ещё она расскажет  
О волшебных подземельях,  
Где рождаются алмазы  
Из камней от века серых.  
Мышка помнит и дороги,  
Поразбитые телегой,  
Что в страду ведёт крестьянин,  
Матерясь, и громко курит.  
И как пот ручьями льётся  
На косы железной древки,  
Что холодной зимою тот крестьянин  
Чутко правил.

Много в маленькой головке  
Разных мыслей быстро ходит  
О земле, траве и пашне,  
То, что людям и не снилось.  
Я не раз сидел и слушал  
У норы мышьиной песни,  
Что она поёт мышатам,  
Пока спят они на зёрнах,  
Что по осени собрали.  
Был тогда горяч и молод  
Ваш рассказчик, неразумен.  
Но слышал в мышьиных песнях  
Имена вещей знакомых.  
Имена, неслышных уху,  
Имена, невнятных телу,  
Только духу посвящённых  
Хитроумных слов сплетений,  
Что оставил нам в наследство,  
Передал своим уменьем  
Первочеловек древнейший  
Вяйнемеинен вековечный.  
И теперь спою вам песню,  
Коли вы мне разрешите,  
Не за деньги или злато,  
Не за хлеба кус румяный,  
Не за похвалу пустую  
Расскажу я вам былинку.

Долго я ходил в долинах,  
По лесам бродил и рекам,  
Что скрывают в своих водах  
Рыб серебряных движения.  
Не ходил тогда с оружием,  
Не ловил серебряных,  
А спросить хотел у речки,  
Что в себе сокрыла осень,  
Наступившая внезапно  
Зачастившими дождями.  
Отмолчалась быстра речка,  
Мелкой рябью обернулась,  
Истекла водою тёмной  
И укуталась туманом.  
Я опешил, изумленный,  
Отчего молчала речка,  
Отчего теперь не пела,  
Не звенела бурунами,  
Не шумела говорливо.



Я тогда был быстр и лёгок,  
Словно тетива на луке,  
И горело любопытство  
В сердце юном и весёлом.  
Я пошёл тогда в долину,  
Где шумят обычно травы  
И пастух лениво ходит  
За своим богатым стадом.  
Там хотел спросить у неба,  
Отчего бывает осень,  
И зачем сереет небо  
И туманы насылают.  
Замолчало небо муром,  
Обернулось в серы тучи,  
Заругалось мелким снегом  
И наслало злые ветры.  
Чтоб прогнать того людишку,  
Что посмел ему перечить.  
И сказали ветры злые:  
«Уходи скорей отсюда  
В дом свой тёплый и надёжный,  
Где спасёт от снега крыша  
И у печки мать хлопочет».

В дом вернулся я под вечер,  
Был замёрзший и весь мокрый.  
«Отчего бывает осень?» –  
Мать спросил свою устало  
И её чудному слову,  
Голосу её родному,  
Что открыл мне тайну Мира,  
Засыпая, тихо внемлил.  
Говорила она долго,  
Говорила она тихо.  
И слова её про осень  
Заплетались туго в руны.  
Эту песню не услышать.  
Ни в лесу и ни у речки.  
Эту песню не осият  
Спеть весною птичьи стаи,  
Что слетаются с журчаньем

Ледяной воды потоков,  
Коих с тундры много льётся,  
Унося с собою льдины.  
В этой песне жила осень –  
Рыжебокая старуха,  
Что, укладывая на ночь,  
Году песни напевает.  
И про воду про большую,  
Что несёт с собою льдины  
По порогам и ложбинам,  
По лесам, дугам и тундре,  
К морю бурному уносит.  
И про лето, что рождает  
Травы и листву в деревьях,  
Где живут малые звери,  
И собрав украдкой веток,  
Завернув их в гнездовища,  
Птицы малышей выводят.  
Было в песне и про зиму,  
Где спит солнце под горою  
И снуют шальные ветры,  
Будто тени злобных духов.  
Спал Год, лёжа в колыбели,  
В трёх перинах засыпал он.  
До весны лишь сны он видел,  
До весны сопел уютно.

Так и я уснул у печки,  
Слушая седые руны,  
Слушая витую песню,  
Матери слова родные,  
Что раскрыли тайну Мира,  
Рассказали сказку сказок,  
О которой я толкую  
Вечерами людям добрым,  
Что собрались у печки,  
У огня из дров душистых,  
За столом хлебом румяном.

21.02.13 – 14.10.2021

Проза

## Слово матери

**Ирина Коткина**

### Три книги о важном

Она всё время находилась в тени славы сыновей, но однажды сыновья – режиссёр и клипмейкер Олег Трофим, пианист и композитор Арсений Трофим, музыкант и рок-вокалист Рустам Трофим – собрались и в 2019 году издали её дебютную книгу. Так началась новая страница в жизни Махпрат Мухиддиновой – мамы, педагога, философа, а теперь и писателя.

Сегодня книг уже три, и это не бульварные романы или детективы, а истории о вечном, важном, настоящем.

### Книга первая. Размышления

О том, как мама стала настоящим писателем, рассказывает старший из троицы, Рустам: – Идея издания маминой книги периодически звучала в наших семейных разговорах, но не принимала какой-то конкретной формы. Между тем мама продолжала писать рассказы, очерки о путешествиях, новые размышления, оттачивая слог и вырабатывая оригинальный стиль изложения.

Однажды на очередной семейной встрече в Москве Арсений заявил, что у него есть гениальная идея – вместо того, чтобы мечтать об издании маминых книг, нужно просто взять и издать книгу самим. Тем более, что он нашёл несколько интересных издательств, работающих с начинающими авторами и берущих за работу вполне приемлемые деньги. Было решено издать мамину размышления.

Я стал курировать процесс. Для удобства восприятия все размышления отсортировали и объединили в темы. Затем, выполнив редактуру, вёрстку и заказав обложку у друга Олега, дизайнера Di Buenio, отправили книгу в печать.

Получив тираж книги на руки, испытали чувство удовлетворения и гордости за маму. Книга получилась интересной – такой, что хочется сразу открыть и почитать.

Осталось дело за малым – сообщить миру о рождении нового автора. Арсений предложил собраться в его школе «Я музыкален» на метро Тульская в узком дружеском кругу. Дату презентации назначили на 27 мая.

Позвали друзей, приготовили стол с чаем, сладостями, фруктами. Арсений исполнил на фортепиано произведения, посвященные маме. Мы с братьями по очереди зачитали заранее выбранные размышления из разных тем. Всё прошло очень душевно и по-семейному.

Мы подарили маме цветы и фирменную ручку, которой она затем оставляла автографы всем пришедшим на своей дебютной книге.

Тогда мы точно знали, что это только начало большого творческого пути нашей мамы, мудрого духовного наставника и новорожденного писателя Махпрат Мухиддиновой.

Цитата из книги:

*Кого-то жизнь выносит на гребень, но сотни тысяч достойных людей остаются неизвестными. Эти люди просто делают своё дело, принося пользу для всего человечества, спасая от болезней, передавая людям знания, трудясь на полях и фермах, воспитывая хороших детей, создавая прекрасную музыку и картины и, являясь просто хорошими людьми, придавая смысл этой жизни.*

*Видя процветающее зло в виде войн, ненасытной потребности телесно и душевно истязать друг друга, я мысленно молюсь: «Люди, пожалуйста, присоединяйтесь к тем, кто придаёт жизни смысл – это так прекрасно!»*

### Книга вторая. Другая жизнь

Как мудро предрекали сыновья, вслед за первой книгой в печать вышла вторая, под названием «Другая жизнь».

На этот раз Махпрат собрала воедино рассказы, сюжеты которых взяла из жизни, переосмыслила и скроила по новым лекалам. Там есть красота повествования, глубокая философия и житейская ирония.

Человеческие отношения и природа страхов, неожиданные открытия, мистические перипетии и увлекательные приключения – каждый рассказ пронизан любовью, – той, что исцеляет раны прошлого и открывает путь в другую жизнь.

Если углубиться в ту самую другую жизнь, можно обнаружить много пересечений, узнаваемых героев и сюжетов. В суете будней мы вряд ли обращаем на них внимание, но мудрый взгляд автора помогает разглядеть очевидное. Искренность, честность, великодушие, уважение к читателю – всё это «Другая жизнь».

Цитата из книги:

*На земле у человека также есть хранители – это те, кто глубоко, всем сердцем любит ближних и своей любовью, как защитным полем, окружая*

*их, оберегает от бед и напастей. Те, кто не способен на глубокие чувства или сам лишён любви, всегда уязвим, всегда подвержен отрицательному воздействию внешних сил. Любовь – это животворящая, созидательная сила! Любовь – это огонёк, указывающий путь и выводящий человека из кромешной тьмы отчаянья и безысходности к Свету – к собственному Счастью!*

### Книга третья. О родителях и детях

Возможно, кто-то не допустил бы досадных ошибок, если бы вовремя прочитал третью книгу Махпрат «О родителях и детях». Это своеобразная инструкция по строительству гармоничных отношений между членами семьи.

Из аннотации к книге:

«О родителях и детях» – это сборник смешных, знакомых, удивительных и поучительных историй, в котором молодые и будущие родители смогут найти конкретные советы о воспитании детей – от самых первых их шагов, до больших и самостоятельных решений. Состоявшиеся мамы и папы найдут опытного и сердечного собеседника в вечных вопросах и терзаниях. Автор скромно «не претендует на истину», однако, ведомая одной лишь целью – воспитать детей достойными и счастливыми людьми, раскрывает читателю тайны своих истинных чувств и переживаний на непредсказуемом пути из дочки в матери, а из матери – в бабушки».

Главы книги говорят сами за себя: «О пользе послаблений», «О важности празднования



дней рождения», «Как не сделать детей ябедами-корябедами», «О пользе хорошего досуга и поощрений», «О пользе детского труда», «Немного о «телячьих нежностях» и другие.

На восторженные отзывы читателей и благодарность за то, что поделилась материнским счастьем, Махпрат поясняет:

– К воспитанию детей приложила руку не только я, но и их замечательный папа. Без настоящего мужского влияния сложно воспитать детей с полноценной психикой и характером.

Так сложно устроена жизнь, что в ней редко есть место осознанному воспитанию. Если бы я хотела поделиться своим счастьем, это было бы неправильно по отношению к другим, да и нельзя выставлять напоказ своё, личное.

У меня стояла и стоит другая задача и цель. Я и мои сыновья решили, что мой опыт, мои накопленные знания должны хотя бы немного помочь кому-то. У меня болит душа за детей, которые не находят своего пути в этой жизни и теряются в её сложностях. Я осмелилась взять на себя ответственность и приоткрыть другим знания, доступные именно мне, – стать своего рода проводником, внести посильную лепту в то, чтобы жизнь стала чуть-чуть счастливее.

Цитата из книги:

*Мы, родители, являемся стартовой площадкой для будущего наших детей,*

*и каким оно будет – во многом зависит от нас с вами. Любовь истинная всё же не только и не столько заключается в материальной заботе – это само собой разумеющиеся вещи, а в основополагающем влиянии на формирование их сознания, духовного мира, мировосприятия и гармоничного сосуществования в нём.*

## Помогите раскрыть крылья

Природная скромность и критическое отношение к себе не позволяют Махпрат Мухиддиновой называть себя писателем.

– Я просто автор, делящийся своими мыслями. Мой внутренний мир нашёл выход во внешний, и я счастлива этим. Рада, что создаю истории, которые начинают существовать сами по себе в каких-то невероятных параллельных мирах.

Три книги как три сына – выстраданы, выращены, любимы.

Рустам, Арсений, Олег тоже рады, что совместными усилиями вдохновили маму на сложное, но такое нужное решение и помогли воплотить мечту в реальность.

– Раньше мама говорила порой, что ей не повезло жизни – все вокруг что-то умеют, делают, сочиняют, вдохновляются хобби и творчеством – а её природа не наградила какими-либо талантами. Но, кажется, нам постепенно удаётся убедить её в обратном.

Друзья, помогайте вашим родителям в их начинаниях, творчестве и попытках самовыразиться. На свете нет «не творческих», вся Вселенная творит. Что до нас, людей, то создавать и вдохновлять друг друга на свершения – это наш ген, первооснова и ключ к истине.

Среди друзей Махпрат славится щедрой хлебосольной хозяйкой. Шикарный плов, фирменные пироги, добрые помыслы, душевные наставления, свет, любовь, мудрое слово матери – всем и каждому в отдельности.

Книги Махпрат Мухиддиновой есть на сайте Литрес, а избранные рассказы публикуются в выпусках альманаха литературного объединения «Заполярья».

*На фото Олег, Арсений, Рустам Трофим.*

*Фото из семейного архива*



## В раздумьях

Проза

### Махпрат Мухиддинова

из-за объективных причин, но, подозреваю, которые моя «леность» умудрялась где-то отыскивать.

Новый год, как всегда, встретила с друзьями, перед этим наговорившись с детьми и родными. Попрощавшись со старым и встретив Новый год, за несколько часов переговоров обо всём на свете, где-то ближе к утру я пошла домой. Мне оставалось всего три часа поспать, а потом нужно было идти на работу. Проснулась в довольно бодром состоянии, быстренько собралась и по привычной дороге пошла на работу. Шла я неторопливо, было ещё темно, сыпал снежок, а вокруг ни людей, ни собак не было видно. Благодать... На душе царил лёгкость и спокойствие, и я надеялась, что всё плохое оставила в старом году. Решила для себя, что буду очень стараться отсекаать и не подпускать негативные чувства и эмоции к сердцу.

Вдруг откуда ни возьмись автомобиль на большой скорости промчался мимо меня, подняв облачко снежинок, успевших покрыть дорогу небольшим пушистым слоём. Я шагнула в сторону от неожиданности.

– Он что, совсем одурел, на такой скорости нести в такую рань?! В такое время нормальные люди давно уже спят, а он носится, идиот, и наверняка нетрезвый! – мысленно вскричала я.

Тут я вспомнила о своём обещании не выходить из себя по пустякам и даже не по пустякам, сохраняя спокойствие, если даже обстоятельства будут вынуждать меня к обратному. Решила думать о чём-нибудь приятном и хорошем, и пошла дальше своей дорогой. Думы мои незаметно перетекли на недавно просмотренный сериал перед самым Новым годом. Сюжет был довольно интересным и динамичным, актёры, на мой взгляд, сыграли хорошо, но были там и бросающиеся в глаза несостыковки, которые раздражали явной непродуктивностью. Сериалов российских стало много, и очень даже неплохих, интересных, но понятно, что не «шедевров». Киноиндустрия поставлена на поток, который не рассчитан изначально на особую оригинальность и глубину-качество. Тем не менее, я считаю, что детали необходимо хорошо продумывать, более в соответствии с реальностью, раз уж снимается фильм и тратится на это много сил, времени и даже деньги.

Поймала себя на мысли, что мысленно выговариваю продюсерам и режиссерам, кото-



### Первый день Нового года

Перед наступающим Новым годом традиционно с родными, друзьями и знакомыми обменялись новогодними поздравлениями и пожеланиями. Из всех пожеланий и информации, лившихся из всевозможных источников, было ясно, что все свои неурядицы, беды, плохие мысли и чувства – весь арсенал негатива, следует оставить в старом году, а в наступающий год нужно взять только всё самое позитивное. Я и сама думала об этом, считая такое положение дел хорошим началом – положительным стартом для предстоящего года.

Встреча с Новым годом у меня всегда из года в год проходит в большой суматохе, хотя с тех пор, как выросли дети, и они разъехались из родного дома, давно в том отпала необходимость. Но, очевидно, из-за особенностей характера, я всегда нахожу возможность вводить себя в такое суматошное состояние не только в предновогодние дни. Но, что удивительно, на этот раз, возможно, повзрослев ещё на один год, в декабре, я сумела переломить ситуацию и в абсолютном спокойствии пережить предновогоднюю суету, заранее переделав все необходимые дела. Это очень редкое и приятное чувство удовлетворённости, когда ты пребываешь пусть в хрупком, но относительно покое физического тела и духа, совершив усилие над собой, сделав то необходимое, что постоянно откладывалось из-за стойкой лени. Нужные дела постоянно откладывались также и



рые затрачивают силы и деньги, пусть даже и не достаточные для качественного кино. Но всё же, в пределах существующих реалий, считаю, должны больше стараться, продумывать все действия персонажей и сюжета в целом. Мне уже давно понятно, что не хватает не только средств, а просто ещё и желания снимать хорошее кино, чтобы не стыдно было. А хотеть такие вещи может только настоящая глубокая творческая личность – Творец. С другой стороны, откуда же взяться творцам, если боссы от киноиндустрии при малых вложениях и бюджетах хотят заработать большие деньги? Вот такой наш российский расклад.

– Ну, вот и приехала! Где моё спокойствие, отстранённость от мелочей жизни?! Но кино ведь вовсе не мелочь, можно и повозмущаться! – подумалось мне обречённо.

Я пришла на работу, привычно села за свой рабочий стол и решила подвести итог утра первого дня Нового года. Действительно, оказалось, непросто взять и отказаться от всех своих непрошенных, спонтанных мыслей. Это непросто – отделаться от негативных или просто ненужных, лишних эмоций. Понимаю, я не буддист и тем более не Далай-лама, но всё же, придётся над собой поработать. Просто аффирмациями не отделаться – на это потребуются время и усилие над собой.

Время до следующего утра я провела в спокойных раздумьях. Ещё раз пришла к выводу и утвердилась в мысли, что в пространстве повсюду носятся вихри всевозможной информации, чьих-то полей, которые воздействуют на моё биополе. Я не в силах полностью изолировать себя от вредных воздействий, но нужно учиться ставить блоки. Самый действенный из них – понимание того, что тебе некуда деваться, ты живёшь в информационно-энергетическом поле, поэтому нужно больше концентрироваться на себе, копить силы и не расходовать её по пустякам и на негатив извне. Следует всегда помнить, что какими бы ни были люди, самое важное – это ты сам, твоё отношение, твоя реакция на внешние воздействия. А что для тебя пустяк, а что нет, решать тебе самому. Но как бы ты ни был сосредоточен на себе самом, должен держать своё сознание и разум открытыми, чтобы, считывая информацию, делать правильные выводы и максимально этим приносить пользу для себя. Если ты будешь адекватен в своём восприятии, своих помыслах, значит и поступки будут соответствующими, и от этого только будет хорошо окружающим. Это ведь замечательно, если нас будут окружать как можно больше адекватных людей, и не будут вытягивать из нас энергию беснующиеся вихри чужих полей, и тогда у нас останется больше сил и времени на созидание – на счастливую жизнь!

Вот в таких раздумьях прошёл мой первый день Нового года. Второй день уже был определён первым, а значит и третий, и все после-

дующие дни наступившего года. Я очень надеюсь, что все дни наступившего года пройдут со знаниями, извлечёнными из уроков и опыта предшествующих лет и ПЕРВОГО ДНЯ Нового года.

30.01.2019.

### Внутренний голос

Надя жила в маленьком населённом пункте, где раньше функционировало небольшое лесопильное предприятие, в отдалении от большого посёлка и города. К ним автобусы не заезжали, если только такси, но оно было не основным видом транспорта. Жители пользовались им, если только очень куда-то спешили. Приходилось идти, делая круг, к остановке, находившейся на довольно большом расстоянии от их домов. Зимой было легче: жители напрямую шли к остановке через речку и выходили к шоссе, ведущему в город. Прогресс пусть ползком, но всё же дополз и до них в виде строительства моста через речку. Сельская дорога, которая и вовсе превращалась в тропу, петлявшую по лесочку, в конце концов упиралась в неширокий, но длинный мост. Он был высоким, тёмная речная вода плескалась где-то там, далеко внизу, откуда торчали ветки затопленного ивняка. Днём ходить через лесок к мосту было даже приятно, но по вечерам для женской части это превращалось в проблему. Разный люд, пусть нечасто, но всё же шастал по нему, пугая их, но деваться было некуда, поэтому ходили все: и дети, и женщины, и мужчины – и те, кому не страшно, и те, кому абсолютно всё было нипочём.

Надя была женщиной непугливой, но с богатым воображением, которое включалось, когда ему вздумается, в самые неподходящие моменты, пугая её. А потом она прислушивалась и даже вела диалоги с внутренним голосом, как в известных анекдотах:

«Не всегда внутренний голос подсказывает правильно, иногда он просто над вами издевается».

«Внутренний голос чаще всего молчит, но весьма многозначительно, а потом тоже молчит, но уже злорадно».

«Слышать внутренний голос – не сумасшествие. Сумасшествие – начать с ним говорить».

Тем не менее, Надя не могла не прислушиваться к своему внутреннему голосу, если он вдруг неожиданно давал о себе знать, даже понимая всю абсурдность того, что порой он нёс, на всякий случай, мало ли что, подчиняясь и чертыхаясь одновременно. Надя привыкла к такому положению вещей, хотя успела изрядно устать от желания начать бороться, как ей казалось, с навязчивыми причудами психики. Надя знала, что от причуд психики – различных навязчивых мыслей – страдают практически все люди. Это как-то успокаивало – она была не одна, а вместе со всем человечеством!

Как бы там ни было, она всё же считала, что интуиция – внутренний голос, реально существует, но у более тонких натур, склонных к экстрасенсорике, но к таковым она себя не причисляла. Вот так и жила, подчиняясь различным, порой нелепым навязчивым проявлениям и установкам психики, но при этом сильно огорчаясь от осознания всей нелепости такого состояния своей головы.

\*\*\*

Надя настолько затянула своё решение прогуляться и заодно заглянуть в магазины по другую сторону речки возле автобусной остановки, что солнце уже успело склониться к западу. У неё периодически возникало желание перенести поход на другой день, но она тут же пресекала свои колебания, не желая поддаваться уловкам лени. День выдался ветреным, но солнечным, после затянувшихся дождей, поэтому Надя всё же решила на прогулку и заодно закупить продуктов. Ей слишком много времени понадобилось провести за компьютером, отвечая на сообщения друзей, что она вышла из дома лишь под вечер, когда светило уже висело над горизонтом, но ещё освещающая и окрашивая половину неба и облака в тёмно-розовый цвет.

Надя шла неторопливо, фотографируя ослепительно жёлтое буйство одуванчиков среди изумрудной травы, не успевшей выгнать из-за обильных летних дождей. Наконец, пройдя по лесочку, вышла к мосту. Каждый раз, проходя по нему, когда под ногами пружинили довольно тонкие досточки, отчётливо представляла себе, как они проламываются под ней, и она летит в холодную тёмную воду, откуда вряд ли смогла бы выплыть, особенно с грузом за плечами – тяжёлым рюкзаком. Страхнув неприятные видения, прошла мимо какого-то мужика, сидевшего на скамейке с бутылкой пива, но вдруг опять представила, как он шарахает её по голове этой самой бутылкой, потом убегает с её кошельком. У неё в очередной раз так сильно разыгралось воображение, что, не удержавшись, на всякий случай оглянулась, но мужик пока не собирался отрываться от своего пива ради покушения на неё. «Да... С таким воображением лучше дома сидеть, а не по мостам разгуливать, но тогда могу совсем затворницей стать», – так с иронией подумалось Наде.

Прогулявшись по дорожкам вдоль речки, посидев немного на скамейке, любясь проявившимися на потемневшем небе звёздами, пошла по магазинам. Набрал полный рюкзак продуктов в нескольких небольших магазинчиках, набитых всякой всячиной, пошла обратно домой.

Если на этом берегу речки было ещё более-менее светло из-за фонарей, то по другую сторону от моста темнота была более плотной, особенно в лесочке. От речки уже веяло

прохладой, а луна, ещё низко висевшая над землёй, временами исчезавшая за облаками, освещала округу тусклым, призрачным и, как подумалось Наде, каким-то зловещим светом. Она корила себя за непредусмотрительность: выйди она хотя бы на час раньше, то не тряслась бы сейчас как заячий хвост. Посетовав на себя, она быстрым шагом пошла по мосту. На скамейке не было мужика с пивом, очевидно, покончив с бутылкой, пошёл дальше по своим делам. Но ближе к противоположному берегу сидел парень в ветровке с капюшоном, но без бутылки, раскинув руки по спинке скамейки и задумчиво глядя на тёмное зеркало воды с мерцающей лунной дорожкой по ней. Надя торопливо прошла мимо него, чтобы не мешать его созерцанию. Когда сошла с моста на тропу и очутилась в сумраке, вдруг услышала звенящий от испуга внутренний голос, который чуть ли не умолял, чтобы она срочно что-то предприняла.

– Опять начинается! Ну что ты от меня хочешь? С чего это вдруг так всполошился? Если даже ты прав, то не могу же бежать сломя голову, давая понять, что я испугалась, – ответила она голосу, начиная впадать в панику.

– Придумай что-нибудь! А если он маньяк, если грабитель?! Что тогда?! Не хочу пропадать вместе с тобой, понимаешь?

– Какой же ты трус, вечно пугаешь меня! Это просто парень, сидящий и думающий о своём, а ты сразу – маньяк, грабитель! Совести у тебя нет от страха, на людей наговариваешь и на меня наводишь страх, запугиваешь.

– Ну что ты несёшь! Сейчас речь идёт о твоей безопасности. Пожалуйста, прошу тебя, прояви благоразумие, надо что-то предпринять! А если он за тобой пойдёт, когда в лес зайдёшь, что тогда? Тогда уже будет поздно! Лучше сейчас бежать как можно быстрее или что-нибудь придумать. Пожалуйста, включи мозги!

– Я уже говорила тебе, нельзя в панике бежать, мне даже страшно голову повернуть в его сторону, чтобы посмотреть, где он и что делает, а ты кричишь – беги! Ты меня уже до смерти напугал, я не знаю, что мне делать. Где же ты был, когда собралась вечером на прогулку за речку? Почему не остановил, не завопил, что слишком поздно, нельзя разгуливать в такое время, можно на кого-нибудь нарваться? А теперь я, видите ли, в опасности! Может это твоя трусость, паникёрство, а не реальная угроза? Ты ведь часто меня обманывал, хотя, конечно, порой бывал и прав.

– По-разному бывало, признаю, в панике я сбивал тебя с толку, но лучше напугать, чем случится что-нибудь непоправимое. Я знаю, ты меня стараешься слушать и доверять, считая способным получать информацию напрямую из подсознания, но не всегда это так. Не всегда подсознание подключается ко мне, оно как-то чаще само по себе, я даже не понимаю,



зачем ему всё это скопище информации и знаний, если его не использовать для пользы. Я чаще всего получаю сигналы из бессознательного, где накапливается всякий психологический хлам, отторгнутый сознанием, поэтому из-за этого я не всегда бываю достоверным. Но сейчас поверь мне, прошу!

– Ладно, я опять, на всякий случай, поверю тебе, может быть, ты и прав, а если и нет, то это лучше, чем если ты окажешься прав.

Всё это пронеслось в голове Нади молнией, ей вдруг стало очень страшно. Если угроза всё же существовала, то был только один выход. Она трясущимися пальцами нащупала в кармане мобильник, включила его и стала торопливо набирать несуществующий номер. Она шла, не убыстряя шаг, хотя хотелось бежать сломя голову, вопя, словно армия невидимых чудовищ должна была вот-вот ринуться на неё. Надя, сделав усилие над собой, придала голосу естественное выражение и с трудом выдала из себя слова.

– Володя, ты где? Почему меня не встретил у моста? Ой, ты здесь совсем рядом, да ещё с Николаем, как здорово! В гости, значит, заехал? Ладно, хорошо, я подожду вас здесь, а то рюкзак тяжёлый, да и темновато в лесочке. Жду вас...

Она, сделав невероятное усилие над собой, приказала себе остановиться, потом, неторопливо сняв рюкзак с плеч, скинула его на траву, чтобы быть налегке в случае чего, и, наконец, обернулась назад. Сердце у неё чуть не выскочило от ужаса... На неё наплывал чётко очерченный на фоне тусклого света далёких фонарей и неяркого света луны тёмный силуэт сидевшего на скамейке парня в ветровке с капюшоном. Надя сжала в руке мобильник, хоть что-то, в случае чего... У неё пронеслось в голове, что нужно всегда носить в кармане баллончик с дихлофосом, но уже в следующий раз, если он будет. Надя сжалась, внутри разливался парализующий холод и пустота, но она понимала, что нужно держать себя в руках, на лице должно быть спокойствие, а тело не должно сотрясаться от дрожи – иначе нельзя... Парень, мягко ступая, спокойно, мельком глянув в её сторону, прошёл мимо. Она, не веря своим глазам, впав в ступор, всё смотрела и смотрела в его сторону, пока тот шёл, а потом не свернул на тропинку, ведущую в посёлок.

– Я как дура послушалась тебя!!! Какая же я дура, дура, что послушалась тебя! Шла бы себе потихоньку, уже из лесочка вышла на дорогу, так нет, как идиотка разговаривала по телефону, – как заведённая причитала она.

– Почему «как»? Ха-ха-ха... Уфф... пронесло...

– Ты что, ещё издеваешься надо мной?!

– А чего ты хотела, чтобы он напал на тебя и ты потом, если бы этот «потом» наступил для нас, попросила прощения за то, что не послу-

шалась меня, и я оказался прав? Слава Богу, что так закончилось. Бережёного Бог бережёт! Главное – ты жива и здорова!

– Всё на Бога сваливаешь, да ладно, действительно, главное всё закончилось благополучно! – сказала Надя своему внутреннему голосу, переводя дух, уже успокаиваясь, и, наконец, уняв внутреннюю дрожь, открыла дверь и вошла в свой дом.

\*\*\*

Он увидел её на мосту, по пути в посёлок, когда присел немного передохнуть и подумать о сложившихся неблагоприятных обстоятельствах в своей жизни. Дела его были плохи. Приехал на заработки, но что-то не заладилось: то с одной работы уволился, то с другой, везде норовили обмануть, кинуть, ему всё надоело, но возвращаться домой, потерпев неудачу, тоже не хотелось. Деньги были на исходе, в последние дни попил со знакомыми ребятами, но не будут же они вечно поить его и предоставлять ночлег. Нужно было что-то делать. Женщина с полным рюкзаком торопливо прошла мимо него, а из бокового кармана торчал кошелек. Он сам не понял, как у него помутнело в голове и ему захотелось пойти за ней – у неё были деньги и, наверное, продукты в рюкзаке. Парень не знал, что будет делать, в голове у него шумело, в ушах пульсировала кровь. Женщина сошла с моста, но ещё не вошла в лес, тогда он машинально, словно робот, взяв из урны, пустую бутылку из-под пива, встал и пошёл за ней. Женщина шла спокойно, не оборачиваясь и ни о чём не догадываясь, потом стала говорить по телефону. Он уже был близко от неё, сжимая в руке бутылку, когда услышал её разговор по мобильнику. Кто-то шёл ей навстречу и к тому же не один. Ох, как же не вовремя, он не успеет... Вдруг она остановилась, сняла рюкзак с плеч, бросила его на обочину и обернулась... При свете луны парень сумел разглядеть её спокойное лицо и понял, что она ждёт того, с кем только что говорила по телефону. Он прошёл мимо, а потом свернул на тропинку, ведущую в посёлок. Чем дальше отходил от места, где стояла женщина, тем больше наваждение, накрывшее его, покидало помутневший разум. У него вдруг ослабли ноги, ему пришлось остановиться и чуть ли не кулем свалиться на траву. Что это было только что? Возможно, вот так спонтанно совершаются незапланированные преступления, когда химеры окутывают разум, освобождая и выпуская из-под семи замков, тёмные, беснующиеся звериные инстинкты. Выходит, он мог ограбить женщину и даже ударить её бутылкой? А если бы убил?! Парень вытер со лба враз выступивший пот, он не узнавал себя. Он понял: ему следует что-то делать с собой, лучше всего уехать из этих краёв – от греха подальше, они на него дурно влияют. Он не должен превратиться в пре-

ступника и закончить жизнь за решёткой. Ему ещё предстояло в себе хорошенько разобраться, но в первую очередь нужно взять билет на ближайший день и навсегда покинуть неблагоприятные для него места, где чуть было не потерял свою душу. Он ещё долго сидел, опустив голову, не в силах подняться. Наконец, он встал, вытер рукавом мокрое лицо и неровной походкой двинулся в сторону посёлка.

\*\*\*

Нам нужно ладить со своим внутренним голосом, научиться его слушать и подчиняться, даже если, как нам кажется, он иногда несёт полную чушь. Следует научиться отличать интуицию от всевозможных навязчивых проявлений психики. В любом случае внутренний голос знает больше, чем мы. Только научив-

шись доверять ему, контактируя с ним, мы можем более гармонично вписываться в существующие закономерности – реалии. Нам ведь неведомо, скольких опасностей мы избежали, повинувшись, пусть даже слепо, неким импульсам – сигналам от интуиции. Пусть наш внутренний голос любит над нами подшутить, ввести в панику, накрыть липким страхом, но он – это мы сами, только более тонкое и глубинное проявление нашего «Я», которое имеет связь с подсознанием и бессознательным и стоит на страже нашей жизни. Только от гибкости и глубины ума, степени здравомыслия зависит, насколько в ладу и гармонии смогут сосуществовать наше внутреннее «Я» с нашим сознанием – нашим внешним «Я» ради общего блага.

09.07.2019



Дебют

## Календарь

Нина Коваль

*О себе: родилась на Дальнем Востоке, в Хабаровском крае. В округе живу с 1977 года, более 10 лет работала в «Нарьян-Марсейсморазведке», затем более 30 лет в Миграционной службе. Стихи пишу со школьных лет.*

\*\*\*

Месяц сентябрь семейства осенних  
Пишет картины в свою галерею:  
Облачко золота, кустики зелени,  
Листья багряные землю усеяли;  
Стаи пернатых на дальних озёрах –  
Лебеди, чайки, гагары и совы;  
Дождика струи, грибы на поляне,  
Вот мухомор в ярко-красном кафтане.

Весь вернисаж произвёл впечатление,  
Всё как в волшебной и радостной сказке!  
Осень довольна: картины – прекрасны!

\*\*\*

Лето пролетело нежной паутинкой,  
Улетели птицы, выпал первый снег,  
Лужи обновилась тоненькою льдинкой.  
Всё по старой схеме, всё из века в век!

«Не апрель, конечно, но и не январь», –  
со стены мне шепчет друг мой – календарь.

\*\*\*

Всё как прежде,  
Всё как встарь:  
Запах ёлки, мандарины,



Похудевший календарь,  
Снег, позёмка, синий иней  
И снежинки на стекле!  
Год проходит, мчится новый,  
И, дай Бог, не на метле!

\*\*\*

Будем утро мы встречать  
Добрými словами.  
Солнце скрылось –  
Не беда,  
Засияем сами!



## Мои мысли шиты лыком...

Любовь Гурбо



\*\*\*

Весною жизнь кипуча,  
с иголочки нова,  
никак ей не наскучит  
качать свои права,

давать от каравая –  
неровно, на бегу –  
и всё же не оставаясь  
ни перед кем в долгу.

\*\*\*

День как старая киношка...  
Так... вчерашний дубликат.  
Посветил лучом в окошко  
и навек ушёл в закат.

Всё же был он тих и светел  
и сумел мне удружить  
тем, что ласково приветил  
и позволил в нём пожить.

\*\*\*

Планета в плену одержимости –  
аварии, вирус, война!  
По мне, не замёрзла бы жимолость.  
Мой мир – это сад из окна,

рождение клейкого листика,  
разлом на древесной коре.  
Меня не волнует политика,  
волнуют цветы во дворе.

Они-то и есть настоящие,  
раскрылись, на солнце сомлев.  
А что там в сети и по ящику?  
Обман, лицемерие, блеф.

Среди анемон и клематисов  
дожить бы до самых седин,  
забыв, что я циферка в матрице,  
забыв, что Поэт – Гражданин.

\*\*\*

Кружит мир как заполошный:  
всё смешалось – смех и грусть.  
Что здесь истинно, что ложно,  
вряд ли скоро разберусь.

Вот бы взять устроить роздых  
и распробовать свой путь,  
в грудь набрать поглубже воздух  
и зажечь... Когда-нибудь.

\*\*\*

Лето свесило головку –  
август выгорел дотла.  
Натянулась мухоловка,  
где вчера прошла метла.

Пахнет прелью и грибами,  
небо налито свинцом,  
и туманными губами  
зацеловано лицо.

Выше роста топинамбур  
вскинул жёлтенький салют.  
Осень чествовать и нам бы...  
Выпить что ли, коль нальют?

\*\*\*

Корж земли присыпан цедрой,  
дышит сливовым вином,  
в октябре легко быть щедрой,  
тяжко думать об одном:

жизнь, к которой привязалась,  
о которой сказ веду,  
прогорает как физалис  
в засыпающем саду.

\*\*\*

В день вхожу как приживалка  
в приутихший барский дом.  
Жизнь ни шатко и ни валко,  
заведённым чередом,

всё идет куда-то к свету –  
дай-то Бог, чтобы к нему,  
а уж я дорожку эту  
как-нибудь да подниму.

\*\*\*

Осень шпарит без запинки:  
дождик, рыжие рябинки,  
в огороде – слизняки,  
в коридорах – сквозняки.

В кухне парно от компота:  
нет надежнее оплота  
по зиме, чем погребок.  
Всё, что можно, – в банки! Впрок!

А по совести, без шуток:  
осень – дивный промежуток,  
в нём бы тихо погостить,  
всё пустое отпустить.

\*\*\*

Над землёй ползёт громада  
чернобрюхих облаков,  
солнца нету – и не надо!  
Что поделать! Мир таков:

в нём то ясно, то ненастно,  
так что душу не согреть.  
Жизнь петляет всяко-разно –  
лишь бы дальше, лишь бы вперёд.

\*\*\*

В Новом Годе мало толка:  
вот искусственная ёлка,  
вот салаты, вот икра  
(доедаются с утра),  
вот под маской конфетти –  
всё здесь есть, но нет пути  
в те края, где верят в чудо,  
где трагедия – простуда  
тридцать первого числа,

где зима белым-бела,  
ёлочка в лесу росла,  
где я маленькой была.

\*\*\*

Ах, январь! Зима зимою!  
Куст сирени – ватный куль!  
Между небом и землёю  
протянулся белый тюль:

он снаружи занавесил  
окна, потому что с той  
стороны на эти веси  
опустился Дух Святой.

Снежный тюль хотя и тонок,  
а рукой не разорвать...  
Вот такой пошить бы полог  
да на детскую кровать.

\*\*\*

Я на улице набегом –  
любоваться новым снегом,  
заплетать следы на белом  
и ловить снежинки ртом,

быть собой – живой, сейчасной,  
ко всему вокруг причастной,  
мыслью, чувством, словом, делом  
жить сейчас, а не потом.

\*\*\*

Мои мысли шиты лыком,  
в них пелёнки и компот.  
Нет бы думать о великом –  
голова полна забот.

Мои будни – курам на смех,  
ликование возни!  
Всё урывками, да наспех –  
сухомятка, чёрт возьми!

Жизнь бесстыдно измельчала.  
Середина уж поди?  
Не-е-ет, сейчас как раз начало,  
счастье всё, брат, впереди.

Фото Любови Каплицкой



# Приближая встречу с тобой

Ольга Пашун



\*\*\*

Весна кончается, нагрянет скоро лето  
Но почему как осенью грущу?  
Сугробы не растаявшие где-то  
Зачем-то за собой в стихи тащу.

Вздыхнув, перемещаюсь в бесконечность,  
Вбираю взглядом хмурый горизонт...  
Песком морским перетекает вечность,  
И падает с дождями небосвод.

Дыханием согрею влажный воздух,  
И лужи таять будут поутру.  
А красные рябиновые грозди  
С окна, не сожалея, уберу...

\*\*\*

Сирень Ван Гога, скромная и юная,  
Совсем не та, что в Питере цветёт –  
По ней дорожка пролегает лунная  
И за собой настойчиво зовёт.

Сирень летит, доверчивая, нежная,  
Сорвётся с ветром, вздохом промелькнёт.  
Иду у храма тихая, неспешная...  
И радуюсь, в душе весна цветёт!

\*\*\*

Сколько звёзд в созвездии Тельца?  
220, если верить картам.  
Я гляжу на небо. У крыльца  
Лужи лёд покрыл в начале марта.  
Не по мне продавленный диван!  
Я спешу на Север, чтоб однажды  
Увидать звезду Альдебаран  
И от света сделаться отважной.  
Глазом золотистого тельца,  
Королевой звёзд и Божьим оком  
Называется моя звезда  
И всё светит, так же одинока.

\*\*\*

О чём расскажут зеркала?  
Они бесстрастно отражают  
Как пролетают птичьи стаи  
И кружит над землёй пчела.  
О чём расскажут зеркала?  
Не на стене, а под ногами,  
Весна, умытая слезами,  
Дождинки в лужи собрала.  
Я, прикасаясь к зеркалам,  
Танцую, прыгаю, взлетаю,  
А солнце, лучики сплетая,  
Промчится по моим следам!

\*\*\*

Где-то первомайская роса  
На траве, у нас всё скрыто снегом.  
Распахнули окна небеса  
И остались на земле с ночею.  
Где-то распускаются цветы,  
А у нас мечты о первоцвете.  
Но средь белоснежной красоты  
Знаю, что наступит скоро лето.

\*\*\*

Ещё чуть-чуть и снег сойдёт,  
Растаяв, в лужи превратится,  
А лучик солнечный промчится  
И возле дома пропадёт.  
В траве лежащее брёвнышко  
И лодка, что к нему тулится,  
В тенёчке летом сладко спит.  
Здесь небо – вечности окно.

\*\*\*

Была весна, собака выла,  
В окно стучался нудный дождь.  
Молчал, когда ты уходила.  
Смотрел, как сумочку берёшь.  
И был уже готов привычно  
Подать пальто, надеть сапог...  
Но дверь закрылась безразлично  
И щёлкнул старенький замок.  
Шли дни, перетекая в лето,  
Боль стихла, отступила грусть.  
Возьму собаку, на рассвете  
Из дома выйдя, улыбнусь.

\*\*\*

Я – твоя слабость, Ахиллесова пята.  
Так неуклонно смиряет Господь  
Всплески эмоций на острие креста  
И пальцы соединяет в щепоть.  
Я оселок, затачиваю острей,  
Солнечный жар и вечная мерзлота.  
Стена, на которой висит ружьё.  
А впрочем, и ты – моя Ахиллесова пята.

\*\*\*

Быстро лечу и спешу, пространство  
Не замечая,  
Время плечом приросло к прикладу,  
Дни отмеряя.  
Может быть, надо убрать тревогу  
И оглядеться.  
Путь проложила до горизонта  
Взором из детства.  
Вот уже вечер, жмётся к ногам  
Прохлада.  
Звезды присели на рукава  
Бушлата.  
Дворником ветер листья метёт  
В осень.  
Лето придёт, я его жду  
Очень.

## Сыну

Потеплело и окна заплакали,  
Может быть, расставаясь с зимой.  
Я рисую на них каракули,  
Ожидая тебя домой.  
Снег осел, воробьи чирикают.  
Не желаю весны затяжной –  
Лето жду, а часы всё тикают,  
Приближая встречу с тобой.

\*\*\*

Лето, цветы вырастают  
В пальцы остывших рук.  
Сердце болит – не знаю,  
Где похоронен друг.  
Сворой собак снаряды

Грызли куски брони,  
Рвал рычаги я. Рядом  
Ангел меня хранил.  
Выбрались как, не знаю...  
Только остался друг  
Там, где цветы вырастают  
В пальцы остывших рук.

\*\*\*

Осиротела келья без света от лампадки,  
Псалмы уснули в книге на полке у икон.  
Ещё совсем недавно мы праздновали святки...  
Молитвослов с тобою уехал в гарнизон.  
Я огонёк затеплю в лампадке.  
У окошка  
Вздыхну совсем тихонько и стану наблюдать.  
Нализывает шерстку скучающая кошка.  
Мы с ней, как часовые, готовы подождать.  
Пусть ангел защищает тебя в жестокой схватке,  
От пуль крылом прикроет, когда начнётся бой.  
Я знаю,  
Скоро в келье ты сам зажжёшь лампадку.  
Поставишь для иконы старинный аналой.

\*\*\*

Дыра на люке, и броня пробита,  
И вмятины по башне пролегли.  
Ты – ласточка моя, моя защита,  
А там ребята наши полегли.  
Разведка доложила «всё нормально» –  
Наткнулись на засаду впереди.  
Околица деревни, домик крайний  
И дождь снарядный батальон накрыл.  
Ты вывезла почти что всех из боя,  
из-под огня сумела нас спасти,  
Но смерть ребят мне не даёт покоя...  
И я прошу – нас, Господи, прости!  
Прости, что видим мы цветенье сливы  
И слышим, как кузнечики трещат,  
Прости за то, что мы остались живы,  
А там ребята мёртвые лежат.

\*\*\*

Тебя слушали долго, внимательно,  
Смотрели, как строишь ковчег,  
Потом смеялись и слали к матери.  
В Отчизне пророка нет!  
Сейчас другое, время стремительно,  
Живём не Ноевы 950 лет.  
Но так же ветхому преклоняется,  
И чуда ждёт, как всегда, человек.  
Казалось, в космосе побывали мы  
И всё не можем найти Творца,  
Но Чаша жизни неиссякаема,  
Когда открыты любви сердца.  
Ведь будет то, что ковчег построится,  
Когда потопа не будут ждать,  
Придёт сын Божий, и нам откроется,  
Что мы пытаемся доказать.



\*\*\*  
Зеркало ведь правдиво  
И лежковерно.  
Слабыми нас считает  
Запад, наверно.  
Как же мы долго терпим,  
Время листая.  
Но огонёк затеплим,  
И враг растает.  
Взяли страну в блокаду,  
Но не повергли,  
Вы – про закон неправды,  
Мы с милосердьем.  
Думаешь, простофили –  
Время не учит.  
В слабости будешь сильным –  
Мудрости ключик!

\*\*\*  
Я не скажу, что всё пройдёт,  
Излечит время.  
Все дни и ночи напролёт  
боль долбит в темя.  
Затихнет, даст чуть-чуть вздохнуть  
И с разворота  
Ударит апперкотом в грудь,  
Сожмёт аорту.  
Внутри дыханье сорвалось –  
Совсем как в драке.  
На улице трещит мороз  
В крошечном мраке.

\*\*\*  
Но мы то помним, как писалось  
«Мы не рабы, рабы немцы!».  
Что ж, будем, вызывая жалость,  
Молчать?  
Молчать среди чумы?  
Да, мы не можем взять оружие  
И в бой идти против врагов.  
Стал показатель равнодушия  
Людей  
Сильнее, чем любовь.  
С колен вставайте, говорите,  
Сумейте защитить детей!  
От вас зависит, как решите:  
Жить иль таится средь щелей!

### Шутка

В веке XIII-м был интернет.  
Вы мне не верите? Зря.  
Рос возле дерева первоцвет,  
Воздух вдыхал втихаря.  
Если ты к дереву подходил,  
Кланялся, бился лбом,  
Он очень сильно в экстазы входил  
И говорил потом:  
Будут, мол, птицы вверху летать,  
Перевозить людей,  
Будут про ближнего вспоминать,  
Только включив дисплей.  
Слухам не верили чудаки  
И уходили прочь.

Плакало дерево у реки,  
Пережидая ночь.

\*\*\*  
Мой старый меч, покрытый пылью,  
Доспехи с рыцарских времён –  
Легендою вы стали, былью  
И страхом вражеских племён.  
«Турниру быть!» – кричат герольды.  
Почищу меч и щит протру,  
как выстрел звук дверной щеколды  
За мной раздастся поутру.  
Раздвиньтесь и пройти позвольте,  
шагну в арены бранный круг.  
Надеюсь, скоро вы поймёте  
Рифм мелодичный перестук.  
Да, повторю, перо не шпага,  
Но на листочке для стихов  
Так напишу я про отвагу,  
Чтоб к битве каждый был готов!

\*\*\*  
Свист, и голуби в небо срываются  
С развалюхи, из досок сколоченной!  
Полетают и возвращаются  
В дом, дождями косыми омоченный.

Мы идеями разными маемся  
И по жизни идём озабоченно.  
Но устав, в дом родной возвращаемся,  
Что стоит много лет заколоченный.

К удивлению, душа очистится.  
И спокойно о главном помыслится.  
Наносное всё вымывается.

А планета кружит задумчиво,  
И судьба заплетает кружево.  
Ну а голуби вверх срываются.

\*\*\*  
Мой отец воевал,  
Ну и как же я в детстве жалела –  
Не пришлось нам в разведке родные поля  
защищать.  
И когда на руках я у папки, обнявшись, сидела,  
Мне хотелось туда, в сорок пятый,  
к нему прибежать.  
Защитить от ранений, от мины прикрыть,  
от разрывов,

Чтобы ноги не ныли,  
почувствовав дождь или снег...  
Он ушёл, мой родной, мой любимый,  
счастливый  
Папка мой и Великой души человек.

\*\*\*  
*Анисье Варницыной, труженице тыла из Индиги.*

Был месяц май, и чум стоял на сопке,  
Паслись олени около реки.  
Глядим, бежит растрёпана по тропке  
Наш почтальон, одетая в ремки.

Смеётся, плачет, слезы вытирая  
Зажатой телеграммой в кулаке.  
– Победа! – справившись с волнением сказа-  
ла, – Победа, девочки, и мир на всей земле!

Ура! Ура! И шапки кинув в небо,  
Друг друга обнимали без конца.  
Потом у печки угощались хлебом  
И стали с фронта поджидать отца.

Истлел тот чум, мы стали стариками,  
Наш дом стоит на сопке у реки,  
Но май победный – он остался с нами...  
И телеграмма из одной строки.

\*\*\*  
Как хорошо бродить по тундре,  
Прилечь на мох, глядеть на небо,  
Ловить счастливые секунды  
И грызть подсохший ломтик хлеба.  
Как хорошо обнять берёзу,  
Рыдать у ивы безутешно,  
Смахнув непрошенные слезы,  
Глядеть на океан безбрежный.  
Растреплет на берёзке кудри  
Бродяга-ветер, и нелепо,  
Без цели я хожу по тундре  
И ем подсохший ломтик хлеба...

\*\*\*  
Дождь ночью падал на траву,  
Гремело у виска.  
Раскинула стихов канву  
На белизну листка.  
Сложила молнию в узор  
И рифмы создала,  
Последний горький разговор  
Как благо приняла.  
Остался отпечаток снов  
И аромат от свеч.  
И капельки ненужных слов  
Упали с голых плеч.

### Финал осени

Фигурной медью сыплет лес  
И под ноги ко мне бросает.  
На ветках синева небес  
Акваарином застывает.  
Летают птицы в вышине,  
Обитель сверху озирая,  
Сюда вернётся по весне,  
Едва сойдёт снег, птичья стая.  
Ну а пока ложится лист  
И на земле гора монист.

\*\*\*  
В солнечном свете россыпь алмазная,  
Брызги речные радугой!  
Что говорит мне рыба безгласная,  
В речке играя и радуясь?

Может о том, что не надо печалиться,  
В радости дни проживая.

Хищница щука у берега скалится,  
Но никого не поймают!

Чистою будет река и глубокою –  
Рыбная молодь мечтает.  
И покидая протоки с осокою,  
Рыба в Печоре играет!

\*\*\*  
Зимний вечер. Звёздное небо.  
Зачарованно ввысь гляжу.  
Звёзд мерцание видеть мне бы,  
Даже если во тьме брожу.  
Вот мольберт. Нарисую звёзды,  
Закружится меж ними пыль.  
Приготовлю большие гвозди  
И стремянку на сотни миль...  
Я уверена, очень просто  
Можно сделать то, что должны –  
Если я зажигаю звёзды,  
Значит людям они нужны!

\*\*\*  
Воздушна, фатиново облачна  
В карете на бал прибыла.  
Прекрасней не видели облика  
Старушки родного села.  
Карета и всё как положено –  
Откуда всё это взялось?  
Шептались:  
– Да это наложница.  
У барина Яшки небось!  
Он в городе любит молоденьких,  
Хороших девчат соблазнять  
– Ну, бабы, себя-то бы вспомнили,  
Ей всё дарит крёстная мать!  
Ах зависть, змея подколодная.  
Не выбить тебя, не продать!  
Вы разве сидите голодные,  
Девчонку пытаетесь пинать?  
Любуйтесь на счастье короткое,  
Ведь скоро оно отцветёт.  
Детишки, хозяйство огромное  
Придавит, как замуж пойдёт.  
Пускай же кружится, вальсирует,  
Глаза, словно два светлячка.  
Судьба на хорах дирижирует,  
От бед ограждая пока.

\*\*\*  
Переход из ниоткуда  
Приведёт вас в никуда.  
Сериал для Голливуда –  
Ни дороги, ни пруда.  
Как дойти по бездорожью,  
Как до дома добрести?  
Снимешь туфли, с мелкой дрожью  
Путь-дорогу окрестишь.  
Без оглядки, напрямую,  
Может, как-нибудь дойдешь...  
Я дорогу нарисую,  
Если только подождешь.



## Победный май

Акция

Ко Дню Победы 9 мая 2022 года в группе Народного литературного объединения «Заполярье» ВКонтакте состоялась литературная акция «Победный май». Воспоминания и размышления, поздравления и пожелания, в стихах и в прозе присылали участники акции.

Потому что никто не забыт, ничто не забыто.



Лидия Сядейская, п. Красное НАО  
**Пуночки**

Весенний майский день. Летят на Север птицы.  
Вернулись пуночки, присели на снегах.  
Но вижу я опять военные страницы  
И слёзы радости у земляков в глазах.  
Военный трудный май шагал по всей Европе.  
Шёл бой в Берлине, развевался красный флаг.  
Такие ж пуночки сидели на дороге.  
А Левитан провозгласил, что взят Рейхстаг.  
Мне слёзы радости сжимали сердце болью.  
Все люди плакали и не стыдились слёз.  
Весенний майский день, ещё политый кровью,  
Тревогу радости, надежду нам принёс.  
Смотрю на пуночек, а сердце замирает.  
Великая Победа досталась тяжело.  
Весенний праздник МАИ вновь по стране шагает,  
Танцуют пуночки, как прежде. Так светло!

Марина Филиппова, г. Нарьян-Мар  
**Письмо**

Белые мухи кружат за окном.  
Дремлет тихонечко старый наш дом.  
Изредка ставни от ветра скрипят.  
Дом засыпает – люди не спят.  
Днём почтальонка в деревне была,  
Бумагу казенную в дом принесла.  
Строчки расплылись, глазам не видать:  
– Дочка, ты где? Помоги прочитать?  
– Бой был жестокий, враг наступал,  
Ваш сын не убит, он без вести пропал...  
Мама не плачь, он пропал, не убит!  
Значит, придёт, значит, в дверь постучит.



Скажет с порога:

– Ну, здравствуй, семья!  
Вот я вернулся, встречайте меня!  
Годы идут, их ничем не сдержать.  
Старая мать продолжает всё ждать.  
Слёз уже нету, а сердце зовёт:  
«Где же сынок, почему не идёт?»  
Тронет бумагу старая мать:  
– Внучка, ты где? Помоги прочитать?  
Сын не убит, он без вести пропавший,  
Надежду и веру матери давший.

Внучка прижалась к бабуле щекой:  
– Я подожду его вместе с тобой!

Наталья Чупрова, г. Нарьян-Мар  
**Дед и внук**

Рассказ деда, тихий, спокойный,  
О тяжелых боях и потерях  
Слушал внук, совсем ещё юный,  
Гладил руку, где шрам от ранений.  
Не спрашивал он, как дед выжил.  
Только слушал, глядя в глаза.  
Душу деда жалел, не тревожил.  
Но в морщинках блеснула слеза.  
Внук утёр ту скупую слезинку  
И прижался к груди в медалях.  
Знал, что в трудную ту годину  
Дед не думал ничуть о наградах.  
Просто шёл он вперёд в атаку.  
Защищал от врага страну.  
Был отважным, сильным солдатом.  
Я горжусь тобой, дед, и люблю!

Ирина Селиверстова, г. Нарьян-Мар  
**Мишуткины Дни Победы**

У деды Миши есть специальный пиджак.  
На нём висят медальки. Они блестят и звенят.  
Мишутка сидит у деда на коленях. Медальки  
напоминают шоколадки в золотистой фольге.  
Все, кроме одной, та – серебристая. Мишутка  
пробует их на вкус. Не поддаются. Тогда  
он гремит медалями. Ему тепло и весело!  
Потому ещё, что все сидят рядом: мама, папа,  
две бабушки и старшая сестра...

\*\*\*

В телевизоре весь день стреляют пушки,  
летают самолетики, жужжат танки. Мишутка  
сидит на ковре перед экраном. Время от  
времени он вскакивает и, растопырив руки,  
летит по комнатам. Вот он приземляется  
на шпанежкин перекус у бабушки на кухне.  
Потом летит дальше с удвоенным гулом.  
Пролетает маму с утюгом, папу с газетой  
и врезается в дедушку. Дед только что с  
улицы, пахнет свежим ветром и снеговиками.  
Мишутка возвращается на взлётное поле  
возле телевизора...

\*\*\*

На улице столько людей! Все с цветами.  
Потому что большой праздник. Мишутка  
тоже несёт цветы. Их надо положить у  
специального памятника про войну и про  
Мишуткиных прадедушек – они были  
героями и сделали мир на земле. Деда Миша  
тоже герой, только трудовой. Мишутка  
торжественно положил к памятнику две  
красные гвоздики, полюбовался на язычки  
пламени Вечного огня. Потом гордо прошёл  
мимо тех, кто ещё стоял в очередь...

\*\*\*

У дедушки Миши полный шкаф  
альбомов с фотографиями! Он сам умеет  
фотографировать, проявлять и печатать!  
Мишутка не раз запирался с дедом в ванной  
комнате и «химичил». Сегодня он всё утро  
листал альбом про войну. Слушал рассказы  
деда про голод и холод. За праздничным  
обедом Мишутка съел всё, что ему положили  
на тарелку, собрал крошки со стола и вынес  
в кормушку птицам. Весна была затяжная,  
холодная...

\*\*\*

Дед, вот моя золотая медаль. Не такая  
геройская, как у тебя, но заслуженная. Школа  
позади...

\*\*\*

На столе альбом «про войну». Прадеды  
смотрят с фотографий. Они не знали друг  
друга, но уже давно вместе на первой странице  
альбома. Папин дед, мамин дед. Оба пропали  
без вести. На фото худощавые, усталые  
солдаты, обоим за 50. Пехота. Внук провёл  
рукой по лысой голове. Потом открыл шкаф,  
повесил свой китель рядом с дедовым пиджаком.  
Легкий перезвон медалей и тёплая волна  
воспоминания: Мишутка сидит на коленях  
деда Миши. Он дома.





Родители мои пережили блокаду Ленинграда. Папа был военный инженер, после снятия блокады его оставили в Ленинграде для восстановления хозяйства. Работы много, папа приходил домой только ночевать. Он отвечал за электрические сети военных объектов всей Ленинградской области. У него была служеб-

ная машина, сначала маленький «козлик», потом ГАЗ-69. Папа мотался по всей Ленинградской области и часто брал меня с собой. С тех пор я люблю машины, запах бензина, дорогу.

Папа, как и многие участники войны, никогда не рассказывал о тех годах – наверное, слишком тяжело вспоминать. Помню, у папы была привычка смотреть под ноги, когда он просто шёл. Говорил, это с войны осталось, чтобы не наступить на мину. Ещё помню, мы были на даче на Карельском перешейке, там в войну шли бои. Остались воронки от взрывов, в лесу валялись каски – целые и пробитые. Целая каска у нас стояла под рукомоиником, в ней мок топор.

Ещё помню остатки блиндажей. По краям росли кусты малины, мы её собирали. Однажды я нашла в лесу 2 коробки с патронами. Коробки были почти полностью в земле, а крышки, наверное, снесло чем-то. В памяти осталась густая зелень травы, плотно уложенные капсулами вверх новенькие жёлтые латунные патроны. Я сама трогать патроны побоялась, побежала за папой, но дорогу забыла, и мы с ним патроны эти не нашли.

Как-то раз мы с папой гуляли по полю. Он отошёл от меня, а я в этот момент нашла на земле цилиндрический кувшинчик с отбитым горлышком. Я его взяла в руку и позвала папу посмотреть. Папа обернулся – и вдруг как закричит: «Стой на месте! Не двигайся! Что у тебя в руке? Держи крепко, не бросай!» А сам бледный, бежит ко мне. Я никогда его таким не видела. Подбежал, посмотрел на мою находку и облегчённо вздохнул. Оказалось, этот цилиндрик издали выглядел точь-в-точь как граната.

Году в 1952-м родители показали мне дом возле Невы, где располагалась папина воинская часть. Рассказали, что однажды в Неву по-

пала бомба, вода с грязью волной перелетела через набережную и дом, плюхнулась во двор, убила женщину. А ещё папа рассказывал, как весной 1942-го они всей частью ездили в поле выкапывать кочерыжки капусты. Папа несколько штук принёс маме. Больше я о войне от папы никогда ничего не слышала.

О блокаде Ленинграда мне рассказывала мама. Она была крепкая, деревенская, работала в военном госпитале разнорабочей, получала рабочую карточку. Так и выжила. Мама вспоминала, что первыми умерли от голода худенькие, девушки, которые до войны тратили деньги на одежду и украшения, экономя на еде. У нас в доме был культ еды. На обед несколько блюд на выбор. Приходили гости – на стол всё самое лучшее, а когда гости уходили, каждому давалось что-нибудь с собой, кусок пирога, например. Деньги сначала на еду, потом на всё остальное. Счетов в банке не было, в доме – только «необходимое и достаточное».

Но вернёмся к временам войны. В блокаду самая большая ценность была – хлеб, хлебные карточки. Маму часто ставили на раздачу хлеба, потому что она очень точно отрезала 125,0 грамм и не воровала. Собирала только крошки. За хлеб, хлебные карточки могли убить. Рассказывали, что как-то раз подросток в очереди за хлебом украл у кого-то карточки, люди заметили и в ярости забили его до смерти.

Мама моя работала в госпитале на разных работах. В её обязанности входило колоть дрова. Кололи вдвоём, одной невозможно, тяжело. И вот, именно в тот день, когда выдали хлебные карточки, мамина напарница опустила колун не на чурку, а на мамину голову. Потеряла равновесие от слабости – так она потом говорила. Мама осталась жива, её тут же госпитализировали, а карточки исчезли. Где исчезли, когда, кто украл – не пойман, не вор. Травма эта аукнулась много позже, в мирной жизни. Тяжко пришлось не только ей, но и всей семье.

В Ленинграде жили мамыны сёстры – Аня и Валя. Тётя Аня работала в том же госпитале, что и мама, техническим секретарём. У неё в блокаду развилась дистрофия, начались маточные кровотечения, и ей провели лечение рентгеновским облучением – выключили яичники. Тётя Аня стала бесплодной, из-за этого так и не вышла замуж. Она мне как-то рассказала, что когда в её жизни появлялся мужчина, она говорила ему о том, что не может иметь детей. И он уходил от неё. Всю силу нерастраченной любви она отдала мне, любимой племяннице. Она мне была как вторая мать, я даже становлюсь похожа на неё с возрастом.

Тётю Валю я никогда не видела – она погибла от взрыва последней бомбы, сброшен

ной на Ленинград. Муж её погиб в бою на Синявинских болотах. А сына взрывной волной ударило головой о стену дома, он умер на месте. Мама говорила, что Валя была её любимой сестрой. Она была портнихой, была умная, добрая и красивая. Мама вспоминала её до конца своих дней.

Мамин брат дядя Коля воевал на «пяточке» – это место под Ленинградом, которое фашисты так и не смогли взять. Я пыталась дядю Колю разговорить – ведь на «пяточке» героем был каждый. Но ничего не могла из него вытянуть. «Мы протянули связь туда» да «Мы протянули связь сюда», «Мы там связь восстановили», «Мы здесь связь восстановили». И никаких эмоций. Защитная реакция, я думаю. Слишком страшно было.

\*\*\*

В 1954 году папе дали 2-х комнатную квартиру в «сталинском» доме, целых 27 метров! Посередине стоял овальный стол, и вся наша родня собиралась за этим столом. Иногда приезжали родные из Москвы и Киева. Приходили друзья военных лет. Мама была царницей – статная красавица, хлебосольная хозяйка. Детей тогда не выгоняли в свою комнату, я сидела вместе со всеми и слушала, о чём говорили взрослые. Говорили о событиях, поступках, мыслях, чувствах. Обсуждали книги и фильмы. Вспоминали войну, друзей – погибших и живых. Вино на столе было, но немного. Самый первый тост всегда «За мир!». 9 Мая – стоя. И конечно, были тосты «За победу!», «За Родину!». Мы гордились нашей страной, выстоявшей в страшной войне, освободившей пол-Европы от коричневой чумы, и теперь была чудесная мирная жизнь.

Дядя Коля замечательно играл на гитаре. И все чудесно пели. Мой дедушка, мамин папа, был когда-то регентом в церковном хоре, все его семеро детей пели в этом хоре. И когда выросли, собираясь вместе, тоже пели на 2-3-4 голоса, в зависимости от того, сколько было поющих.

Одно из моих самых прекрасных детских воспоминаний – вся большая семья за столом, тарелки и рюмки уже пустые, дядя Коля берёт гитару – и все поют. Многоголосие завораживает. Русские романсы, народные песни, песни военных лет – какие слова, какая музыка! Расходились после десяти вечера, чтобы успеть на последний трамвай.

\*\*\*

Жить, учиться, работать в Ленинграде – значит постоянно встречаться с людьми, пережившими блокаду или их детьми. От этих людей я много узнала о блокаде. Как одни помогали друг другу выжить, другие наживались на возможности украсть на работе хлеб и выменять его на ценности – золото, бриллианты, кар-

тины великих художников. Рассказывали, что были мародёры, они приходили в квартиры, где умирающие от голода люди лежали уже и не могли помешать. Что нельзя было ходить по улицам близко к дверям, могли затащить в подъезд и убить – был каннибализм. Маму мою как-то раз мужчина на улице попытался сбить с ног, но она оказалась сильнее, толкнула его, он упал и больше не встал. Умирающие от голода люди теряют человеческий облик.

Я училась в медицинском институте в Ленинграде. Ассистенты кафедры рассказывали, как они работали в блокаду. Как отдавали больным все силы. Были и неприятные моменты, именно они запомнились. Один раз медики украли рыбий жир, они не увидели, что этот рыбий жир с витамином D. Наелись от души. Все умерли.

Ассистент Л. А. С рассказывала, помню, как смертельно уставшие работники палаты новорожденных однажды ночью уснули и не слышали, что плакали дети. А наутро увидели, что крысы объели лица несчастных детей.

Крысы – бич блокадного Ленинграда. В год снятия блокады среди крыс началась эпизоотия брюшного тифа. Брюшной тиф от крыс передаётся людям. Появилась угроза массовой гибели людей от тифа. Химической защиты от крыс нет. И эпидемиологи нашли гениальный выход! В Ленинград привезли 6 вагонов кошек и выпустили их на улицы. Жителям всё объяснили. Сработало! Кошки уничтожили крыс. Город был спасён.

Есть замечательные книги о блокадном Ленинграде. У моей мамы была такая книга. Она перечитывала её иногда и плакала.

Мир – святое слово. Это слово-омоним. Оно означает и отсутствие войны, и вселенную. Миру – мир! Ни один человек не может остаться равнодушным к этому призыву. И 9 Мая, День победы над фашистами – светлый праздник со слезами на глазах, как сказал поэт. Это правда.

07 мая 2022, НАО





С портрета на нас смотрят молодые, красивые люди. Это брат моего деда по линии мамы и его жена. Корепановы Григорий Пигасьевиич и Анна Степановна. Сам снимок был сделан до войны. Такие любимые, милые лица. Нам, родным, очень дорог этот портрет, молча, свято хранящий память и боль.

Фотографию эту племянница Григория Пигасьевиича – Елизавета Ивановна – долгие годы искала и нашла у родственников. Заказала портрет, и он занял достойное место в её доме. А мы в свою очередь с портрета сделали себе несколько снимков. Теперь и в наших семьях стало на одну реликвию больше! На память нашим детям и внукам. И не прервётся связь поколений.

Всё проходит, но след остаётся.  
В сердце, в памяти, в мыслях.  
На фото простом.

Фрагмент жизни, юности. Не повторится такое никогда. Впереди у них были планы и непременно вера в светлое будущее. Эпоха и остановившееся мгновение судьбы.

Григорий Пигасьевиич и Анна Степановна (в девичестве Батманова) оба родом из деревни Нарыга. Затем семья переехала жить в соседнюю деревню – Андег. Работали в колхозе и держали своё хозяйство. Григорий Пигасьевиич в июле 1931 года вступил в комсомол. Был он человеком жизнерадостным и боевым. В колхозе исполнял обязанности счетовода и бухгалтера. Его избирали депутатом сельского совета. По необходимости разные работы выполнял в деревне.

Мирные планы нарушила война. Страшная, кровопролитная, жестокая. В ноябре 1941 года муж Анны Степановны был призван на войну защищать Родину. Воевал он на Карельском фронте, Мурманское направление.

Красноармеец, стрелок Корепанов Григорий Пигасьевиич героически погиб в марте 1943 года. Он посмертно был представлен к награде орденом «Красной Звезды».

Оборвалась жизнь, связующая цепочка продолжения рода. Война стала для всех тяжёлым испытанием. У времени есть своя память – история. Война, без сомнения, – самое ужасное, что может случиться в судьбе человечества, она ломает жизни и планы людей.

Никто калитку стуком не тревожит,  
И глухну я от этой тишины.  
Ты б старше был,  
А я была б моложе.  
Мой милый,  
Если б не было войны.

Печальная песня девушек, жён, вдов, чьи любимые не вернулись с войны.

*Фото из архива семьи*

Лидия Сядейская, п. Красное НАО  
**Мама**

«Мама», – тихо шепчет раненый солдат,  
И от боли в небо он отводит взгляд.  
«Мама», – шепчет снова в огненном бреду.  
«Потерпи, братишка, я к тебе иду», –

Санитарка Галя подползла к нему, –  
Потерпи немножко, дай-ка, обниму».   
И на плащ-палатку положив бойца,  
Рану бинтовала, пот катил с лица.

«Мама», – прошептал он и открыл глаза,  
По щеке мальчишки потекла слеза. –  
Мама, ты откуда, почему ты здесь?»  
Маме улыбнулся, Бог, наверно, есть...

Снова без сознания, снова он в бреду,  
Снова шепчет: «Мама, я к тебе иду...».  
«Потерпи, хороший, потерпи, родной!  
Вот, ещё немного, и пойдёшь домой».

«Мама, где ты мама? Посиди со мной,  
Больно, как же больно..., мама, я живой».

«Мама», – тихо шепчет раненый солдат,  
И огнём смертельным полыхает взгляд.

Нет ни одной семьи, которой не коснулась бы война.

Я хочу рассказать вам о своём прадедушке Пьянкове Степане Андреевиче. Информации, к сожалению, очень мало. Собирала по крупицам. Помогли родственники, также сайты «Мемориал» и «Память народа».

Как началась война, прадедушка был призван на фронт Воткинским РВК, Удмуртской АССР. Весь боевой путь прошёл в составе 160-й стрелковой дивизии. Погиб 5 марта 1943 года при освобождении деревни Алфёрово Смоленской (Калужской области). В годы Великой Отечественной войны деревня была оккупирована гитлеровскими войсками в октябре 1941 года, освобождена в марте 1943 года. В одном из боёв прадед был тяжело ранен. От полученных ранений он умер в полевом госпитале, который располагался в 200 метрах от деревни. Долгие годы он считался без вести пропавшим. Похоронку на него прабабушка так и не получила, хотя по архивным документам есть записи, что она была отправлена. И долгие годы, по словам родственников, она считала, что он жив и обязательно вернётся. Ведь на родине в Удмуртии у него осталась жена Александра Васильевна и пятеро детей, среди которых была моя бабушка.

Спустя годы, в послевоенное время, благодаря группе ребят и учительнице, которые занимались поиском погибших солдат, стало известно место братской могилы, в которой был похоронен вместе с остальными Пьянков Степан Андреевич. В настоящее время прах дедушки покоится в захоронении №12 д. Дубна Смоленской Области Тёмкинское р-на, туда были перезахоронены останки 1074 солдат.

Он был простым солдатом. У него нет почестей и медалей. Но для нас он настоящий герой! Мы помним о нём и гордимся! Прививаем это и детям. На мой взгляд, подрастающему поколению нужно знать и всегда помним о том, какой ценой досталась нам Победа и благодаря кому мы живём.

В память обо всех погибших в Великой Отечественной войне мы вместе с детьми каждый год участвуем в акции «БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК». Для нас это очень важно!

*Фото из архива семьи*

Александр Михайлов. Из книги А. Михайлова «Вехи»

«...Этот день стал для меня новой точкой отсчёта в жизни. Весь отрезок её, от Дня Победы и до предела, отрезок жизни, дарованный судьбою, есть не что иное по содержанию, как оправдание человеком своего избранничества, оправдание счастливого случая, выделившего тебя среди других, чтобы жить, работать, радоваться синем у небу и солнцу, растить детей и внуков».



Марина Филиппова, г. Нарьян-Мар  
**Над полем боя...**

Над полем боя тихо снег кружит.  
Кружит, ложится белым покрывалом.  
А ведь всего лишь пять часов назад  
Земля от взрывов на дыбы вставала.  
От жара боя плавился металл,  
Кричал комбат, дождём звенели пули...  
Окончен бой, идёт тихонько снег,  
Все уцелевшие тревожным сном уснули.  
А тишина звенит, бесшумно кружит снег,  
На спящих лицах от дыханья таёт.  
Во сне солдат уже домой пришёл,  
Жену, детей с улыбкой обнимает.  
А тысячи поверженных бойцов  
Снег белым саваном тихонько укрывает.





Весна 45-го года! Как далека эта дата, и как она близка.

Мой папа Ледков Гаврил Иванович ушел добровольцем на фронт осенью 1943 года. До победы оставалось совсем чуть-чуть, но шли ещё жестокие бои. Кёнингсберг, военный госпиталь, папа ранен.

«Палаты были переполнены, много раненых привозили. Днём и ночью мы слышали залпы орудий, они то стихали, то вновь усиливались. Когда становились громче, мы радовались, это наши бьют», – вспоминал отец.

– За день или два до объявления о разгроме фашистов, в госпитале, помню, была какая-то тишина, только санитарочки бегали туда-сюда. На другой день потом все громче стали разговоры, по коридору люди начали бегать. Вдруг кто-то громко крикнул: «Победа!!!» Кто мог двигаться, соскочили, сразу все на улицу, кричать начали. А раненые и санитарочки плакали, обнимали друг друга. Много слёз и бед принесла война. Как тут не плакать? Некоторые плакали во весь голос, у кого-то семья полностью погибла, у кого-то дети умерли, кто-то без рук и ног, – с горечью вспоминал папа, – и меня такое волнение взяло: передо мной родители мои, тундра, родительский чум, братья и сестры».

Ещё пять с половиной лет длилась разлука с родными.

Часто, глядя на папин портрет, спрашиваю молча: «Как ты смог выжить в этой страшной войне?». Не любил он рассказывать о тех чёрных событиях, затихал, начинал курить. Война – это тяжёлый труд. Знаю, только отвага, смекалка, сила духа и юмор помогали папе пройти все тяготы войны.

И снова 9 мая – День Победы! Портрет отца, фотографии, его голос на записи пленки и «Случайный вальс» – любимая папина песня.

*Фото из семейного архива*

Иван Рочев

\*\*\*

Белою порошей  
Заметает луг,  
О своей хорошей  
Запевае друг.  
На столе в землянке  
Теплится огонь,  
Где-то на полянке  
Плачется гармонь.  
Под шинелью старой  
Задремал солдат...  
Под окном с гитарой  
Довоенных дат...  
За широким лугом  
Затаился враг,  
Мне бы с лучшим другом  
Перейти овраг.  
Поднялись с рассветом  
Да на чистый снег,  
С песней не допетой  
Начал день разбег.  
Русские деревни –  
Чей-то отчий дом,  
Сказочный и древний...  
Ратным всё трудом.  
Пулемётчик с крыши  
Без устатку бьёт,  
Стороной да выше  
Пуля зло поёт.  
Опустился вечер  
На изрытый луг,  
Далеки те встречи,  
Отзовись, мой друг...  
Белою порошей  
Небо над избой –  
О своей хорошей  
Мы споем с тобой...

Александр Огурцов

\*\*\*

Старик пил молча в этот день  
мешая водку со слезами  
о тех кто не пришёл назад  
аллеи славы украшая  
о тех, кто грудью на огонь и  
в штыковую на окопы  
кто рвал зубами вражью бронь  
в огне ура крича до рвоты  
он помнил холод и тоску  
своих позиций в 41-м  
как спирт хлебали на ветру  
что пах атаками и пеплом  
как командир крича вперёд упал  
и кровью захлебнулся  
за сталинград полёгший взвод  
что выла, стонал и не прогнулся  
в его глазах горел Рейхстаг  
рдел алый флаг в свинцовой дали  
ревели танки, шёл десант  
и самолёты небо рвали  
он пил не морщась в этот день  
за всё, за то что отстояли  
и в кулаке его звенел  
серебряный кружок медали

Лариса Грушевская, г. Калининград  
Моя прабабушка



Что вы чувствуете, возлагая цветы 9 мая к мемориалу погибших? Я каждый раз вижу прабабушку, потерявшую на войне мужа и сына. Не знаю, как она справилась, и разделяю частицу горечи утраты каждый раз, когда вспоминаю. Это страшно. Вижу героизм наших прадедов, их смелость, отвагу. Боль войны коснулась каждой семьи.

\*\*\*

Столько лет прошло с детства, а будто как вчера.

Мне 11 лет. Выходной. Забегаю в гастроном, покупаю рогалик за 5 копеек и стакан томатного сока. До чего ж он вкусный, как сейчас бутерброд с красной икрой и бокалом шампанского. Вот мой маленький обряд совершён, быстро допиваю сок и бегу в Дом культуры смотреть фильм. В моём детстве все фильмы были про Великую Отечественную, но самый любимый – «В бой идут одни старики», эти сеансы я старалась не пропускать. В этом фильме я видела дружбу без границ и любовь, настоящую.

Мы хотели быть героями, чтобы соответствовать победам наших дедов. Не ныли. До сих пор сталкиваясь с тяжёлыми жизненными ситуациями, смело иду «в бой», не давая шанса сомнениям и страхам. Мы, дети 80-х, уважали старшее поколение, на плечи которого выпало страшное бремя войны, потерь, горя и разбитых сердец. И какая бы вредная ни встретила в автобусе бабулька – уступали место.

\*\*\*

Я выросла. Гордо несла звание педагога по вокалу. Мои девочки, мои ученицы – мы учились друг у друга. Одна история связана с Днём Победы. Нас пригласили принять участие в концерте, посвященном этому дню. Я всегда с трепетом подходила к майской программе: песни, интеграция, танец. И в этот раз вроде

всё хорошо, но программа никак не шла. Для девчонок это были просто песни, я не видела осознанности того, что они поют, как это передают. Следующий урок я провела без песен. Мы говорили. Я принесла много историй о войне, старалась пробудить чувства, искренние, настоящие, хоть немного пережить боль войны и радость мирного времени. В конце занятия мы все по-девчачьи плакали.

Во время нашего выступления что-то в зале произошло между детьми-зрителями, начался шум и смех. Но мои девочки продолжали петь, проникновенно передавая смысл каждого слова. В конце концов в зале всё стихло. И в полном молчании звучала наша песня.

Я была удивлена. После выступления, похвалив девочек, спросила, как они сумели выстоять, не смутиться, не отвлечься, не рассмеяться? Они молча показали свои исцарапанные запястья и сказали: «Мы были должны. Мы хотели, чтобы они тоже поняли, кому обязаны мирной жизнью».

*Фото из семейного архива*

Татьяна Вепрева, г. Нарьян-Мар  
Деду за Победу!

За Победу я бы деду  
Подарила облака,  
Чтоб военных самолётов  
Не увидели глаза.

За Победу я бы деду  
Подарила поле трав,  
Чтобы не было воронок,  
Чтобы не было застав.

За Победу я бы деду  
Подарила синь озера,  
Чтобы гладью голубой  
Любовался деда взор.

За Победу я бы деду  
Подарила пенье птиц.  
Понимая, невозможно  
Прошлых вычеркнуть страниц.

За Победу я бы деду  
Подарила свет луны,  
Чтобы ночи от гитарной  
Только плакали струны.

За Победу я бы деду  
Подарила блеск огня,  
Чтоб горел в сердцах он наших,  
Подвиг помня и ценя.

*Посвящаю Вепреву Николаю  
Александровичу, 12.12.1925 г.р.,  
участнику Великой Отечественной войны,  
моему деду*



## Картинки разные пишу...

### Александр Макаренко

В октябре 2021 года в Этнокультурном центре НАО гостил Александр Макаренко, российский бард, член жюри знаменитого Грушинского фестиваля, художник, писатель, поэт, журналист.

«Живу, люблю, пою, дышу, картинки разные пишу...» – так просто характеризовал себя герой встречи, и такую же дружескую и доверительную атмосферу он создал. Говорил немного, больше пел. В кратких предисловиях к песням рассказывал истории их создания. Философский пароход, Великая Отечественная война, ГУЛАГ, Николай Тuroверов, Анна Баркова, Юрий Трунин, Юрий Визбор, Борис Васильев – эти и другие, несчаст-



то звучащие у нас понятия и имена жадно ловились слушателями, принимались в тишине и раздумьях. С сердечной теплотой считывали «пунктирные» предложения о родных местах, маме, сыне. Как напутственно звучали строки: «...Милый сын, иногда вспоминай тот родник, из которого черпаешь жизнь и не ведаешь дна...!»! Несчасты встречи, подобные этой, много в них мыслей и смысла, богаты впечатления, которые ты потом несёшь домой и продолжаешь долго обдумывать...

#### Медальон

Тишина не обрушилась. Она наступила. Неожиданно. Вдруг. В плотное кольцо своё ввинтила маленький клочок весны. Даже дождь перестал накрапывать. Замер в воздухе. Да и земля, наверняка, на мгновение остановилась. Время не бежит песчинками по колбам часов, не стрекочет стрелками по циферблатам, не льётся водой на мельничные колёса. Жернова замерли. Онемели. Вселенная сжалась, скукожилась, задохнулась.

Вся прошлая жизнь рассыпалась, распалась, как створки старой, высохшей раковины. Кончилась. Так кончаются рельсы у моря. Позади, кажется, – всего-ничего, впереди неизвестность. Вода до самого горизонта и берег где-то – в невидимом далёком далеке. Именно теперь это случилось – в этой грязной, ржавой, словно старые веревки, спутанной траве. В хлюпающем под ногами суглинке. В художничьем, болезненном леске. Среди раненых дубов, лип, в сером, волглом ольшанике. Рядом с проржавевшим остовом того, что когда-то называлось машиной. Куски рамы и передка выдавали в этом изъеденном временем динозавре признаки некогда надёжной полуторки. И здесь же рядышком – траншея, которую

Толик рыл усердно. Размеренно втыкал штык лопаты в маслянистую, скользкую, тяжёлую, словно свинцом налитую почву. Всегда помнил наказ отца: «Не спеши, если работа предстоит долгая, нужно распределить силы на всю стайерскую дистанцию». В какой-то момент он начал уставать. Сделал маленький перекур. На полсигареты. Не заметил, как докурил её почти до самых пальцев.

Нынешний год тяжеловат для подобных изысканий. Дожди заполнили канавы, впитались в грунт. Здесь, в средней полосе, трудно стало отваливать куски мокрой почвы от тела земного. Поначалу они ладно выпрастывались на поверхность. Но с каждой минутой становились всё тяжелее. Иногда казались неподъёмными. Но там, в глубине, щуп наткнулся на какую-то преграду. По характеру – возможно останки человека. Значит, копать необходимо. Как сказано в старой поговорке, что недавно обронил бородатый дядька в телевизоре: «Плывать по морю необходимо, жить не так уж необходимо». Кажется, так и сказал. Толику копать было необходимо. Он уже не первый год тратил время своего законного отпуска на подобные поисковые предприятия. Что-то колдобило внутри, не давало спокойно сидеть дома. Но что? Разобраться не мог. Его тянуло

сюда – в изрытые почти умершими траншеями, капонирами и ячейками леса и перелески, в места, где не так давно металл заполнял все поры. Он вместо зёрен падал во вспаханную снарядами и траками танков вскрытую грудь земли. Но, в отличие от ржи или пшеницы, свинец и сталь не давали всходов. Они заполняли трещины, ямки, воронки кровью, мёртвыми телами людей, осколками и скелетами машин. Земля плакала, стонала, собирала убитых и прятала под зелёным пологом дёрна. Металл нёс смерть.

Толик бросил окурок под ноги. Снова взялся за лопату. В правой ладони почувствовал горячую боль.

– Надо же, мозоль. Ну, ничего, осталось совсем... маленько, – шепнул сам себе.

Это не первая траншея в нынешней экспедиции. Все предыдущие оказались привычной рутинной и, казалось бы, пустой работой. Но отсутствие результата – тоже результат. Это успокаивало и давало силы снова вгрызаться в дёрн. А вечером хотелось лишь умыться, отвернуть полог палатки, упасть, забыться. Получалось ненадолго – даже во сне продолжали мелькать перед глазами куски глины, камешки, трава, кусок гранатной рубашки, каска с громадной дырой, патроны. Сны казались почти одинаковыми, надоедливыми. А нутро желало отдохновения. Хотелось, как совсем недавно, когда тепло подступило к городам, побродить с пацанами по пыльным улицам городка, где вдоль дорог тополя похожи больше на толстых уродцев, чем на деревья. Веток на них минимум. Зеленхоз постарался. «Парикмахеры природы». Вот бы сейчас безмятежно, бесцельно потянуть время до вечера. Забраться с ногами на лавочку в сквере напротив памятника Ильичу. Попить пивка. Взрослые? Мало кто обращает внимание теперь на пивную молодежь. Времена изменились. Понятия «можно» и «нельзя» имеют иную полярность. Даже честность нынче перекрасилась. Стало всё больше возникать двоякости в толкованиях о том, о чём можно запросто толковать двояко. И уже большей части народонаселения глубоко плевать на то, чем рвал душу Маяковский в своём «Крошка сын пришёл к отцу и спросила Кроха...». А ведь стихотворение когда-то с малых ногтей держало в узде многих бедовых мальчишек. Это воспринимается по большей части с ухмылкой или усмешкой. О советском паспорте, который в широких штанинах прячется, вообще поминать не сильно принято. Паспорт иной теперь, а высший пилотаж нынче – наличие в нём шенгена. Когда ж придёт вечер, лучше вгрызться в экран телека с очередным сериалом про потустороннее или вольготную жизнь сверстников. Можно просто посидеть за игрушкой у компа. Отчего же нет? Время и утечёт. А там сон, утро, школа, последний класс – и никаких мыслей о будущем. На кого

хочется походить? Да на себя самого. Кем хочется стать? С собой, богатым, успешным, легко усвояющим всякие приятности нашего бытия. Что ещё надо человеку? Тёплый дом, безбедная старость, уютный диван, удобное кресло, чтобы никто не ныл над душой...

И вот теперь не железка, не кусок нагана или штык трехлинейки заставили его напрячься, собраться в комок. Толик пропустил сквозь пальцы грязную кашу – добрался до слоя начала войны. Плотная сероватая жижа протекла, плюхнулась обратно в мутную лужицу под ногами. Словно всхлинула. В ладони остался маленький эбонитовый цилиндр. Поверить в удачу так запросто и сразу он не мог. Мечта поисковиков – целый, без трещин и сколов, с запиской внутри медальон.

Толик вонзил лопату в месиво на поверхности ямы. Выбрался наверх. Вытер руки о траву, затем тиранил о брюки. Потом таким же образом стал надирать находку. Внимательно пригляделся. Смертный медальон, казалось, кричал: «Открой! Отвори меня! Выпусти в небо имя, спрятанное в моём теле!» Но парень не торопился. Он знал: содержимое можно повредить. Он помнил: многие солдаты не заполняли бланки, скрученные в этих капсулах. Кто-то породил приметку: «Напишешь – тут же убьют». Потому не спешили оставлять на бумаге имена, фамилии, отчества, адреса родных. Целёхонек. Значит, там должна сохраниться записка. Не размокшая. Не испорченная. Только бы заполнена была!

– Ребята, я к командиру, – сказал парням, которые аккуратно взрывали землю лопатами, и шагнул в сторону штабной палатки...

Толик бежал. Не чувствовал, что спешит. Казалось, наоборот, идёт размеренно, с достоинством. А внутри, в этой крошечной эбонитовой капсуле лежала нераскрытая тайна. Имя, фамилия, родственники, ожидание, жизнь, память. Она через несколько мгновений вспыхнет, сообщит свету имя или снова обречённо произнесёт: «Неизвестный солдат».

На пути парня возникла иностранная журналистка. Она ещё утром приехала в лагерь и принялась за расспросы, которые назвала сбором материалов. По-русски она говорила весьма сносно, потому переводчик был ни к чему. Она вежливо попросила Толика остановиться и ответить на один-единственный вопрос:

– Скажите, вам не жалко времени, которое вы могли бы провести где-нибудь на берегу моря или на отдыхе, сил, которые тратите на то, чтобы ковыряться в этой грязи, в этом кошмаре?

Толик остановился. Удивлённо глянул на дамочку в джинсах, какой-то «газетной» рубашке, поверх которой наброшено что-то вроде пончо, на кроссовки «крутой» фирмы и спокойно ответил:

– Это для вас грязь, ужас и кошмар, а для



нас — родная земля...

Колпачок медальона командир отряда с экспертом отвинчивали невероятно легко, но до невозможности долго! Так в кино порой показывают смерть: бег человека замедляется, возвращаются деревья, небо замирает, только потом наступает неизвестность, чернота, по которой порой ползут белые титры. За короткое время, говорят, перед глазами проходит вся жизнь. Вспышками. Яркими штрихами. Пятнами. И записка читалась так, словно была размыта водами времени, потёрта наждачкой земли, — тяжко, по слогам. Разграфлённый казённый, пожелтевший листок напоминал скрученный пергамент. Сухая, словно старая кожа, бумага, на ней несколько витиеватые, но с признаками строгости характера карандашные буквы: Мо-исе-ен-ков Дмит-рий Иванович, родился в 1919 году, призван...

В уши вонзилась тишина. Букв не разобрать — плывут. Толик понял: его вчерашнего больше нет. Мир передернуло. Земля снова начала набирать обороты. В горле кровь густыми, точными толчками бьёт: «Дед»...

2008–2019 гг.

### Сад дядьки Игната

*Оле Лазаревой (Котяткиной), её родителям и детям.*

Сорока упала камнем из ниоткуда. У самого дерева распахнула крылья и хвост. Затормозила. Схватила лапами за ветку. Выровнялась. Зафиксировалась. И заорала, будто режут ее. Поблажила пару минут. Примолкла. Бокон подобралась к алому яблоку. Их, кстати, осталось гораздо больше, чем листьев. Листья ветер разнёс, поразбросал по растревоженной плугом земле. Под стволом, естественно, их было больше. Тоже вперемешку с яблоками. Как на ветках. Некоторые беспомощные, не собранные хозяйской рукой фрукты вяло обнажали коричневое нутро, подолбанное шепутными воробьями, нерасторопными воронами, крикуньями с белыми боками. Плоды на деревьях выглядели несколько привлекательнее. Но если случайный прохожий срывал яблоко — другое и вгрызался в его блестящую бочину, то тут же отбрасывал его. Со злобой отплевывался. Вытирал рукавом горькую слюну с губ. Из кармана доставал второе яблоко. Подбрасывал. Вратарски поддавал ногой. Лишь бы летело подальше.

...Сад некогда цвёл ароматно. Не менее ароматно созревал. За деревьями ухаживал не один сторож, одорукий ветеран войны Игнат. Много ли сделает он своей одной левой? Приходили школьники. Колхозники. Обкапывали вовремя почву у корней. Белили стволы. Удобрляли. Игнат, насколько мог успеть, обрезал сухие ветки, спиливал больные сучья. Мешал глину с коровяком — замазывал места спилов. К осени ветви сгибались под тяжестью

урожая чуть не до земли. Игнат шёл в недалекий лес. Рубил рогадины. Увязывал их. Волок к саду. Подпирал ветки и снова шёл в лес. Не жаловал ветеран шалопаев юных — любителей дармовых яблок. Те не особо норовили в его угоды. Знали, если поймает — выпорет. Да не ремень из штанов вытащит — лозину возьмёт. А лозина почище вожжей отцовских. Однако если приходили и просили детишки честно: «Дядька Игнат, можно яблочком побаловаться?» — не отказывал. Сам снимал аккуратно прозрачный, золотистый белый налив или зеленую медовку. Вручал юному просителю почти торжественно.

Шло время.

Старел Игнат вместе со своим садом. Лицо сморщивалось, словно кора. Рука слабела. Токмо всё равно — умудрялся самокруточку ловко сворачивать. Сядет под любимое дерево. Погладит его по шероховатой «коже». Вздохнёт грустно. Небо отразится в глазах — аж не по себе от чистоты цвета! Достанет дядька из кармана портсигар с надписью «Воину Красной Армии». Положит на ногу. Раскроет. Щепотью насыплет самосад на обрывок газеты. Через миг уже заклеит боковину самокруточки слюной. Зажмёт курило в зубах, а портсигар опустит назад — в карман. Оттуда извлечёт зажигалочку — подарок председателя колхоза. Чиркнет кремнем. Фитилёк займётся. Затянется Игнат пошибче — потечет в небо волшебный дымок. Закружит в высоте. Человек же на землю опустится. Обопрётся о ствол спиной. Замрёт. Вспомнит что? Может быть. Может, невесту свою, которая замуж за него не вышла? Аккурат вернулся в июне сорок пятого домой одорукий ветеран. Жестоко она тогда маханула его. Больно.

— Что ж, ждала. Ну, как не поймешь, не одной любовью люди сыты. Разве ты заработаешь теперь что? Покалеченный колхозник разве нужен кому? А иждивенец мне ни к чему...

Не сложилось. Не вышло. Главное — он решительно не желал ходить в иждивенцах. Сам себя кормил-поил. Рука-то сильная. Колоть дрова, пилить — не трудно. Даже косить приладил. Одно только — с той поры баб чурался, как тот рогатый ладана. Обособился. Замкнулся. Пару раз отвечал положительно на приглашение соседей прийти на свадьбу. В конечном итоге — напивался до жути невероятной. От взглядов чужих — жалостных. От ненужности собственной. От одиночества. А водку душа принимала нехорошо. Наутро мутило. Выворачивало до самой селезенки. Болел по нескольку дней. После второй попытки забыться в зелёном угаре решил «завязать». И, не чета многим, смог. Сумел. Ододел.

Председатель, видя бобыльство и неприкаянность Игната, предложил ему должность смотрителя сада:

— Ты человек надёжный. Характера сильно-го. Уверен — справишься. Деньги небольшие,

ну да что-нибудь придумаем. Воевал сам. Знаю, — добавил понимающе.

И премию выписывал иногда. Когда — трудными. Позже — деньгами. Правда, в хате Игнатовой от наличия денег обстановки особо не прибавлялось. Считать в чужом кармане гроши совестно.

... А может, войну вспоминал? Как в атаку со страхом в печени летел? Ничего не понимал. Сдавленное «ура!» — и всё. Словно во сне вылезал через бруствер и пёр. Огонёк солнечный на конце штыка красным горел. Его видел. Ничего больше. Да врага в мышиной форме... Бомбёжки. По первости от страха пришлось рухнуть в лужу. Чтобы товарищи мокрых между ног штанов не узрели. Говорят, на войне часто, почти с каждым такое случается без привычки. Так то ж говорят... Позже обывок. Снаряжал магазины карабинные под обстрелом, сидя в окопе, спокойно. Даже делово. Удивлялся размеренности собственной. Но вперёд всегда бежал со страхом в печени и жутчайшим ожесточением в желудке. Понимал — убивать нужно первым. Вторые в этой «работе» не выживают. Наверное, ещё помнил того немца. Точнее, его штык-нож, хруст собственных жил, боль жгучую, санбат, где очнувшись с ощущением неловкости. Будто не хватало чего. Не было уже руки...

Он никогда не вёл бесед о войне. Сколько ни приглашали в школу, на пионерские разные сборы — отказывался. Отнекивался правдами и кривдами. И если детвора его в добром расположении духа заставляла, просила: «Дядька Игнат, расскажи, как немца бил. Боевой эпизод какой...», — его передёргивало. Улыбка мгновенно спадала с лица: «Это, хлопцы, не дело. Не надо вам. Страшно это». Лез в карман за портсигаром и молча, сосредоточенно, сузив глаза, курил. Ребяшня расходилась. Понимала — разговора не предвидится. Игнат вставал со скамьи — «обойти дозором владения свои». Останавливался в укромном уголке. Замирал. Подолгу стоял. В себя, что ли, вглядывался? В цветущий на краю сада лен?

Он так и умер на излете седьмого десятка, в преддверии перемен. Сел под яблоней в пору созревания плодов. Урожай предстоял небывалый. Целый день и ночь просидел в последнем своём дозоре. К обеду прибежали мальчишки. Увидели недвижимого деда. Обмерли. За плечо тронули. Не шелохнулся он. Не моргнул. У ног портсигар отсвечивал пустотой. Выдуло ветром самосад. Разнесло по саду. С воплями ринулись мальцы в контору к председателю.

Проводить Игната вышло всё село. Проводить одинокого. Проводить неприкаянного. Проводить... Председатель выхлопотал у военных почётный караул и салют. Впереди шли школьники с алыми подушечками, на которых мирно покоились военные награды. Только теперь узнали односельчане о подвигах сер-

жанта Игната Матвеева...

Нового зрителя не нашли. За десять лет сад сдал. Захирел. Ссутулился. Одичал. То ли по лености, то ли из уважения к памяти дядьки Игната местные яблок не рвали. А, проходя мимо, всегда с печальным вздохом роняли:

— Здравствуй, сад дядьки Игната...

Пройдёт много лет. Сад умрёт без пригляда. Да и сейчас он уже не тот. Яблони порежут на дрова. Вместо льна рядом, на поле, будет шуметь овёс или рожь. И только в лунные ночи будет казаться, что сад ещё жив. Шумит листвою. И на призрачных деревьях вызревают чудные яблоки. И стоит пройти по саду, непременно — пройти внутри, от дерева к дереву, чтобы где-то под белым наливом увидеть дядьку Игната. Он так же спокойно сидит в своём послевоенном пиджачке, наброшенном на плечи...

— Здравствуй, дядька Игнат! — шепнуть ему.

Он услышит. Встанет пружинисто. Молодцевато. Протянет прозрачную, словно восковую руку. Вымолвит:

— Здравствуй, мил человек. Табачку не найдется? А то мой, на беду, весь ветром выдуло.

### Васька

I.

День выдался обычный. В своём абсолюте. В привычной утренней овсянке. Чае после неё. В банальной чистке зубов. Причёсывании. Уходе на работу. В щелчке за спиной английского замка. Он отделил меня сегодняшнего от вчера. Ото дня, в который пришлось вернуться из привычной командировки. Раньше мне по душе было — лечь спать в одном городе, а проснуться уже в другом. В том, в который никогда раньше не попадал. Или в том, в котором знакомы щербины на асфальте улицы Ленина, а то и деревья на набережной с бронзовым Пушкиным или Бунным. Мотание по стране. По душе они были раньше. Не теперь. Теперь стал уставать. То ли от суеты вокзальной. То ли от перестука колёс на стыках рельсовых. То ли от бегущей за окном природы. Потому, как только приехал, позвонил. Первым делом — на работу. Испросил отгул за недавний «прогул». Получил утвердительный ответ и уснул до полудня. Позже, когда проснулся, пил чай. Дремал под аккомпанемент телевизора. Снова ставил на плиту чайник и ждал, пока из его малинового нутра голос воды выдаст призывный свисток. «Всё когда-то кончается», — выпалил кто-то умный, в чём несомненно оказался прав. День отдохновения остался позади. Там, за дверью с глазком и эротически настроенным язычком английского замка...

Улица отдавала весной. Ночным дождём. Неспешным приходом соседа в мокрой кожанке за полбуханкой хлеба. В «ночной» бегать далеко, а дверь соседа рядом. Одолжить можно.



– Я пытался успеть в магазин, что на углу... – оправдывался сосед. С мокрых волос текло. Вид непрезентабельный, надо сказать. Но помощь человеку оказать надобно непременно. Сам в подобную ситуацию попадал не раз.

– Вы войдите, что на пороге стоять? Мы же не в Америке, где у соседей совершенно не принято одалживать хлеб или спички.

Он неловко вдвинулся в узкую прихожую. Шмыгнул мальчишески носом. Я тем временем отрезал ломоть и отдал. Сосед благодарно кивнул. Ещё раз оправдался и суетно исчез в своей двери справа от лестницы (если подниматься снизу, а если спускаться, наоборот – слева от лестничного пролёта находится его обитая рейкой дверь).

Приход соседа тоже остался во вчера.

Я влился в знакомый поток отстранённых людей. Главное – попасть, что называется, «в струю». Дальше любая кривая вывезет в нужную точку. Можно глаза закрыть и поплыть по течению. Вывезло как раз к дому с колоннами. К привычному сержанту милиции на входе. К коричневой двери лифта. (Его соорудили спешным порядком к приезду начальства. Оттого, наверное, коробка с людьми постоянно зависала между этажами. Народ называет это «законом подлости».) К кабинету с собственной и ещё тремя фамилиями. К столу, в котором не хватает половины ящиков. В тех, что в наличии, – достаточно бумаги. В основном – черновики, которые жалко выбросить. На стене акварель приятельницы с несколько разнузданной по смыслу надписью: «Гению общения – заполучи-ка оттепель». На другой стене – пивной календарь. В нём каждый день «красный», ибо пиво пить нужно ежедневно. Но в меру. А повод? Ровно триста шестьдесят пять поводов в году! Правда, может быть, больше. Это с какой стороны посмотреть. Как посмотреть на количество и качество дней.

Порылся в столе. Нашёл несколько чистых листов бумаги. Взял ручку. Начали прибывать коллеги. Выдержал анекдоты, здравицы и новости. Одарил анекдотом на злобу дня – о борьбе с наркомафией, наркоманией и наркозависимостью. Каким? Простым и немного скучным: «Ватсон вопрошает Холмса:

– Сэр, неужели вы в самом деле видели собаку Баскервилей и остались целы?

– Ватсон, выкурите мою трубку – не то увидите...».

Поржали.

Закрыв глаза. Вдохнул побольше воздуха. Замер. Собрался. Так с закрытыми глазами и вывел на листе совсем нежурналистским почерком совершенно нежурналистский заголовок вместо отчётного о командировке материала: «Васька».

II.

Ему, казалось, наплевать если не на всё, то на многое. Только притом слово, данное са-

мому распоследнему забудьте деревенскому или приезжему, непременно держал.

– Ить нельзя по-другому. Таким боком человека под монастырь подведёшь. Он те лишний раз налить не соизвоит. На опохмел не выделит скромной копеечки. А она, копеечка эта, с больной головы так нужна бывает! Душа много чего не понимает, ноет. Слезами от боли и гнева на себя самого заливаётся. Да еще не выручит никто. Не наказание грядет, казнь натуральная. Не-е. Нельзя, чтоб обещанного не сделать. Ить ни в коем разе нельзя, – делился он при благом расположении духа. И продолжал, если слушатель попадался благодарный:

– Моя вот бывшая супруга агрессором величала меня. Какой из меня агрессор? Глянь, – Васька улыбался. Щербатый рот его заставлял невольно улыбнуться и собеседника, – мухобойку в руки взять и то жалостно. Или червяка земляного располовинишь случаем – сердце ёкает. Он же – тварь бессловесная, безмозглая. Под штык попал и – нате вам. Говорят, правда, оне не гибнут сразу. Генерировают. Мол, из двух ошметков, два новых получается представителя. Мне чепуховина эта неведома. Непонятна даже. Хотя – учёным видней, – в руках мужика возникала газета. Он отрывал кусок. Скручивал козью ножку. Укладывал торжественно ногу на ногу. Проверял пальцами – застёгнута ли самая верхняя пуговица рубахи. Сдвигал кепку на затылок. На манер дембельской фуражки получалось. Вопросил невозмутимо: – Какой я к хренам агрессор отсюда? Моя говорила, что пьющий больно. Так у нас председатель один – из малопьющих. На то причина у него имеется. Язвенная болезнь. А вот остальной народ употребляет поголовно. Через спиртное Варюха моя и пошла к мамане своей жить. Моей, значит, теще. На старое, так сказать, постоянное место проживания согласно прописке. – Васька затягивается дымком. Самокруточка кончается. В траву бросает чинарик. От него поднимается малая струйка дыма и обрывается. Вздыхает Васька горестно: – С той поры один. Как перст один. Ей-ей! Не веришь? Тока и заботы – кому помощь оказать. Где за магарыч, где за денги или еду какую выходит. Думается, однако, где-нить в одночасье напьюсь, наемся досыта и помру, – кидался он в философские размышления, – токо чтоб никому не мешать. Главное – заранее знать о предстоящей смертушке. Чтоб не наобещать ничего кому. Не то на тот свет приду, а обещание останется по эту сторону жизни. Нехорошо. Непорядок. Да-а... Счас я к художнику двину стопы свои. Он у нас в Никитинках недавно домик обустроил. Чудесный такой домик. Со вкусом. Понятие человек имеет о красоте. Важно это. Надобно ему с дверью помочь. Один не осилит работы. Тяжесть, опять же, ему подымать несподручно. Руки дрожать станут. Картины как рисовать будет? То-то! Понятие человек имеет большое.

Васька пожимал на прощание руку собеседнику узловатой своей лапищей. Приподнимал кепку за козырек – лишь кое-где в деревнях обычай такой ещё не умер. Разворачивался и шёл широким матросским шагом. По колее пыльной как по палубе ступал. И ни разу ни одна собака не облаяла его, ни один гусь не зашипел в его сторону, ни один индюк не заклокотал, и даже самые задиристые петухи с уважением глядели на основательного, проспиритованного мужика. То ли он слово какое знал? То ли наговор. То ли безобидную душу «агрессора» чуяли звери и птицы?

III.

Собаку Васька завёл прошлым летом. Что значит – завёл? Приблудился мохнатый щенок к халупе одинокого мужика. Наверное, бросил кто. Теперь уж не узнать. А он на крыльце улётся, пригрелся на июньском солнышке, уснул. Вернулся хозяин домой. Ба! Псица его дожидается. Взял на руки зверюгу. Расцеловал в морду. В дом внёс. Кое-как выходил пса. Опять же – художник молоком помог. И Васька некоторое время не пил. Приговаривал:

– Ежели в запое буду, кто бедолагу-сиротинушку накормит? Придется повременить с горькой.

Пёс платил человеку невероятной лаской. О преданности и говорить нечего. И назвал собаку русский мужик что ни на есть американским именем – Джек.

К зиме пёс окреп. Васька словно дожидался этого. С первым снегом снова бросился в тяжкое. По три-четыре дня ночевал, где придется. Джек вопил в хате от голода и тоски. Но пуще от страха, что его снова бросили на произвол судьбы. Приласкали, приголубили, приучили и бросили. Художник, на эту картину глядя, разразился гневом с применением кое-где матерных слов:

– Разве можно изгаляться над псом так? Смотри, миска совсем сухая. Даже капли воды не осталось. Пить он хочет. Есть. Ты хоть понимаешь это? Что делаешь? Лучше бы отпустил на все четыре стороны, коли содержишь не в силах тырь бессловесную. Или, в конце концов, с собой его бери, Васька! Какая-никакая, а еда перепадёт не только тебе, но и Джеку, не придётся нервы свои изводить и желудок...

И Васька устыдился.

Раз один выслушал умного человека. Не вынесло сердце матерных слов из художниковых уст. Вместе везде появляться стали Васька и Джек. Ежели надолго уходили, воротясь, находили на дверь привешенный мешочек с хлебом и нехитрой едой для Васьки. В миске у порога – еда Джеку. Художник приносил. От такой заботы у Васьки всегда в зобу спирало. Слезы клокотали в глотке.

IV.

В воскресенье помогал мужик художнику.

Аккурат в январский последний день. Стемнело, как водится, быстро. Не успели дело сделать засветло. Сговорились завтра закончить. В понедельник у Васьки как раз выходной выпадал. Но обязательный человек не появился. Не пришёл Васька и во вторник. В среду с утра взволнованный художник двинул к халупе под соломенной крышей. Красноречиво замок сообщил об очередном возможном запое хозяина дома. Джек не подавал голоса.

– Ладно, хоть вместе ушли, – выдохнул вместе с паром в морозную синеву. Развернулся и медленно вернулся к себе. К вечеру снова стоял у знакомого крыльца. Как опытный охотник определил: не натоптано. Нет, стало быть, хозяина. Пристроил на косяк еду в мешочке – чтобы мыши не добрались в случае долгой Васькиной неявки. В миску аккуратно сложил сахарные косточки с кусочками мяса, накрыл её второй миской. Приложил камнем. Обезопасил тем самым от бродячих зверюг и мышей. Потоптался на крыльце. Выкурил сигарету. Вздохнул тяжело и ушёл.

Часов около девяти появился председатель на своём грохочущем «уазике». Ввалился к художнику после короткого (так конкретно издаёт звук исключительно начальство) стука:

– Фёдорыч, ты, часом, Ваську не видал.

– В воскресенье последний раз. Обещал прийти в понедельник, лавку доделать помочь. А всё не появляется. Я уж и к дому дважды наведывался. Тихо.

– Вот и на работе нет, – растерянно обронил председатель. Поскольку зимой на базе отдыха, где Васька числится в почётных сторожах, народу негусто – нужда в «хранителе сокровищ» была нечастой. Потому большую часть его жизни составляло «свободное от основной работы время». Председатель болезненно поморщился – стянул с усов сосульку, проронил:

– Где его носит? Два дня жду.

– Надо в округе поспрашивать. Про свадьбы. Про похороны. Где выпивка случилась, там и Ваську надо искать. Куда ему деться? – вслух подумал художник.

Председатель устало присел на лавку у стены. Снял шапку. Смахнул со лба испарину:

– Кажись, недалеко от Мамошек в воскресенье парня нашли. В пятницу он с невестой поцапался. Да ладно так. Смачно. Посуди сам, Фёдорыч, кто нынче за механизатора замуж пойдёт? Ни зарплаты, ни, соответственно, достатка, а с утра дотемна в поле, знай баранку крути. Ещё вдобавок и жизнь не заладилась личная. Психанул парень. В сердцах бросил: «Надоели вы мне все! Пойду лучше напьюсь и удавлюсь к хренам!» Никто, сам понимаешь, к этому бреду серьёзно не отнёсся. А парень, вправду, пошёл домой. Допил самогон, что в бутылке оставался. Оттуда – к лесу. Приладил верёвку к суку и удавился. В понедельник схоронили, – голос председателя надломился. Казалось, он так и не поверил в нелепую смерть



двадцатилетнего парня.

– Да, – печально выдохнул Фёдорыч.

– Так может утречком заеду к тебе? Заглянем к Ваське. Коли не будет его, в Мамошки двинем. Там спросим.

На том и порешили.

Утром еда на крыльце холостяцкого дома оставалась нетронутой. Мыши умудрились в мешочке, что у притолоки, прогрызть дырку. Хлеб мёрзлый попортили. Следов на крыльце никаких.

Решили ехать. Дорога в пятнадцать вёрст показала бесконечной. Рывтина на колдобине. Как не вспомнить Гоголя с его «направлениями» вместо дорог российских? В деревне не мог народ очухаться от смерти механизатора. Девку-отказницу кляли и крыли матюгами. Она забила в свой дом. Заперлась на все запоры, не выглядывала даже. Мамошки гудели утробно. Запах перегара витал над единственной улицей. Про Ваську мало кто помнил. Вроде видели. А может, и нет. Вездесущая же старушка Анисья утвердительно прощбетала беззубым ртом:

– Был. Был на помине. Как же не быть? Без него ни свадьба, ни похороны не могут состояться. Оно, конечно, пьяный был, что естественно и характерно. Разве упустит Васька такой момент? А куда делся? Не скажу... Потому как – не знаю.

Ёкнуло у художника внутри после таких слов. Под ложечкой засосало. Спросил, где местного механизатора схоронили. Узнал, где удавился. И рванул, подтолкнув председателя, бегом по насту. К кладбищу сперва. Не обнаружили никого. Припустили к лесу.

Мамошкинские смотрели вслед. Поначалу крутили пальцами у висков. Позже, когда трезветь стали, двинулись следом.

Метрах в десяти от злополучного дуба поблескивал на солнце неловкий бугорок. Неуклюжий какой-то. Неправильный по форме своей и содержанию. Снежок сбросили. Не толстый слой успел образоваться. Под ним лежал Васька в обнимку с Джеком. Уснули. Согрелись. Навсегда...

V.

– Сколько бы я мог написать, если бы владел такой премудростью, как слово? – Фёдорыч сидел за столом в Доме художника. В полуденном луче солнца казалось – вокруг головы светит нимб. Руки подрагивают. Лицо изборождено морщинами.

«Сколько ему? Пятьдесят пять? Шестидесят? – сам себе задаю вопрос и затрудняюсь ответить. Собираюсь с силами – внутренне сам себе выдаю: Какая разница? Суть не в этом...»

А он продолжает:

– Самое странное – как бы Васька пьян ни был, матом ругался поменьше моего. Гораздо реже. Скорее даже не ругался, – он взял кофейную чашку. Отпил уже холодный напиток.

Слегка звякнул, возвращая чашку на блюдце. Опёрся локтем на спинку стула. – И когда его в последний раз помыли, побрили местные бабы, вышло, что очень он человек красивый. На похороны приехал директор завода. Ему Васька помогал здорово в дачные времена. Руки-то, поди, золотые. Иначе как «друг мой» не называл городской уважаемый житель пропитого деревенского мужика. Оно-то понятно – где-то в глубине души льстил намеренно, но уважал. Директор привёз закуски разные, выпивку. Самое главное – красивый костюм. Вот бы при жизни Ваське такой... А машины приличной в колхозе, отвезти покойного на кладбище, не нашли. Трактор прислали. Водила спьяну даже навоз с бортов не смог счистить, – задыхнулся возмущённо художник. – Председатель его прилюдно так «умыл» – хмель улетучился ровно вполовину. Поднатужился водитель, кое-что сгреб, содрал с бортов. Конечно, не дочиста. Знаешь, когда везли Ваську, я снизу глянул – озноб пробил! Такой красивый профиль настоящего мужика на фоне высоченного февральского неба!

Сами поминки меня тоже потрясли. Я ведь неместный. У нас всё более степенно на Северах делается. Потрясло, что, когда могилу засыпали и холмик аккуратно сделали – черенком лопаты поверх выдавили крест. Копатели сами перекрестились и отошли. Им тут же выдали положенное спиртное и закуску. А холмик укрыли скатертью. На ней расставили водку, самогон, разложили закуску. Погоревали скромно. Немного стеснясь... начали. Через минут десять народ готов был запеть. Сдержало порыв, наверное, лишь кладбищенское окружение. Ещё минут через десять одна из женщин не удержалась на ногах. Упала недалеко. Меж могил. Меж оградок и крестов. Среди памятников. Под берёзами с пустыми гнёздами грачей. И мне привиделась жуткая Васькина смерть. И подумалось, что если эту женщину забудут в пьяном разгуле здесь, её тоже можно будет вскоре хоронить. Нет-нет, что ни говори – страшные времена нынче. Страшные, – Фёдорыч поблагодарил хозяйку художественного салона за кофе. Поднялся. Огляделся. Попрощался и ушёл. Донеслось до меня лишь его странное:

– Может, и напишу когда смерть Васькину? Соберусь с силами. Возьму холст. И – напишу...

Фото автора из архива НЛитО «Заполярье»

## Просто хобби

### Вениамин Тунгусов

«С 1955 по 1994 год (спасибо отцу, известному в округе журналисту и краеведу, командированному сюда спецкором «Правды Севера» и, конечно же, забравшему семью) жил в Нарьян-Маре и работал рядовым сотрудником, редактором, главным редактором окружного радио. В какой-то мере продолжая династию. В 1992 году по приглашению Ю. Комаровского перешёл в окружную администрацию на должность зам. губернатора округа, а потом представителем округа в Архангельской области. Был пресс-секретарём губернатора области, председателем АГТРК «Поморье». С 2008 года на пенсии. Живу в Архангельске. Стихи – просто хобби, пишутся, когда душа попросит».



#### Нарьян-Мару 70-х

Мой город вырос на Печоре,  
Средь голой тундры и болот,  
С веками и ветрами споря,  
У самых северных широт.  
Его, как первенца счастливой,  
Рождённой заново земли,  
Всё взвесив мудро, прозорливо,  
В народе «Красным» нарекли.  
И словно символ новой жизни,  
Её надежда и оплот,  
На самом краешке Отчизны  
Рос новый город, новый порт.  
Круг всех забот его едва ли  
Мы б очертить сполна могли:  
Отсюда Полюс штурмовали  
И в тундру грамоту несли.  
Был каждый день его с рожденья  
Мечтой наполнен и борьбой.  
Как ясовей ведёт оленей,  
Он вёл весь округ за собой.

\*\*\*

Опять спустилась ночь над Нарьян-Маром,  
Полярная, привычная для нас.  
Ведь хлеб свой здесь едим совсем не даром  
И знаем цену жизни без прикрас.  
И потому, быть может, терпеливо  
Выносим суету и маяту  
И продолжаем верить, что счастливый  
Наш Новый год уже не за версту.  
За Новым годом, словно за порогом,  
От жизни каждый раз чего-то ждём,  
Связав свои надежды и тревоги  
С не начатым ещё календарем.  
И снова календарь ещё не начат,  
И снова, ожидания полны,  
Хотим мы верить в счастье и удачу,  
Не зная, к сожаленью, их цены.

#### Земляки

Сколько дней, сколько лет, сколько зим  
Над Печорой встречали рассветы,  
Этот город навек стал родным  
И теплом его души согреты.  
Лишь однажды расстаться пришлось –  
Разбросала судьба половинки,  
Но везде нам, пожалуй, жилось  
Без тебя, как на тающей льдинке.  
Ты от нас, Нарьян-Мар, не уйдёшь,  
Мы – твои ходоки во Вселенной.  
Если снова к себе позовёшь,  
Мы вернёмся к тебе непременно.  
Мы вернёмся всему вопреки,  
Мы твои, Нарьян Мар, земляки!

#### Зимник

Всё, приехали: снега завеса  
Упирается в лоб машины.  
Проклиная и чёрта, и беса,  
И дорогу, курят мужчины.  
Прислонившись устало к дверце,  
Прикрывают глаза, чтоб забыться,  
Чтоб чуть-чуть отдохнуло сердце  
И опять с дорогой сразиться.  
А дорога – не мёд, не сахар:  
Как змея по сопкам петляет,  
По колесам бьёт, бьёт по тракам  
И в кювет с колеи выбивает.  
А тогда бери-ка лопату  
И копай до солёного пота:  
По полтонне снега на брата –  
Вот такая у нас работа.  
Примерзают пальцы к металлу,  
Ключ в руках совсем непослушен.  
Сколько это – много или мало –  
По полкружки чая на ужин?  
Здесь, на зимнике, время такое:  
Каждый час, каждый рейс – испытанье.



На полгода забыв о покое,  
Вы полгода в пути и в дерзаныи.  
Днём и ночью, в пургу и стужу  
Пробиваются с грузом колонны.  
Ждут Харьяга, Дресвянка, Кумжа –  
Тонны цемента, топлива тонны.  
Через зимник идёт атака  
На подземные кладовые.  
Это вам салютует факел –  
Там, где были вчера буровые!

#### Месяцестихи(я). Апрель

Апрель пролил свои капли  
Ещё на мартовской неделе,  
«Чтоб отвязаться от зимы  
Теперь её «замочим» мы».  
Легко добрался до природы,  
Взбудрил сады и огороды,  
Потом, всего лишь за неделю,  
Не просто так, не еле-еле  
Открыл Двине свободный ход,  
Досрочно сдвинув ледоход.  
Делился щедро солнцем, светом  
Манил порой уже и летом.  
И, оставаясь на плаву,  
Сменил он в Котласе главу.  
Но всё ж в трудах переборщил  
И из своих последних сил,  
Увы: расплакался снежком  
И в май пошёл уже пешком.  
В своих стремлениях свободен  
Апрель был всё же превосходен!

#### Месяцестихи(я). Май

Это всегда, как большое событие,  
Время, которое ждём –  
Снова в деревню!  
Снова – прибытие!  
Здравствуй,  
Родительский дом!  
Здравствуйте, речка,  
Берёзы, кустарники,  
Здравствуй, родной огород,  
К вам на постой  
Горожане – ударники,  
А не ленивый народ.  
Вспашем, вскопаем,  
Посадим, обкопим,  
Глядь, на пороге  
Опять уже осень...  
Впрочем, чего я?  
Ведь май на дворе,  
Всё начинается в этой поре!

#### Месяцестихи(я). Август

Как море после шторма  
Плескается в прибое,  
Так август после лета  
Готовит в осень нас.  
Не спешно, постепенно  
Снижает градус солнца,  
И дождичка подкинет  
И ветерком поддаст.  
И щедрою рукою  
Из всех своих запасов  
Снабдит дарами леса  
И матушки-земли.  
Чтоб мы потом, зимою

Предавшись покою,  
Распробовать,  
Расходовать  
Их запросто могли.  
За всё спасибо, август!  
Ты нынче был на месте  
И угодил, почти что,  
Доволен наш народ,  
А что не получилось  
Иль вовсе не случилось,  
Прибереги всё вместе  
На следующий год!  
Вот!

#### Месяцестихи(я). Октябрь

Было солнце на дворе  
В котябре, как в сентябре  
Воздух также свеж и чист  
**И летел с берёзы лист.**  
**И сияла неба просинь –**  
Неужели бабья осень?  
**Это – первая декада**  
**Пролетала как отрада**  
**Дальше – по календарю**  
**Месяц двинул к ноябрю.**  
**Ну и помним мы прекрасно**  
**Стало сыро и ненастно**  
А с двадцатого числа  
Вьюга снега принесла.  
Стало всё вокруг бело,  
Зазимело, замерзло.  
Но народ сказал: бывает,  
Всё ещё не раз растает.  
У погоды ведь на деле  
Восемь пятниц на неделе  
Так что, ждём, что дальше будет?  
Да – зима! Расслабьтесь, люди

#### Месяцестихи(я). Ноябрь

Ноябрь, конечно, не подарок.  
Но мы подарков и не ждём.  
И был бы он не так и ярок  
Не разразившись бы дождём.  
Завёл погодные качели:  
То дождь, то оттепель, то снег  
И мы гадали две недели –  
Уж наберёт ли он разбег?  
Но под конец раздухарился  
И завалил своим добром:  
Кому морозцем погрозился  
Кого засыпал серебром.  
И всё наладил, слава Богу.  
Зима грядёт, зиме – дорогу!

#### Месяцестихи(я). Декабрь

Декабрь. Мороз. Зима в разгаре.  
И на пороге Новый Год.  
А я природе благодарен  
За вечный кругооборот:  
Преодолев метель и стужу,  
Придёт весенняя пора,  
И никому не будет нужен  
Снег, выпавший ещё вчера.  
Оставим в прошлом все заботы,  
Чтоб в наступающем году  
Побольше было бы работы  
И со здоровьем всё в ладу!

## СКАЗКА о том, как маленькая Нельма<sup>1</sup> приплыла в большую Красную книгу

Гость номера

Светлана Дёмина

*Дёмина Светлана Борисовна, журналист-писатель. Родом из Нарьян-Мара. В 1980-90-х годах работала в телерадиокомпании «Заполярье». Вела авторскую программу на радио «Нарьян-Мар и нарьянмарцы» и телевизионную передачу «Вера. Надежда. Любовь». Сейчас проживает в Подмоскowie в Сергиевом Посаде. Автор нескольких книг на духовные темы. Мама троих детей. Бабушка 12 внуков.*



От автора: «У Печоры, у реки, где живут оленеводы и рыбачат рыбаки», – как поётся в известной всему миру песне о моей малой родине. Ненецкий автономный округ – край заполярный, морошковый, место оленьих троп и тундровых озер. Несёт здесь свои спокойные воды в море Баренца красавица Печора, река, которая столетиями славилась царской семьей, была богата нельмой, пелядью, сигаами и другой белой деликатесной рыбой. Увы! Отходы нефтяных промыслов, выбросы в воду горюче-смазочных веществ и прочие цивилизованные отбросы бесконечно заражают речные воды и заряжают на вымирание рыбное стадо Печоры.

#### ... о том, что случилось на самом деле ...

Все в округе называли её Принцессой. Подобострастно выгибаясь, заглядывали в чёрные зрачки и говорили смешные комплименты живоглоты-окуни с острыми красными плавниками:

– Милочка, ваша аристократическая кровь точно так холодна, как и у нас. Несомненно, это неспроста. Не забывайте об этом, красавица наша!

Глупые селёдки, готовые любому угодить то на обед, то на ужин, стайками кружили вокруг неё хороводы и пели несносные дифирамбы:

– Ах, как мы завидуем тебе, дорогуша! У тебя белая кость и белое мясо. Тебе есть, чем гордиться.

Пучеглазые сороги только тупо таранились и старательно обходили Сявку<sup>2</sup> – аристократку стороной. Кровожадных вампиров из щучьего племени в раннем детстве Принцесса избегала сама, её очень пугали алчный блеск их глаз и

<sup>1</sup> Нельма, белая рыба, в конце 20 века занесена в Красную Книгу.

<sup>2</sup> Сявка – так местные рыбаки называют маленькую нельму.

<sup>3</sup> Виска – ручей, проток, река между озёрами, проток из озера в реку; речка, берущая начало из озера и болота (озёрная речка) и впадающая в реку, море.

<sup>4</sup> Сула – приток реки Печора.



Серебристый Чир<sup>5</sup> был не из самого знатного рода, но вскружил ей голову донельзя. К тому же ему было всего десять лет, и он не достиг ещё брачного возраста.

– Мадам, – нежно шептал он ей, – вы моя единственная радость. Для вас я готов повернуть эту реку вспять. Только прикажите!

Прабабка Принцессы никого не замечала кругом, только кумир всегда стоял перед её очами. Наконец, он созрел как самец. Тут его потянуло к более молодой, привлекательной и вертлявой рыбёшке. Ах, какие сильные страдания выпали на долю прабабки! Предательством он разбил её сердце. Она потеряла любовь к жизни, очертя голову бросилась в омут и попала в людские сети. Старая Пелядка не торопилась объяснять малышке Сявке, что такое людские сети, и как губительны они даже для тех, в чьих жилах течёт благородная кровь.

Принцесса начала взрослеть и очень возмущалась от этих рассказов. Плача, она жаловалась Старой Пелядке на свою скучную и однообразную жизнь:

– Зачем, зачем я так одинока? Как бы я хотела жить в начале века. Испытать такое же страстное чувство. О, как мне опостылела эта тихая и тёмная глубинка с её пучеглазыми и глупыми жителями! В конце концов, во мне течёт голубая кровь! Я тоже красавица! Мне просто необходим простор! Я должна, наконец, увидеть Большую Воду своими глазами!

Пелядка была мудрой рыбиной. Потому она и дожила до глубокой старости. Она увещевала пылкую Принцессу:

– Не торопись, моя девочка! Страсти Большой Воды слепят и до добра не доводят. Они могут погубить тебя, такую красавицу.

Старая Пелядка вряд ли сумела бы остановить Принцессу от рокового шага, но внезапно мелкая виска покрылась корочкой льда, и очень скоро от кислородного голодания Принцессу обступили сонные грёзы.

...Вот она, сверкая бриллиантовой чешуёй, плывет по Большой Воде и встречает своего Принца. Само Солнце радуется их неземной любви. Все завидуют Принцессе и восхищаются прекрасной парой.

Она проснулась ранней весной и горько заплакала:

– Неужели, это был только сон?

– У тебя всё ещё впереди, – успокаивала Старая Пелядка.

Но Принцесса её уже не слышала. Её неумолимо звал голос крови. Она отважно отправилась на поиски своей фортуны. Она не знала, какая трагедия подстерегает её впереди, и как высоко вознесет её горькая судьбина. Сегодня она плыла на встречу со счастьем.

\*\*\*

Принцесса отправилась навстречу счастью. – Остановись, девочка! Это безумие. Ты по-

гибнешь, красавица моя, – судорожно всхлипывала Старая Пелядка. – Там, на Большой Воде, столько опасных соблазнов. Там никто не сумеет предостеречь тебя от беды.

Принцессе было немножко стыдно. Из ста тридцати тысяч её братьев и сестёр выжила только она одна. И выжила только благодаря Старой Пелядке. Эта мудрая и добрая рыбина так ловко зарыла икринку с Принцессой под глубоководный камень, что не смогли её выудить ни хищные щучьи челюсти, ни налимы усы. А потом она учила её, маленького сеголетка<sup>6</sup>, как выживать в этом опасном мире, слабому среди хищников. Принцессе было совестно, ведь она по-своему любила добрую старушку, но всё же она была Принцесса! В ней текла голубая кровь царских предков, и эта кровь сильно заглушала угрызения совести. А ещё она была так молода и легкомысленна:

– Вперед! Мне предназначено судьбой царить на Больших Глубинах, где были счастливы мои предки, где моя красота и величие по праву затмят всё и всех! А не в тихом омуте, где я увядаю, – уговаривала себя Принцесса и с каждой минутой становилась всё более надменной и неприступной. – Нет-нет! Я уже не глупая девочка. Я вполне могу постоять за себя.

Пучеглазые рачки и ершистая молодёжь, едва завидев Принцессу, в страхе рассыпались в разные стороны. Многие из этой мелюзги познакомились с её острыми зубками.

– Ой, ой, спасайся кто может! Ой-ё-ёй! – Прокатился по воде всеобщий вопль ужаса.

– Сама идёт. Похоже, она в страшном гневе. Принцесса же в нетерпеливом возбуждении ничего не замечала вокруг. С бешеной скоростью продвигалась она вперёд и только вперёд. Далеко позади осталась родная тихая виска. Мелькали протоки, маленькие прозрачные озера. Вот ещё один резкий поворот, внезапно вода потемнела, впереди что-то блеснуло, но Принцесса не успела увильнуть. Растерявшись от неожиданности, она врезалась на полном ходу в это что-то. И вдруг всё поплыло перед глазами.

Очнувшись, она удивилась: её плавники неподвижно висели вдоль тела. И все-таки Принцесса плыла. Вода становилась светлее. Вот, наконец, она разглядела Солнце. И в ту же минуту почувствовала, что кто-то нежно и заботливо подталкивает её. Резко обернулась и замерла от удивления. Блестящий красавец предстал перед нею – молодцеватый, плотно сбитый, подтянутый, в мундире из серебристой чешуи.

– Кто вы, сударь? – прошептала Принцесса слабым голосом.

– Имею честь представиться, сударыня: Серебристый Печорский Сиг. И я к вашим услугам!

Он сделал лихое сальто и застыл в стойке ожидания.

– К моим услугам?! О чем вы? О, я вполне самостоятельна.

– Но, позвольте заметить вам, красавица моя, в некотором роде, вы женщина. Вам нужен Некто, на кого можно положиться в это Смутное время. Так сказать, доверенное лицо, чтобы оберегать ваши интересы.

– Мои интересы? Вы хотите, чтобы я вам доверилась, – тень воспоминаний о трагической кончине прапрабабки мелькнула в голове Принцессы, – но, право, я едва знакома с вами.

– Простите мне мою дерзость! Но если бы не я, вы просто погибли бы! И потом, смею заверить вас: мы одной породы. Я – тоже из белых. Увы, не царских кровей, но готов свою кровь пролить за ваши прекрасные глазки.

Последний аргумент окончательно развеял все сомнения. Они поплыли рядом, по Большой Воде, дружески беседуя:

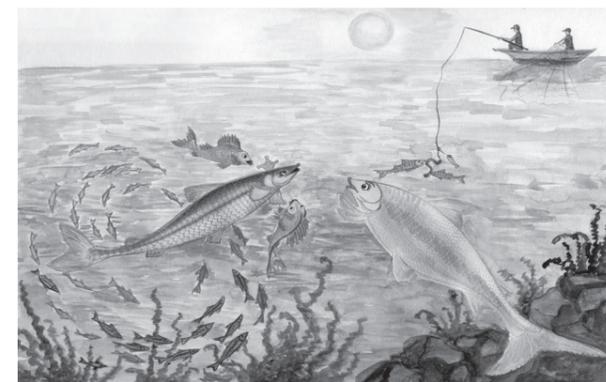
– Вы видите наверху эти мутные чёрные пятна, которые закрывают от нас Солнце? Никогда не приближайтесь к ним. Они отравлены. Наши старики утверждают: когда вся река покроется этой страшной пеленой, мы все погибнем. Так безжалостно с нами поступают люди.

– Люди? – невольно вздрогнула Принцесса.

– Да, люди. Это самый страшный наш враг. Они решили уморить нас. И без конца засоряют воду гадостью. От этого чуть было не погибли и вы, моя милая. Поверьте, я их вовсе не боюсь, но нынче в одиночку выжить совершенно невозможно. А быстро двигаться просто опасно.

Печорский Сиг ещё долго разглагольствовал об ужасах, которые творятся в Большой Воде, совершенно не замечая, как пугает этим Принцессу. Этот пройдоха, ветреный житель Больших Глубин, даже пытался за ней ухаживать. Ловил для неё мелких рыбёшек, помогал избегать встреч с топляками. Словом, мельтешил перед её глазами, как червяк, демонстрируя свою ловкость и маневренность.

Сявке внезапно стало грустно и тоскливо. Она вспомнила добрую Старую Пелядку и ей мучительно захотелось домой. Но где же он, её дом, в какой стороне? Боже! До чего опрометчиво она вела себя до сих пор. Как же быть – ведь гордость не позволит ей расспрашивать этого щеголя. А тоска и неясные предчувствия



7 Путина - время, сезон, в течение которого производится усиленный лов рыбы.

сильно сдавили грудь.

– Сударыня! – вдруг расслышала Принцесса. – А не хотите ли вы полакомиться красной икрой? Весьма рекомендую: пища деликатесная и вполне пикантная. Давайте-ка сядем «на хвост» этим двум красным, что обогнали нас, и шикарный ужин нам обеспечен!

Наступили сумерки. Принцесса решила отложить возвращение домой до утра. В темноте она вряд ли сумеет найти дорогу обратно...

– Красавица моя, – фамильярничал вконец распустившийся речной житель, – нам стоит поторопиться. Впереди небывалый пир!

И Сиг быстро юркнул в левую протоку. За ним едва поспевала уставшая Принцесса. Силы быстро оставляли её. Наконец, она потеряла своего спутника.

– Сударь, где же вы? – судорожно всхлипнула Принцесса и заметалась от страха. Темнота становилась всё гуще. Принцесса металась всё больше. Внезапно что-то сильно толкнуло её в грудь. Она остановилась. Потом дёрнулась назад... И вдруг поняла, что не может двигаться. Но вот какая-то неведомая сила рванула её наверх, и Принцесса повисла над водой. Потом чьи-то страшные щупальца до боли сдавили ей жабры. Какое-то огромное чудовище со стеклянными глазами внимательно разглядывало Принцессу. Она же от невероятных страданий не могла сопротивляться.

– Вась, глянь, какой сюрприз! Нельма. Впервые за всю путину<sup>7</sup>, – заговорило чудовище.

– Редкий экземпляр, – откликнулось второе чудовище. – Последний. Ей почётное место в Красной Книге.

– Люди! – успела подумать Принцесса. И потеряла сознание.

\*\*\*

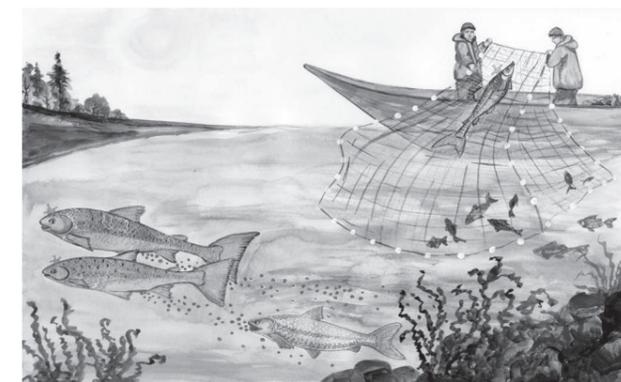
В это время всё население тихой и безмятежной виски, где родилась и выросла наша Принцесса, готовилось к ночи. Вздремнула и Старая Пелядка. Во сне ей привиделась Принцесса, горделиво улыбаясь, она проговорила:

– Как жаль, тётушка, что ты не сможешь увидеть меня во всём величии и блеске!

Старая Пелядка встрепенулась, пробуждаясь.

– Вот егоза! Где-то ты теперь, моя девочка?

Иллюстрации Полины Кухаренко



5 Чир – пресноводная рыба из породы сигов. 6 Сеголеток – молодняк рыбы или зверя.

## Почему бы и нет?

## Татьяна Зуева



*Слеп случай. Он шутя покажет эфемерность расчётов, планов всех, с Фортуной связь. Но цепь случайностей – уже закономерность, судьбы причудливая вязь*

Нину Ивановну выгнали с работы внезапно. Ни за что. Просто последний год её довольно престижная должность стала хорошо оплачиваться. За много лет работы производственный процесс был отлажен, коллектив собрался дружный, квалифицированный. Плановые показатели выполнялись. Заслуженные награды и уважуха имели место быть, всё путём. Казалось бы, можно и своё мнение нет-нет да и высказать. И по-своему поступить. И не бояться закулисных интриг. Ан нет.

Короче, с Ниной Ивановной расстались легко и просто. Скандалов она не устраивала, наоборот, радостно и благодарно заявила о своём согласии начать новую жизнь. Характер у неё такой: «Почему бы и нет?» – на все перипетии жизни.

Итак, отпуск с последующим увольнением в связи с выходом на пенсию. Зарплата за 2 месяца, отпускные за полгода, 10 окладов при выходе на пенсию (было такое, теперь нет) и премия за хорошее поведение. Итого – огромная сумма денег, с которой не знаешь, что делать.

Конечно, первые полгода адаптация со стандартными проблемами. Но Нина Ивановна ве-

рила в свою счастливую звезду и с интересом ждала, что же будет дальше. И дождалась.

Однажды (депрессия уже месяца два как закончилась), стоя в очереди, Нина Ивановна встретила давнюю приятельницу. Разговорились. Слово за слово, очередь длинная, выяснилось, что Лидушка подвизалась риелтором в малоизвестной фирме. Не здесь, далеко. И предложила она подружке купить что-нибудь для себя, любимой, поближе к морю и солнцу. «Почему бы и нет?» – подумала Нина Ивановна, тем более что внезапно свалившиеся деньги жгли карман. И согласилась. Однако денег много не бывает, поэтому условием покупки было – самая дешёвая студия на всём побережье. Разумеется, с мебелью и техникой, не самой же потом надрывать.

Строительство новое, детали интерьера согласовывались по электронной почте. Как это происходило – отдельная песня. Опыт показал: сочетание лени, фантазии и знаний техники безопасности дают блестящие результаты! Недостатки, снизившие стоимость студии до минимальной, обернулись достоинствами, внутренний голос присоветовал удачный дизайн, лень помогла избежать излишеств, которые настойчиво предлагал застройщик, и наконец, – слава родной службе охраны труда и ТБ, которая сумела вбить в мозг правила противопожарной безопасности так надёжно, что неконфликтная Нина Ивановна с пеной у рта ругалась, доказывала и убеждала, угрожала пожаловаться – короче, добилась, чтобы все двери в случае экстренной эвакуации открывались по ходу движения. И добилась! А попутно в санузле оказался рабочий целый угол, которого ни у кого больше не было. Пустячок – а приятно!

И вот, дело сделано.

Наступило время знакомства с новым приобретением, так сказать, вживую. Нина Ивановна предвкушала нечто сверхъестественное. В памяти ещё оставались сарайчики на побережье Чёрного моря, в которых жили втроём-вчетвером, туалет на улице, помывка в море, когда никто не видит. Так что в любом случае студия с санузлом и балконом представлялась шикарными апартаментами.

Действительность превзошла все ожидания. Было – хорошо! Море совсем рядом – в 10–12 минутах неспешной ходьбы по волшебной красоты дороге. Ближе – и в то же время не настолько, чтобы страдать от сырости. А дом!!! Дом на склоне горы, второй этаж, он как бы

первый, вход без ступенек – мечта дамы с капризным коленом. Дверь на первом этаже, а окно на втором! И окно во всю стену, от пола, с выходом на балкон – голубая мечта северянки. Вид из окна уносит в романтику южного средневековья. Высокие белые стены, украшенные вьющимися растениями, обрамляют просторное патио. Маленькая причудливая дорожка, выложенная светло-серым камнем, густая зелень деревьев и кустов, трава, цветы.

– Бога благодарить нужно, что с работы выгнали, – думала Нина Ивановна, наслаждаясь послеобеденным кофе у открытого окна. Воздух в тени здания был прохладен и чист. Удушливая жара, плотные шторы, кондиционеры – это где-то там, на верхних этажах, в дорогих апартаментах с видом на море. Здесь же – северо-запад, этаж первый.

А квартира! Белые стены, белая мебель, зеркала. Стол из стекла и металла, стулья с тонкими металлическими спинками: специально заказывала, чтобы не крали пространство. Две самые настоящие картины местных художников – восхитительные пейзажи с видом на льющуюся воду. И никакого лишнего барахла!

Кто сказал, что рая нет?!

\*\*\*

Смычка с местным населением произошла сразу же по приезде. Приехали вечером – Нина Ивановна, подруга-риелтор и ещё одна дама от застройщика. Вошли в квартиру – лепота! А для полноты счастья на столе бутылка местного красного вина: подарок фирмы новым собственникам. И вот картина маслом: стол, три девицы без возраста и бутылка, которую не открыть – нет штопора. Штопор нашёлся у водителя автомобиля, автомобиль чисто случайно стоял рядом с домом. Мужчину со штопором нашла Нина Ивановна, пришлось взять инициативу на себя, потому что две другие красавицы сидели и в отчаянии хлопали глазами. Замужние, понятное дело. С тех пор у Нины Ивановны в сумочке лежит не только отвёртка, но и штопор. На всякий случай.

Следующий этап – самый приятный для женщины при обустройстве своего гнезда, в том числе ещё одного нового гнезда в новом месте. Это приобретение мягкого инвентаря, хозяйственного инструментария, посуды и украшений для дома. Походить по магазинам, выбрать, купить, привезти, поставить-повесить-положить, полюбоваться. Счастливно вздохнуть. Нирвана.

Проблемы на работе? – Где та работа!.. Проблемы с мужем, свекровью, родителями, сватом, братом? – Их нет! Проблемы с детьми? – Они далеко и им нужно только одно: чтобы к ним не приставали с советами как жить. Может быть здоровье? – Здоровье как у всех. Ну, кольнёт где-то, заноеет что-то, так ведь живая. Финансы? – Нет нахлебников, нет проблем!

А что есть? А есть лето, горы, солнце, море,

цветы и нирвана – см. выше. И приятственная фишка: способ многочисленных передвижений – не общественный транспорт, а легковые автомобили фирмы. Удобное сиденье, кондиционер, музыка. И за окном пейзажи Эдема, а не бело-серобурое нечто.

Что бывает с человеком, когда силою судьбы у него появляется возможность жить в раю 2 раза в год по целому месяцу? Наверное, у всех по-разному. У Нины Ивановны это совпало с выходом на пенсию – после полувека работы на износ. Работы, которая забирает всё, все мысли и чувства, силы, возможности, когда себе не принадлежишь. И вдруг – Свобода! После кратковременного пребывания не в своей тарелке у Нины Ивановны появилась способность оценить ситуацию, и она была приятно удивлена. А тут ещё райские кущи в качестве бонуса. Ну, как же нормальной женщине не почувствовать себя на 30 лет моложе!

Не прошло и полгода, как толстушка с одышкой начала худеть, седина осталась только в виде элегантногo клокa у лба – в молодости его приходилось делать с помощью перекиси водорода. Разумеется, новый гардероб на законных основаниях. Масса новых друзей и знакомых, общественная работа в удовольствие, не в напряг. И наконец самое удивительное – она начала писать стихи. Потом появилась проза, публицистика.

Новая жизнь – новые песни!

23.07.2021



## Танцевать по звёздам

Светлана Коньгина

\*\*\*

Под ногами мерцали звёзды  
В тонкой плёнке луж на асфальте,  
Ночью кажется всё серьёзней –  
Морфей меняет грань восприятия.  
Я боялась шагнуть в это небо  
Настолько хрупко оно и красиво.  
Круг на воде то ли был, то ли не был,  
Лишь Млечный Путь покачнулся лениво.  
Шаг за шагом смелей продвигаюсь,  
На носочках, летящей походкой,  
В прохладный сумрак до дна погружаюсь,  
Тут каждый нерв обнажённой проводкой!  
Здесь каждый звук неоконченной пьесой,  
Иду по звёздам, да что там – танцую!  
Смотрю под ноги себе с интересом,  
Качают звёзды меня босую.  
Морфей меняет грань восприятия,  
Ночью кажется всё серьёзней...  
Я надела лучшее платье  
И ушла танцевать по звёздам.  
А когда полыхнёт у края,  
Обнажив на асфальте лужи,  
Я домой возвращусь босая,  
Доем то, что остыло на ужин...  
В свете дня всё немного понятней,  
Проще, ярче и точно логичней,  
Призывает день быть адекватней,  
Позволяет быть динамичней.  
Вернусь клубочком к Морфею в объятья,  
Спать буду, пока не стемнеет воздух.  
После, надев своё лучшее платье,  
Босая пойду танцевать по звёздам.

02.03.2022

\*\*\*

Рассветы цвета кофе с молоком  
В ноябрьском мареве тонули безвозвратно,  
На раму не натянутым холстом,  
Уже белённым, скомканным изрядно,  
Небрежно по оврагам белый наст.  
Деревьев голых съёжились скелеты,  
В глубоких пребывая снах –  
Животворящих солнечных сюжетах.  
Недолг зимний день, кофейной гущей тьма  
Зернисто-мутные транслирует виденья,  
Где тёплых дней шальная кутерьма  
Морозных дней растягивает звенья.  
Плотней эспрессо в час безлунья ночь,  
Кристаллы звёзд мерцают маячками...  
Листву, взметнув, уходит осень прочь,  
Следов не оставляя под ногами.

18.11.2020



## Постскриптум ... Это навсегда...

Секундами составлены года,  
Те глыбами спеклись в десятилетия,  
Под снегом горы – это навсегда?  
Быть может на какие-то столетия...  
Есть мнение, будто вечные моря...  
И, это утверждение не верно –  
Стремительно вращается Земля:  
Моря когда-нибудь стекут закономерно,  
Озёра, горы, в небе облака –  
Всё это так изменчиво, не вечно ...  
И то, что человека сделала рука,  
Как не прискорбно, но не бесконечно...  
Но разговор сегодня о другом,  
Как завязалась бесплотная нить,  
Когда родители свёртком принесли тебя в дом,  
И попросили сестру полюбить...  
Как привязалась к запястьям твоим и моим  
Эта нить, крепко и навсегда...  
И не порвать её, не разрубить  
Не способен никто, никогда...  
Вплетаюсь в вены, артериям вторя,  
Как струна натянувшись во времени,  
Эта нить заставляет помнить,  
Что мы одного рода – племени,  
Что мы не такие разные,  
Несмотря на отличия внешние,  
Что мы понимаем прекрасно  
Колебанья друг друга малейшие...  
Тебя люблю бесконечно, искренне,  
Сквозь время и города!  
И подчеркну здесь, сознательно истово,  
Постскриптум ... Это навсегда...

21.04.2021

\*\*\*

Облако нависшего тумана  
Сожжёт рассвета хрупкое тепло,  
Розовое марево обманом  
Растеклось и всё обволокло.  
Горизонт, захлебываясь солнцем,  
Догорев, утонет в синеве,  
Ночь полярная приблизившись к оконцам,  
Сказку нарисует на стекле...  
Темнота тяжёлая, густая  
Просочится в каждый уголок,  
Лишь луна холодная, немая,  
Млечный Путь среди темноты прилёт...  
Эллипсы галактик в бездне неба  
Неизбежно повторят привычный круг,  
Звёзды сны смахнут на Землю снегом,  
Помигают молча и уснут...  
Проникнусь темноты очарованием,  
Созвездий вышивкой на бархате небес,  
Наполнюсь неизбежным осознанием,  
Что жизнь вокруг полна простых чудес...  
И, если б не рассвет, последний, перед ночью,  
Полярной длинной ночью,  
создавший с ней контраст,  
То дивной красотой я б не прониклась, точно,  
И, цвет ночного неба не стала б воспевать.

26.12.2021

\*\*\*

Внимательней обычного молчала,  
Задумчиво смотрела сквозь глаза,  
С ухмылкой лёгкой глубоко вздыхала,  
Ей даже было, что ему сказать ...  
Однако, так бессмысленно и глупо  
Любое слово прозвучало б в этот миг,  
Она смотрела, снегом шли минуты,  
А он уже переходил на крик.  
Внимательней обычного молчала,  
Обдумывая каждый аргумент.  
Сказать что хочет, очень точно знала,  
Но, был уже упущен тот момент...  
Автомобиль снежинки осыпали,  
Она, легонько трогала стекло,  
Следила, как снежинки умирали,  
Познав сполна оконное тепло ...  
Случился разговор довольно поздно,  
Когда уже не надо ничего,  
А он кричал, рубил ладонью воздух,  
Но ей впервые было всё равно,  
Нахохлив шарф, ремня разъяв объятья,  
Чуть каблучками проскользнув по льду,  
Подняв подол, едва намокший, платя,  
Швырнула в воздух: «Больше не приду!»  
Внимательней обычного молчала,  
Пока ловила мокрое такси,  
Серьёзное решенье принимала,  
Когда прочь незнакомец увозил.  
А на стекле легонько написала  
И стёрла сразу слово: «Позабыть!»  
Когда б он слушал, всё б ему сказала,  
С неслышащим нет смысла говорить ...

22.01.2022

\*\*\*

Не спеша качается трамвай  
По вечерним улицам прогретым,  
Рельсами изрезанный асфальт  
Словно гладь воды блестит от света.  
Воздух пахнет солнечным теплом,  
Звуки города смешались с птичьей трелью,  
Чтоб, забывшись предрассветным сном,  
В утренней затихнуть акварели.  
Собирает лето запах трав,  
Шум прибоя в память прячет нежно,  
Чтобы мы, рутины пробку сняв,  
Пригубить могли зимою снеженой:  
Тепло встреч; стога на фоне гор;  
Автобанов жаркое дыханье;  
Каждый задушевный разговор,  
Плотно запечатанный в сознание...  
Мнится, будто лето, сев в трамвай,  
На ближайшей остановке, возле клёна,  
Вторя эхом стону птичьих стай,  
Головой прильнув к стеклу вагона,  
Улыбнулось, медью засияв,  
Смяв соломенную шляпу между пальцев,  
И, остатки света расплескав,  
Подсветило рельсы на асфальте.  
Светофор, сменив зелёный свет,  
Красным, как вполне осенним цветом,  
Зафиксировать пытается сюжет,  
Неизбежно растущёванный рассветом.  
В небе тонет штопка птичьих стай,  
Захлебнувшись песней недопетой,  
Старенький качается трамвай,  
Увозя с собою наше лето...

22.09.2021

\*\*\*

Из-за облачной завесы,  
Плотной, серой и угрюмой.  
Осторожно, с интересом,  
Поднимался месяц юный.  
Пугливо спрячется в тумане,  
Снова выглянет с опаской,  
В синем небе-океане  
Очарован зимней сказкой!  
День клонится ближе к ночи  
Зажётся месяц ярким блеском,  
Туман, сменив мороз хлопочет,  
Тишь пугает звонким треском.  
Снег рассыпанным крахмалом  
Запорошил всю округу,  
Чтоб ещё белее стало  
Он позвал на помощь вьюгу ...  
Месяц серебро роняет,  
Ночь дыханье затаила,  
Только купол неба знает:  
Всё уже когда-то было!

17-22.11.2011



\*\*\*

Сорок восемь часов до весны...  
 Холодный воздух. Эхо птичьей трели.  
 Пайетками сгорающей луны  
 Летели капли крупные капли.  
 Сочный, бархатный, яркий свет  
 По ступеням сошёл тишины,  
 Поток солнечным каждый согрет,  
 За тридцать девять часов до весны...  
 Затянулись тонкой слюдой  
 Раны дуж в свете новой луны,  
 Захлебнулся вечерней зарёй  
 Горизонт шесть часов до весны...  
 Жду. Когда же совсем истечёт  
 Белый, шёлковый, зимний путь,  
 Весны новой начнётся отсчёт,  
 Дышать боюсь, чтоб её не вспугнуть...

04.04.2021

\*\*\*

Когда век закончит свой путь,  
 Белым снегом прикрыв бывшее,  
 Я хотела бы в новый шагнуть,  
 Со своей заветной мечтою.  
 Потому что ни в новом году,  
 Ни в новом тысячелетии  
 Без мечты невозможно жить  
 На этом огромном свете.  
 Пусть она ведёт за собой,  
 Чтоб надеяться, верить смели,  
 Чтоб решались спорить с судьбой -  
 Добиваясь заветной цели!  
 И пусть цель эта, как горизонт -  
 Удаляясь опять обманет,  
 Заставляя жить - пусть зовёт,  
 Пусть вперёд бесконечно манит!

11.1999

\*\*\*

Брусничным день закончился закатом,  
 Горящим шаром, алой полосой,  
 Шлейф облачный окрасил в цвет томатный,  
 И, растворился с первою звездой.  
 Спустилась ночь, смотря туманным взглядом  
 На бездны дыр за мраморной Луной,  
 Планеты выстроила в темноте парадом,  
 Поглаживая Млечный путь рукой.  
 Блистала ночь короной из сияний,  
 Морозцем легким прихватив поверхность луж,  
 Серебряную праздность одеяний  
 Себе оставив эхом долгих стуж.  
 Блистала ночь до самого рассвета,  
 Томатный шлейф размыла бирюза ...  
 Чтоб с первым вздохом взбалмошного ветра,  
 Новорождённый день открыл глаза!

17.05.2022

\*\*\*

Липкой паутиной, молоком тумана,  
 Захлестнула тоска, обняла, обмотала.  
 Затянула потуже узелки, ремешочки,  
 Чтобы наверняка, чтобы без проволочки...  
 Захлебнулась душа этой тёплой, густой,  
 Тягучей и плотной бесконечной тоской...  
 Бороться нет сил, но возникает, как чудо,  
 Яркий солнечный луч, просто так, ниоткуда.  
 Спасательный луч – золотой, настоящий,  
 Растворяющий тьму –  
 свет с собой приносящий.  
 Согревающий, теплый, надежды попутчик –  
 В общем, самый обычный весенний солнечный  
 лучик.

15.05.2009

### Зал прилёта

Последние секунды ожидания, тишина.  
 И взгляды устремились вдаль,  
 Там, за стеклянными дверями  
 И грусть, и радость, и печаль.  
 Там, словно под кокетливой вуалью  
 Неясных образов размытых суета  
 Они идут, и напряжённое молчанье,  
 Сейчас взорвётся от внезапного толчка.  
 И, словно занавес в театре распахнулись двери,  
 Улыбки расцвели, блестят софиты глаз...  
 Я грустной мыслью чуть не захлебнулась:  
 «Друзья, а ведь они встречают вас!»  
 Вся эта суета, цветы, объятия,  
 Обрывки фраз, смущенная возня,  
 Я прохожу сквозь них, прекрасно понимая,  
 Что ни один из них, не ждёт меня!  
 Остановилась позади, смотрю,  
 как представленья,  
 Мысль грустную долой гоня,  
 Ах, сколько искренности, страсти, вдохновенья!  
 И, все же жаль, что все они встречают не меня!

28.06.2009

\*\*\*

Отступают назад злые вьюги и стужи,  
 Скоро будет весна – сырость, слякоть и лужи,  
 Будет синяя тишь в воде отражаться,  
 Лучи солнца, струясь водной глади касаться.  
 Разливаясь вокруг золотым ярким светом,  
 С тёплым ветром в альянсе весны  
 будут приветом,  
 Будет злиться зима, скалясь снега остатком,  
 Грязно-серым, колючим, уже не мягким  
 и гладким.  
 Потихоньку отступят злые вьюги и стужи,  
 Вместо белых холмов возникнут синие лужи.

02.2001

\*\*\*

Величаво застыли на затуманенных кручах,  
 Сосны, что зацепляют макушками тучи,  
 Полоской синего неба с гор струится река,  
 Белой пеной поток походит на облака.  
 Темно-серых камней холодные груды,  
 Смягчает цвет листьев на кустах – изумрудный,  
 Лёгкой дымкой трава весной подрастая  
 Стремиться к солнцу упрямо,  
 в камни корни пуская,  
 Хрупкой ниточкой тонкой на ветру замерзая,  
 Тянет к солнцу ладошки, жизнью всё заражая!

12.2000

\*\*\*

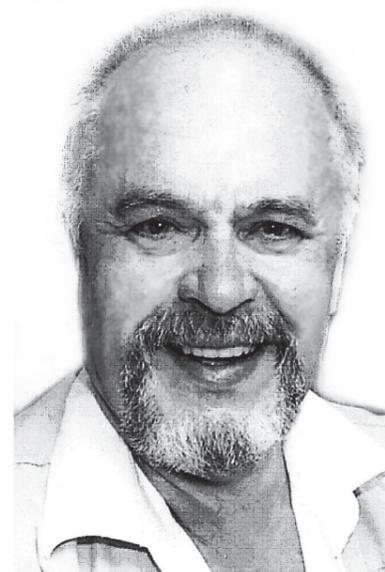
Дотянусь до неба рукой,  
 В унисон покачнувшись Вселенной,  
 Вдохну звёзд невесомый покой,  
 Такой желанный, простой, вдохновенный.  
 Прохладный ветер скользнёт по коже,  
 Пульса в висках метроном,  
 Я ведь, была на закат моложе,  
 Когда солнце забылось сном.  
 Я была словно птица свободна,  
 Падая навзничь в траву  
 Я была? Нет, я есть! Я сегодня!  
 Ощущаю вдыхаю, живу!  
 Чертой огненной звёзд не тревожа,  
 Восходит солнце, даруя свет  
 Была вчера на закат моложе...  
 Зато, сегодня мудрей на рассвет!

23.06.2021

Поэзия

## Всепоглощающая любовь

Александр Салов



И побежала по росе  
 Навстречу утренней заре  
 Лучами солнца лишь одета –  
 И в этом летняя примета.

Прощальных летних дней тепло  
 Нам бабье лето принесло;  
 Лес белых груздей разномастье  
 Раздарит осенью на счастье.  
 И в разноцветии осеннем,  
 Омывтом дождём бабьим летним,  
 Идёшь лишь дождиком одета –  
 Осенняя примета это.

И ты живёшь, как маленькая фея,  
 В преддверии метели и снегов,  
 Внутри себя от страха леденя,  
 И умоляешь Лето-чародея  
 Зимой тебе дарить нектар цветов.

### Не от того ль

Не от того ли мы прельстились  
 Всё сохраняющей зимой,  
 Где снежным вихрем мы кружились  
 Над белоснежной мостовой.

Не от того ль ты сном прекрасным,  
 Когда метели замели,  
 Меня манила с жаром страстным  
 Всё обжигающей любви.

### Маленькая фея

Весна подтаявшею льдинкой  
 До крови режет руки мне;  
 Метель последнею снежинкой  
 Шмыгнула по полу в избе;  
 Дождь скоро смоем все следы  
 Как по снегу бежала ты;  
 А ты в веснушки лишь одета –  
 Во всем весенняя примета.

Прохлада утреннего леса  
 В окно ворвалась до рассвета;  
 А на рассвете окунулось  
 В росинки солнце; ты проснулась



Не от того ль истёк в неволе  
Ручей, растаявший вдали,  
Что снегом лёг в твои ладони  
Всё согревающей любви.

Не от того ль, в щемящей боли,  
Страсть прошлых лет ты не зови;  
Я снегом лёг в твои ладони  
Всепоглощающей любви

### Вновь заснежил апрель

Ночь последней снежинкой  
Мне упала на грудь.  
Этой ночи мгновенья  
Мне уже не вернуть.  
Дым утеранных встреч  
Память болью разъел,  
Что её не сумел,  
Не посмел я сберечь.

По исчезнувшим лужам  
Барабанит дождём  
С крыш апреля капель  
У меня под окном.  
В арендованном доме  
Одиночества стынь,  
Изгаляясь в истоме,  
Мне пророчит теплынь.

Вновь заснежил апрель.  
Накрывает метель  
Луж вчерашних стекло  
Напоследок шугой.  
Все дворы занесло,  
Только крыши блестят.  
Нарьян-Мар в снегопад  
Попрощался с зимой.

### Расставания – расстояния

Ты на лавочке сидела  
У тесовых стареньких ворот;  
Судорога губ горела,  
Расставаться не хотела,  
Да не сладил приворот.

Расставания-расстояния  
Между мною и тобой,  
Чем длиннее расставания,  
Тем короче путь домой.

Платье старое, линялое,  
Тесно юной в нём груди;  
За околицей стога мятые,  
Ножки прячутся все усталые  
Под скамейкою в пыли.

Расставания-расстояния  
Между мною и тобой,  
Чем длиннее расставания,  
Тем короче путь домой.

Я стою и томлюсь, ус накручиваю,  
Сколько тех стогов за селом;  
И в другом селе ещё с лучшею  
У скамейки постою я с Марфушею;  
На душе лишь тоска о былом.

Расставания-расстояния  
Между мною и тобой,  
Чем длиннее расставания,  
Тем короче путь домой.

Ты не плачь при мне, краса-девица,  
И мою гармонию отпусти,  
Переборы в ней ведь не лянутся,  
Грусть-тоска твоя, поверь, денется,  
Как брильянты слёз во пыли.

Расставания-расстояния  
Между мною и тобой,  
Чем длиннее расставания,  
Тем короче путь домой.

\*\*\*

Моё прощальное «прости...»  
Сродни забытому «люблю»,  
Но как взглянуть в глаза твои,  
Когда клянусь свою судьбу.  
И неоплаченных долгов  
Уж неподъёмен тяжкий груз,  
Мой кенотаф давно готов,  
И наготове аркебуз,  
В котором прожитые дни  
На старте выстрела молчат...  
А заполярные огни,  
«Опомнись и вернись», – кричат.

О, Заполярье! Я душою  
Всей, запорошенной тобою,  
Примёрз к тебе. И жару юга  
Не растопить... Хотя подруга  
Вся так старательно упруга;  
Её печальные глаза  
Зовут меня под образа...  
Иль пусть мучений тяжкий груз  
заклинит ствол... А аркебуз  
слеза солёная разъест...  
И пепел разнесёт окрест  
Моё прощальное «прости...».

### Не разрушай

Устал я телом и устал душой.  
И искре вожделья  
Уж не нарушить мой покой и твой.  
Отбрось, прошу, сомненья...  
Отбрось сомненья, дверь не открывай,  
достаточно меж нами фальши.  
Не разрушай, прошу тебя,  
Не разрушай воспоминанья наши.

Ещё тебе жить долго и любить,  
Но я давно уж в это не играю.  
И я давно, за всё тебя давно простил.  
Себя же ни за что я не прощаю.

Пусть между нами не было любви,  
Я всё же на прощанье пожелаю:  
Меня, коль вспомнишь, долго не брани,  
Не ты меня, я сам себя терзаю.

\*\*\*

Ночь.  
Море. Пляж.  
Ты. Я. Костёр...  
И неба звездного шатёр  
Над нами случай распростёр...  
И негой южною полна  
Волна волне шепнуть спешит,  
Что звёздный бархат распорол  
Шальной любви метеорит...  
Ну что лежишь ты у огня,  
Чем шёпот волн  
Тебя так манит?  
Ведь не у нашего  
Костра гитары стон  
Нам души ранит...  
Гитары стон,  
И шёпот волн,  
И блеск звезды  
Забуду ль я?  
Запомнишь  
Ты?

### Дальние грозы

Помнишь лето колдовское,  
Парк кленовый у реки,  
Провожал где я с тобою  
Вечер трепетной любви.  
Как вдвоём, слегка шальные  
От гремящих гроз вдали,  
На веранде, под луною,  
Долго кушали чай.

Не забыть, как губки дула  
Ты над чашкой расписной,  
А потом свечу задула,  
Позвала® меня с собой.  
А потом, слегка шальные  
От гремящих гроз вдали,  
На мансарде, под луною,  
Предавались мы любви.

Утром нагишом плескались  
Мы в речной воде живой;  
С чаем нас пугала Мотря  
Сказкой с мёртвой водой.  
Только мы, слегка шальные  
От гремящих гроз вдали,  
Долго весело смеялись  
И костры среди клёнов жгли.

Сказки бабушки Матрёны  
Там остались на века,  
Да порубленные клёны,  
И усохшая река.

\*\*\*

Звучанье лопнувшей струны  
Хлыстом по памяти –

Там, в прошлом, затерялись мы  
И наши радости...  
Где в ожерелье жёлтых лун  
Над синим платицем –  
Там, в прошлом, перебором струн  
Души сумятица...  
Где на обочине пути,  
В траве взорвавшейся –  
Там, в прошлом, тихое прости  
Слезы сорвавшейся...  
Звучаньем лопнувшей струны  
Опущен занавес –  
Над прошлым, где любили мы,  
Где были счастливы ...

### Дурман фиалок

Под окном фиалки стайкою цвели,  
И ночным дурманом сон наш берегли...  
Только где-то лето? Кануло вдали,  
Что ж дурман фиалок мы не сберегли.  
Хатку за околицей и лесок грибной  
Помнишь ли ты, милая, где была со мной  
Ты счастливо-нежною, ласкою цвела,  
На «Иван Купала» гуляли до утра.  
Яблочного Спаса пролетели дни,  
Где с любовью были на земле одни  
Мы, моя желанная. Наш то невтерпёж –  
Сразу за околицей вся память рожь.  
Рождество Христово – мельком, второпях;  
Трудно Пост держать бабе на сносях;  
На «Иван Купала» честь не сберегла,  
В «Змеев день» под утро дочку родила' .

\*\*\*

Ты где запропала, подружка Весна?  
Кружит за окном пеленой кутерьма,  
Шмыгает нежить по полу в избе,  
Воят каминные черти в трубе,  
Чердачные бесы стучат в потолок,  
В сени лукавый стынь приволок...

Хочу, чтоб опять, как в минувшие дни,  
Мы были б с тобою под крышей одни;  
Будила бы утром нас с крыши капель;  
Скрипела и пела открытая дверь;  
Подснежников первых букет у окна  
Встречал тебя, милая, вставшей от сна.

### Сталкер

И снова  
В Зону я иду!  
Я ль сталкер?  
Я ль тебя веду?

.....  
Но ты желанием своим  
Мне оплатила этот дым  
И этой зоны миражи...  
.....

Неслышно руки мне  
Кладёшь на плечи  
Ты, закрыв глаза,  
И в Зону падает С Л Е З А.



## Ужин



## Валерий Селиверстов

Вот красивая, чуть полноватая девушка ест греческий салат и с раздражением пытается соскрести с поверхности овощей обильную оливкомасловую заправку. К тому же кусок сыра слишком большой и явно не укладывается в сегодняшний рацион. Девушка с грустью отодвигает съеденное наполовину блюдо. Вот молодой человек надевает целлофановые перчатки и с лёгкой безуминкой в глазах набрасывается на огромный сэндвич. Он кусает с лёгкой яростью, как будто поймал хлебно-говяжью добычу своими руками и утоляет голод двухдневной погони за ней. По подбородку и перчаткам стекает красный соус. Три четверти сэндвича он съедает и насыщается, а к крупным долькам картошки фри даже не притрагивается, потому что она делит пространство блюда с луком, а лук молодой человек не ест. Вот девочка пятишести лет с искренним счастьем в глазах разрезает ложкой крупный сектор круга пражского торта. Она одолевает две трети порции и, чуть опьянев от количества сахара, идёт изучать пространство ресторана.

На крышке мусорного контейнера мальчик аккуратно разложил найденное по трём попавшим в мешок белым салфеткам. Достал из внешнего кармана куртки банку Pepsi 0,33 мл, которую недавно позволил себе купить на пожертвованную ему мелочь. Из внутреннего кармана вытащил вилку и начал ужин. В этот момент он будто снова в своей семье. Будто снова на веранде родного дома.

\*\*\*

Чудышко новогоднее,  
Что случилось?  
Трещина разошлась,  
Дробь осколков  
И тишина.  
Чудышко, мы перемен хотели  
И получили.  
Как теперь продолжать что-то начинать?  
Чудышко, мы тебя так любили —  
Мечтали, жили,  
Даже учились планировать,  
Потреблять.  
Только теперь иллюзия растворилась.  
Нет никакого «мы», раскололи силой.  
Но самое страшное —  
Чудышко,  
Нет тебя.

Мальчик сидел на асфальте, прильнув спиной к одной из двух кирпичных стен, составляющих переулочек. Промокшие чёрные с коричневым кроссовки, протёртые почти до дыр в коленях голубоватого оттенка джинсы, зелёная куртка с пятнами засохшей грязи, но в остальном выглядящая лучше остального. Он часто проводил время здесь, потому что мало кто заворачивал в это довольно узкое и тёмное отверстие между двумя домами. К тому же под навесом у окна магазина, не работавшего уже пару лет, можно было укрыться от осенних ливней. Но самой главной причиной была металлическая дверь, ведущая в дорогой ресторан за поворотом. Мальчик слабо представлял, что конкретно находится за дверью, потому что видел внутренности заведения только через окно, а кухню через окно не показывают. Хотя это было не так уж важно. Каждый вечер, примерно к закрытию ресторана и к моменту, когда от голода начинали слабеть конечности и сильно привлекал к себе внимание желудок, из этой двери выносили большие чёрные пакеты и оставляли рядом с мусорными контейнерами.

Этот счастливый момент наступил. Мальчик подошёл к одному из пакетов, надорвал сверху, в районе узла, чтобы содержимое оставалось в том же состоянии, в каком было вынесено, и стал нырять рукой в смешанный мир ресторанных отходов в поисках остатков пищи. В процессе составления ужина ему нравилось догадываться, как попавшаяся часть блюда оказалась в руках.

## Мышка

## Екатерина Коваль

На Севере царствовала полярная ночь: солнце совсем не появлялось из-за горизонта, и всё время было темно. Если к этому прибавить частые метели, леденящий ветер или сорокаградусный мороз, то единственное, о чём мечталось Люсе сейчас — это забраться на тёплую печь и слушать мамины сказки про животных.

Люсе недавно исполнилось 11 лет. Она жила с родителями в маленькой заполярной деревеньке, а училась в городе, что в 5 километрах по реке. Зимой, когда можно было ходить по льду, она преодолевала ежедневно пешком расстояние в 10 километров — в школу и обратно. Люся не боялась заплутать, потому что прекрасно знала дорогу: девочка не раз проделывала этот путь с мамой и папой пешком или на санях, в которые она сама впрягала любимого коня Грозного. Иногда Люсю подвозили на лошади сердобольные попутчики. В дни, когда река была свободна ото льда, девочку по просьбе родителей с берега на берег переправлял сосед на вёсельной лодке. В деревне тоже была школа, но там обучали только с первого по четвёртый классы. Отучившись 4 года, отличница Люся продолжила учёбу в 5 классе средней городской школы.

«Опять метель. Как домой добраться? Хоть бы кто-нибудь подвёз, ничего не видно», — размышляла Люся, глядя в окно раздевалки школьного спортзала. Она уже переделалась к уроку и, как обычно, коротала перемену в одиночестве.

Ребята с самого начала невзлюбили деревенскую девчонку, от которой зачастую пахло конским навозом. К тому же она была выше сверстников и походила на знак вопроса, потому что нарочно сутулилась, чтобы казаться ниже и незаметней. Но одноклассники всё равно мучили её тычками и насмешками. Учителя же почему-то не замечали, что происходит в классе между ребятами и новенькой.

Начался урок физкультуры. Перед основными упражнениями физрук провёл разминку и задал несколько кругов бега по залу.

— Уйди с дороги, Люська! — толкнул локтем в бок белобрысый задира Вовка Гайкин, обгоняя одноклассницу.

Пробегающие мимо девчонки захихикали. А Кристина, что сидела с Люсей за одной партой, сделала подножку. Люся упала на колени, больно ударившись о деревянные половицы. Потёрла ушибы и, прихрамывая, отошла к



стене. Такое обращение ей было не впервой, но каждый раз сильно ранило.

Вскоре прозвенел звонок. Физра была последним уроком, и ученики шумной гурьбой рванули в гардероб. Как обычно, Люся просто стояла в стороне и ждала, нервно теребя длинную светло-русую косу, пока одноклассники выйдут из зала. Она не ввязывалась в конфликты, отвечала молчанием на колкости в свой адрес. Зачинщиком чаще всего выступал Вовка Гайкин — хитрый пухлый мальчуган небольшого роста. Его папа работал каким-то снабженцем, и Вовкино самолюбие часто подпитывалось новыми предметами гардероба, которыми он любил похвастаться перед одноклассниками. Может это помогло ему чувствовать себя выше? Сегодня же Вовка был рассержен на весь мир: математичка нарисовала ему двойку за контрольную, и сказала привести родителей в школу. На самом деле двойка была заслуженной — нечего вертеться на уроках и не слушать объяснения учителя. И списать не удалось. Люся впервые не стала делиться с ним решением задач и примеров. Учительница



перед началом контрольной, строго посмотрев на ребят, предупредила, что тем, кто спит, кто даст списать, она поставит двойки. С контрольной справились все, кроме Гайкина. Люся догадывалась, что это-то его сейчас и гложет, а всю свою злость он направит на неё.

Тихо, без настроения она побрела к гардеробу. Там на полу лежало её пальто – грязное, мятое, затоптанное. Обессиленно присев на скамейку, она стала его очищать, но безуспешно. Одевшись, застегнулась на три неоторванные пуговицы и вышла из школы. На удивление, метель закончилась, а недавнем буйстве природы напоминали только занесённые снегом дорожки, утром тщательно прибранные дворником. Люся совсем было успокоилась, как вдруг услышала из-за спины:

– А ну, стой!

И тут же её окружили пятеро мальчишек под предводительством Вовки.

Они оттеснили Люсю с крыльца во двор школы. Вовка, итак круглый по природе своей, казался ещё толще в новом пальто и шарфе. Образ дополняла дурацкая шапочка, совсем не прикрывавшая уши. Первым толкнул Люсю Вовка: «Получай!» Она упала в сугроб, успев выставить вперёд руки. Портфель свалился рядом, и мальчишки стали перекидывать его друг другу как футбольный мяч. Люся вскопчила на ноги: «Отдайте!» – надрывно крича, бросилась на обидчиков. Она боролась за портфель, понимая: если мальчишки порвут его, то родители до следующего учебного года точно не купят новый. Они итак работают с утра до ночи, чтобы прокормить семью, а ещё она тут со своим портфелем!

Мальчишки остановились, лишь когда из растёгнутого портфеля на снег посыпалось содержимое. Гайкин так разбушевался, что его шапчонка свалилась в снег, шарф болтался где-то за плечами. Люся, наконец, ухватила портфель и бросилась собирать свои вещи. Вовка схватил тетрадку и хотел порвать. Под тетрадкой на снегу он увидел раскрошенный кусок хлеба и в растерянности остановился: «Это мы его что ли так?» В этот момент кто-то пронзительно вскрикнул. Мальчишки обернулись: к ним приближался старшеклассник, ребята знали его – Саша из 8 класса был спортсменом, его портрет висел на Доске почёта школы.

– Вы чего тут устроили? А ну, брысь!

– Побежали! – запыхавшись, прокричал Вовка и забросил тетрадку подальше в снег.

Мальчишки кинулись врассыпную. Люся подняла голову и встретилась взглядом со своим спасителем. Саша улыбнулся, помог Люсе встать и пошёл дальше. Тяжело дыша, Люся попыталась прибрать волосы, вылезшие из-под шапки и растрепавшиеся от отчаянной борьбы, но тут новая волна обиды накрыла её. Люся горько заплакала, собирая крошки хлеба в карман. Слёзы обильно текли, и казалось, что они берут начало не из глаз, а из самой души.

Люся пыталась взять себя в руки, всхлипывая, наспех отряхнулась от снега, застегнула пальто и побежала к реке. Ей хотелось побыстрее добраться до родной деревни! Там живут родные люди, там её встретит, виляя хвостом, добрый пёс Жук, хитрый кот Филька будет тереться о ноги, выпрашивая молока, а на конюшне ей всегда рад Грозный.

Люся упорно двигалась вперёд, хотя щёки обжигал хиус – пронзительный холодный ветер. На пути встречались переметённые участки дороги, но она, не замечая преград, увязая в сугробах, брела на виднеющихся вдалеке огоньки деревни. Замёрзшие слезинки кололи лицо, а реснички слиплись, покрывшись инеем. Она как будто и не замечала этого. Только на середине пути Люся почувствовала жжение в ладонке и поняла, что потеряла рукавичку, в растрепанных чувствах даже не заметив этого. Искать сейчас место, где могла обронить её, было бесполезно: метель усиливалась, а темнота скрывала всё, что можно было увидеть хотя бы на расстоянии вытянутой руки. Люся погрела руку тёплым дыханием и зачихала в карман пальто. Медленно переставляя ноги, она шла и шла в сторону деревни. Сегодня путь казался очень долгим, а дорога всё не заканчивалась. Уныние заполняло её душу и мысли.

\*\*\*

Конюшня стояла на краю деревни. Люся, замёрзшая, обессиленная, свалилась в тёплое помещение и почти без сил упала на расписную скамеечку у входа. Грозный стоял на привычном месте в стойле, деревянные стены которого Люся год назад летом украсила росписью, нарисовала солнце, красные цветы и зелёную травку. Она не забывала украшать и самого коня: часто вплетала в чёрный шелковистый хвост яркую ленточку, каждую неделю разную, и завязывала бантом – Грозный не возражал. Расчёсывала ему гриву специальным гребнем, что смастерил папа. Любовь к животным была семейная. У них в хозяйстве мирно уживались козы, овцы, куры, две коровы. Двор охранял пёс Жук, рыжий кот Филька исправно ловил мышей в хлеву и сарае. К тому же Люси-на мама работала дояркой в коровнике, а папа на конюшне. С ранних лет девчушка проводила там времени больше, чем дома. Когда она была совсем маленькая, папа выстрегал для неё игрушку – деревянного коня. Люся любила прижимать его к себе, брала с собой в кроватку, представляя, что это Грозный, он защитит её от разных злых «бабаек». Игрушечный конь и теперь стоял на полочке в Люсиной комнате, напоминая о счастливых дошкольных годах...

Люся подошла к коню. Грозный встретил, потряхивая густой, тёмной гривой, как будто всё знал и хотел сказать: «Понимаю, понимаю». Из его трепещущих ноздрей валил пар. Запыхавшаяся девчушка достала из кармана пальто крошки растоптанного мальчишками

куска хлеба. Конь с удовольствием проглотил угощение и уткнулся мокрым носом в Люсину ладонку. У девочки снова потекли слёзы. Она обняла за шею Грозного. «Только ты меня понимаешь», – прошептала Люся. Конь фыркнул в ответ, перебирая стройными ногами. Из больших грустных глаз его скатилась слеза.

Обычно Люся читала вслух Грозному одну из книг о животных, что регулярно брала в школьной библиотеке. Люся прочла почти все книги на эту тему, подходящие для своего возраста. Она набирала книги и на лето, бывало, зачитывалась до утра, благо летом на Севере светлые ночи. Но сегодня она просто сидела рядом.

Пробыв на конюшне около часа, немного успокоившись, Люся поспешила домой. Нужно было ещё сделать домашку и помочь родителям по хозяйству, ведь они целыми днями находились на работе. Мама вставала в четыре утра, топила печь, доила коров, потом крутилась на кухне, чтобы с наступлением нового дня у домочадцев был свежий хлеб. К шести утра мама с папой уже уходили, и Люся всегда собиралась в школу самостоятельно. Сегодня ей надо было вымести избу и начистить картошки на ужин.

\*\*\*

Зима продолжала властвовать. На Севере она суровая и величественная, долго не отдаёт права нежной нерешительной весне. Эта зима для Люси была трудной, мрачной, грустной. Пока не произошёл один случай, который изменил для неё всё вокруг...

В небольшом уютном кабинете у доски классный руководитель Анна Сергеевна, молодая учительница, объясняла ребятам новую тему урока. Вдруг внимание всех привлекло шебаршение около мусорной корзины в углу кабинета, позади учителя. Мышь! Как только дети поняли это, такое началось: визг, крики, девчонки и некоторые мальчишки повскакивали на стулья, а Вовка Гайкин даже спрятался за книжный шкаф. Мышка, по-видимому, сама испугавшись больше, чем дети, металась у стены. Люся вдруг остро поняла, что чувствовала мышка в этот момент! Сердечко девчонки забило чаще. Учительница пыталась успокоить класс, призывая ребят прекратить панику, но и сама в испуге, растерянности медленно отступала за учительский стол.

И тут Люся неожиданно для всех без спроса поднялась из-за парты. Она направилась прямо к бедному животному, под удивлённые взгляды одноклассников взяла в ладони мышку, приговаривая: «Маленькая, страшно тебе? Ничего не бойся. Я не дам тебя обидеть».

Одноклассники застыли с открытыми ртами. Анна Сергеевна, опомнившись, попросила Люсю вынести мышку на улицу и тщательно вымыть руки. Выйдя на крыльцо школы, девочка опустила на колени, раскрыла ладонки и

выпустила мышку на мягкий снег. Та помчалась в сторону ближайшего сарая и ловко юркнула в щёлку в стене. Люся помахала мышке вслед и вернулась в класс. Ребята смотрели на свою обычно такую тихую, незаметную одноклассницу совсем другими глазами. Из застенчивой девчонки она вдруг превратилась для них в смелую и решительную, чему позавидовали даже мальчишки! А Люся просто очень любила животных.

Она сидела за партой и чувствовала, что ребята смотрят на неё. Чувствовала она и то, что вдруг изменилась сама, стала увереннее, свободнее, как будто что-то тяжёлое упало с плеч. С этими мыслями девочка не заметила, как расправила плечи и перестала сутулиться. В Люсе не появилось ни капли гордыни, она просто интуитивно почувствовала дружелюбный настрой и интерес со стороны одноклассников.

Вовка крутился за партой. Видно было, что он никак не мог дождаться окончания урока. Люся не раз поймала на себе его взгляд – не такой, как всегда.

Закончился урок. Вовка первым подбежал к ней: «На, бери!» нарочито небрежно положил перед ней на парту бублик, который достал из портфеля. Девочка не успела удивиться, как вокруг собрались почти все одноклассники и наперебой спрашивали, было ли ей страшно. Всю перемену Люся, перескакивая с одного на другое, рассказывала им о своих животных, о Грозном, о том, какой это преданный конь, как ухаживать за лошадьми. На следующей перемене повторилось то же самое. Люся стала настоящей героиней дня. Она много знала, интересно отвечала на бесконечные вопросы. После уроков всей толпой ребята проводили Люсю до самой реки, где, распрощавшись, разошлись по домам.

Люся чувствовала, что в один момент изменилось всё вокруг, будто открылась дверь в новый чудесный мир. Она радостно, вприпрыжку бежала по скованной льдом реке, широко улыбаясь, ловила ртом падающие с неба снежинки. Она, смеясь, каталась на валенках по раскатынному льду и чуть не забыла свой портфель. Морозный воздух придавал бодрости, а первые лучи солнца, появляющиеся из-за горизонта пока только на двадцать минут, словно смеялись вместе с ней. «Я счастлива», – думала в этот момент девочка.

Добравшись до деревни, она увидела, как с пригорка спускается Грозный, запряжённый в сани. Люся поздоровалась с конюхом и поспешила обнять своего любимого коня: «Ребята со мной дружат!» – радостно прошептала она ему на ухо и помчалась домой.

Сегодня всё у неё получалось играючи и весело. Подметала ли пол, мыла посуду, – Люся мурлыкала себе под нос песенку и пританцовывала. Правда, над домашним заданием пришлось потрудиться, потому что она никак не могла сосредоточиться – мысли снова и снова



уносили её в класс.

\*\*\*

К концу учебного года пятиклашки ещё больше сдружились, и Люся чувствовала себя своей среди них. Чего только они не напридумывали вместе! Весной мальчишки на уроках труда сколотили кормушки для птиц, а потом всем классом их вешали во дворе школы. Птиц налетело! Теперь у них поющий двор. Класс взял шефство над старушкой, живущей неподалёку от школы в стареньком домишке. Это строение прошлого выделялось на фоне новых двухэтажных домов, словно старый пенёк посреди ельника. Вот и заметили ребята, что там живёт одинокая старушка, топит печь. Стали помогать ей колоть дрова, ходили в магазин за продуктами, в аптеку, подметали полы, вытирали пыль. И здесь пригодились Люсины знания ведения домашнего хозяйства. Она легко и быстро управлялась сама и могла дать дельный совет. Взволнованная, радостная баба Мара, так звали старушку, время от времени усаживала помощников пить чай со своими фирменными оладушками. Однажды баба Мара угощала их вкуснейшим вареньем. Люся никак не могла определить, из чего оно, поэтому попросила рецепт. Старушка с радостью поделилась. Она давно подметила, что Люся отличается от остальных девочек особым трудолюбием и старательностью. Гайкин тоже наблюдал за Люсей, стараясь как-то проявить себя, и даже подтянулся по учёбе. Он теперь не списывал у неё, а просил объяснить, если не понимал тему.

Как-то по весне Анна Сергеевна сообщила классу, что набирается летний трудовой лагерь для помощи в деревню, в которой живёт Люся. Большинство одноклассников с радостью приняли это известие и после уроков помчались спрашивать разрешения у родителей. Люся тоже обрадовалась: ведь теперь она сможет показать ребятам всё-всё в деревне, о чём так много рассказывала!

На следующий день половина класса принесли от родителей заявление на лагерь, в том числе и Вовка Гайкин, который с гордостью рассказал, что он даже поспорил с папой и отказался от поездки на юг к морю.

\*\*\*

Пришло долгожданное лето. Настало время отправляться в лагерь. Ребята во главе с Анной Сергеевной разместились на небольшом катерке. Родители, провожая, махали вслед и напутствовали, чтобы дети вели себя хорошо. Но звук работающего мотора заглушал их слова, летящие с берега. Ребята махали им в ответ и радовались путешествию. Весело и быстро за разговорами они преодолели путь. И вот уже показался высокий берег с аккуратными рядами домиков. У причала их ждала Люся. Она волновалась в предвкушении встречи. Рядом весело вилял хвостом пёс Жук. Он тоже взгляды

вался в водную гладь, как будто хотел первым увидеть катерок на горизонте.

И вот катер ткнулся носом в песчаный берег. Девчонки и мальчишки спускались по шаткому трапу, с любопытством озираясь по сторонам. Вовке пришлось подняться обратно, потому что он впопыхах забыл походный рюкзак, подаренный отцом специально для лагеря. Зря Вовка распахивал всех локтями, чтобы первым выйти – в итоге оказался последним.

Они отправились в деревенскую школу, где был обустроен лагерь. Там ребята будут кушать, спать и просто отдыхать после трудовых «подвигов». Сложив свои вещи в спортивный зал, они пошли на обзорную экскурсию по деревне. Анна Сергеевна осталась, чтобы решить организационные вопросы.

Люся повела одноклассников по центральной улице. Песчаная дорога пылила под ногами. Изредка попадались деревянные мостовые. По пути им встречались дети, взрослые.

– А чего они все здороваются с нами, мы же незнакомы? – спросил удивлённый Вовка.

– В деревне так принято, – со знанием дела пояснила Люся

Ей хотелось побыстрее познакомиться мальчишек и девчонок с грозным. Скоро они добрались до конюшни, где их взору предстал конь в красе давно знакомый по рассказам коня. Ребята тянули руки, чтобы погладить его, а грозный терпеливо жевал свежую траву, что принесли ему гости и как будто не обращал на них внимания. Люся могла долго любоваться конём и рассказывать о нём, но подумала, что ребятам ещё много чего нужно увидеть в деревне. И они побежали дальше.

– Тут клуб. Мы в нём проводим праздники, конкурсы, встречи разные, – указала Люся рукой на одноэтажное деревянное здание ярко-зелёного цвета. Они зашли внутрь. На небольшой сцене репетировал мальчик лет восьми, играя на гармошке.

– Мотья, это приехали мои одноклассники, – окликнула Люся гармониста. Мотья деловито поздоровался и продолжил разучивать свою «Во поле берёзу».

А Люся уже показывала, где находится её дом, огороды, где кот Филька поймал большую крысу, где растёт любимая трава козы Мани и многое другое.

– А хотите, я вам покажу старый телятник, там раньше телят держали, а теперь призрак женщины в белом бродит и завывает по вечерам? – заговорщицки сказала Люся, понизив голос.

– Давай! – хором ответили друзья, и девочка повела ребят в конец деревни. Полуразрушенный телятник располагался недалеко от реки.

– Люсь, расскажи, что за женщина? – попросила одноклассница Света.

– Да-да, расскажи, откуда ты это знаешь? А ты сама её видела? – вторили ребята.

– Я слышала от взрослых. Одна женщина

пропала в день своей свадьбы. Это было давно, ещё до войны с фашистами. Она была телятницей, побежала проведать коров и пропала. Так её и не нашли. Только весь тот день громко коровы мычали, никак их успокоить не удавалось. А потом в деревне новый телятник построили, а призрак невесты поселился тут. Чего она хочет, никто не знает. Но взрослые боятся сюда ходить, вдруг призрак с ними уйдёт в их дома, переселится. Потому и телятник не разбирают. Увидеть её можно только ночью.

К этому времени они уже стояли у подгнивших ворот. Железные скобы и петли проржавели, а всё деревянное строение покрылось мхом. Зайти внутрь ребята боялись и стояли в нерешительности. Тут в полуразрушенном здании что-то упало с таким грохотом, что мальчишки и девчонки с криком разбежались в разные стороны. Из телятника выскочил Жук и подбежал ластиться к Люсе. Немного успокоившись, ребята толпой отправились на обед. Пёс весело бежал с ними.

– Мне не страшно. Я сбегу завтра ночью смотреть призрака, кто со мной? – хорохорился Вовка Гайкин. Но все отказались, а Люся промолчала.

\*\*\*

Люся решила пожить летом вместе с ребятами, приехавшими в лагерь. Родители, не сомневаясь, отпустили её. Весь вечер перед поездом Люси они вспоминали свои школьные каникулы, проведённые в разных трудовых лагерях, даже песни спели, которые исполняли когда-то у вечернего костра.

В первый же день на обеде Люся заметила, как Гайкин запикивает в карман штанов хлеб, за ужином это повторилось. «Видимо, правда пойдёт в телятник», – подумала она и стала наблюдать за парнишкой. Перед отбоем ко сну Вовка пробрался на школьную кухню и взял спички, лежавшие возле печи.

Ночью, когда в спальнях стихли перешептывания и все заснули, Люся вдруг услышала скрип раскладушки в соседнем помещении. Она тихо встала и выглянула в коридор. Вовка одевался, чтобы не разбудить ребят. Потом он прошмыгнул на крыльцо. Девочка догадалась, куда он направился, чуть позже вышла из школы и, прячась за сараями, заборами, побежала за ним. Белые ночи ослепляли странным нереальным солнечным светом. Вокруг была тишина, только изредка гавкала собака или мычала корова. Даже комары, похоже, улеглись спать. Люся вдруг запнулась и, ойкнув, упала на траву. Вовка обернулся, но не заметил спрятавшуюся за забор Люсю. На всякий случай мальчишка схватил лежащую на дороге палку, крепко сжал в руках и прислушался. Люся замерла и даже задержала дыхание. Теперь Вовка продолжил путь, без конца оглядываясь по сторонам. Дойдя до старого телятника, он остановился в нерешительности, потоптался

немного, открыл ворота и сделал шаг.

По зданию гулял ветер. Люся осторожно пошла на звук Вовкиных шагов. Как вдруг сзади послышалось злобное рычание. Девочка медленно повернула голову и увидела недалеко от себя собачью пасть с оголившимися устрашающими клыками и капающей слюной. Грязная шерсть клочками свисала с тощих боков огромной собаки. Где-то неподалёку послышалось тьяканье. «Щенки!» – пронеслось в голове Люси. Ужас охватил её – она знала, какими опасными становятся животные, защищающие своё потомство! Собака уже готова была наброситься на девочку. Люся попятилась назад. Под её ногой хрустнула сгнившая доска, Люся от неожиданности и напряжения закричала. Ботинок застрял в разломе, и Люся никак не могла его вытащить. И тут она увидела Вовку. Он, всё ещё сжимавший в руках палку, осторожно, без резких движений встал между Люсей и собакой, достал из кармана хлеб и кинул подальше в сторону. Но собака даже не обратила внимания и продолжала, рыча, наступать.

В это время неподалёку с рыбалки возвращались местные рыбаки. Услышав крик, мужики бросились к строению. Ворвавшись внутрь, они увидели испуганных детей, отогнали собаку, освободили ногу Люси. В это время к телятнику как раз подъехал Мотья на телеге с впряжённым грозным. Он поджидал рыбаков, чтобы помочь перевести улов. Мужики погрузили рыбу, посадили Люсю, чтобы отвезти её, уставшую, к школе. Вовка с Митькой тащились позади.

Время приближалось к полуночи. В лагере все по-прежнему сладко спали. Повозку встретил старик-сторож и, судя по всему, очень удивился и огорчился, увидев сбежавших детей. Ворча что-то себе под нос, он заковылял к учительской, чтобы позвать Анну Сергеевну. Медсестра лагеря, разбуженная учительницей, осмотрела Люсину ногу, определила ушиб, наложила тугую повязку и отправила девочку в постель. Вовке, которого сразу загнали в мальчишескую спальню, долго не спалось. Он понимал, что виноват, что из-за него Люся теперь не сможет работать в лагере.

\*\*\*

Утро началось с допроса Вовки. Ребята спрашивали и спрашивали, но он упорно молчал. Анна Сергеевна отвела его в кабинет побеседовать вдвоём:

– Вова, как вы оказались в старом телятнике? – мальчик опустил голову. – Ты же понимаешь, что я должна позвонить твоим родителям, сообщить о случившемся. И тебя заберут домой.

Вовка резко поднял голову, тряхнув белобрысой чёлкой. Он смотрел прямо в глаза учителя и молчал. Анна Сергеевна отошла к окну. Через некоторое время Вовка заговорил:

– Это я подговорил Люсю пойти в телятник смотреть на призрака.



– Какого ещё призрака? – недоумённо спросила учительница.

– Ну, Люся рассказала нам вчера утром историю про призрака. Вот я её и уговорил сходить. Хотел посмотреть. А там собака вот такущая была, – мальчик развёл руки в стороны, – здоровенная, страшная! А Люся ногой застряла в полу. Вот, – шмыгнул носом Вовка. И вдогонку добавил: – Люся не виновата, это всё я.

– Понятно. Мне надо поговорить с Люсей. Отправляйся на завтрак, – закончила разговор Анна Сергеевна.

После завтрака ребят повели на конюшню. Анну Сергеевну заменили вожатые – два местных учителя. Сама же она наведлась к Люсе. Рано утром девочку проводили домой к родителям.

Родители были на работе. Люся лежала в постели, положив ногу на гору подушек. Анна Сергеевна присела на стул рядом с кроватью:

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – ответила девочка. – Мама обработала мне ушиб мазью из трав. Она хорошо в них разбирается, сама собирает, сушит.

– Расскажи мне, что произошло ночью?

– Мы ходили в телятник, а там собака была, моя нога застряла, – тяжело вздохнув, пробубнила Люся.

– Вова сказал, что это он тебя подговорил идти?

– Нет-нет, это я! Я рассказала историю про призрака, – заволновалась девочка.

– И что мне с вами делать? – задумалась Анна Сергеевна, встала, потом погладила Люсю по руке. – Ты, главное, выздоравливай».

Учительница ушла, а Люся задумалась: почему Вовка так сказал?

\*\*\*

После обеда Гайкин упросил Анну Сергеевну отпустить его проведать Люсю. Получив разрешение, он помчался к ней домой. Девочка была рада увидеть Вовку. Они долго разговаривали, смеялись, вспоминая, как им было страшно.

– А зачем ты взял с собой спички и хлеб? Призрака покормить? – пошутила Люся

– Да нет. Я подумал, что придётся долго ждать, когда появится призрак, и кушать захочу. Может всю ночь бы там просидел. А спички, чтобы огнём его отпугивать, мало ли, – пожал плечами мальчик.

– Спасибо тебе, Вова.

Он ничего не ответил, только, уходя, положил ватрушку на табурет рядом с кружкой молока:

– Вот, нам на завтрак давали, вкусная.

Табурет, застеленный цветастым платком, стоял возле постели, чтобы девочка смогла дотянуться, если захочется пить. Вовка, не оглядываясь, выскочил в сени, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Люся быстро шла на поправку, потому что честно выполняла все указания фельдшера. Да и мамина мазь была просто волшебной. Сколько синяков и шишек она уже вылечила ею!

Ночной случай навёл много шума среди детей в лагере и жителей деревни. Оказалось, что собака, живущая в телятнике, в прошлом году отстала от городских хозяев, проезжавших мимо деревни, а может быть и специально была оставлена. Там же был много раз замечен пёс Жук. Он приносил косточки и другую еду для кормящей матери, благодаря чему был сделан вывод, что он отец щенят. Люся стоворилась с родителями, и они забрали к себе кормящую мать с малышами. Хорошая собака всегда пригодится на охоте, рыбалке, а на крепкой собачьей упряжке можно зимой возить воду с реки и даже скататься в город.

Постепенно Люсины одноклассники привыкли к жизни в деревне. Они помогали на конюшне и в коровнике. Запах навоза их уже не пугал. Вовка остался в лагере, учительница взяла с него честное слово, что больше ничего такого не повторится. В городе об этом случае так и не узнали.

\*\*\*

– Тебе повезло с родителями, – задумчиво сказал Вовка, – они тебя любят. Вон как заботятся. А мои про меня забывают. Я им совсем не нужен. Соседи говорят, что они откупаются от меня подарками, потому что папа в возрасте и занимает большой пост на работе, а мама молодая и занимается собой больше, чем мной.

Мальчик часто приходил к Люсе в гости. Ни Люся, ни её родители не возражали. Друзья пили чай, разговаривали обо всём на свете и никак не могли наговориться. Сегодня Вовка долго разглядывал иконы в красном углу комнаты, видимо, стесняясь спросить.

– Мама молится у иконок, – ответила на его немой вопрос Люся. – Просит у Бога здоровья для меня и папы.

Она говорила почти шёпотом. Вовка опять задумался. Люся не раз слышала, как говорили учителя, что Вовка не дополучает родительской любви, заедает внутренние переживания и полнеет.

– Мама тебе шарфики, шапки, рукавички сама вяжет, а моя только в зеркало смотрится.

– Твои родители тоже тебя любят. По-своему... А хочешь, можешь оставаться у нас на всё лето. Мои мама с папой сами это предложили, – поспешила успокоить Люся.

– Правда, можно? – с надеждой спросил Вовка.

– Да. Спать будешь в балагане на чердаке. Там хорошо, вениками свежими пахнет и речку видать из окошка. Только тебе ведь надо у родителей отпроситься?

– Не. Всё равно папа с мамой уехали в отпуск, меня на соседку оставили под контроль.

И Вовка остался на всё лето в деревне. Когда

лагерная смена закончилась, он перебрался на уютный чердак Люсиного дома. Летом спать там было прохладно и тихо. Только комары гудели, безуспешно пытаясь пробраться в балаган.

Люсиная нога поправилась. В солнечный день Люся, Вовка и Мотыка переплыли на лодке на другой берег реки половить на удочку рыбу. Лодку выпросил у отца Мотыка. Вовка так радовался, когда у него клевало. Он с гордостью складывал улов в ведро с водой. Рыба плескалась и била хвостом, а Вовка, счастливый, поглядывал на Люсю. Лодка покачивалась на лёгкой волне, а солнце искрилось на поверхности воды. Река несла с собой прохладу и свежесть.

Пёс Жук ждал их на берегу и периодически облизывался. Когда лодка причалила, он со счастливым лаем прыгнул в воду, встречая юных рыбаков. Ему выделили несколько рыбёшек. Две он сразу съел, остальные, захватив зубами за хвосты, поволок к своей семье. «До-бытчик», – смеялись ребята.

В другие дни друзья бегали на бор за грибами и ягодами, в сильную жару плескались в реке. Не забывали и о Грозном, купали коня в реке, спасая от гнуса. Вова похудел, вытянулся, на щеках появился румянец. К концу лета он уже легко сам управлялся с вёслами, научился кататься верхом, часто помогал Люсиному отцу на конюшне. Даже дров наколот одинокой бабушке-соседке.

А ещё ребятам нравилось вечерами сидеть во дворе Люсиного дома на низенькой лавочке и разговаривать.

В середине августа пришла пора мальчишке возвращаться в город, готовиться к школе.

– Как мы без тебя будем управляться – ума не приложу, – сказала Люсиная мама, упаковывая в корзинку гостинцы: банку морошечного варенья, солянок, связку морковки, репы. – Приезжай к нам на зимние каникулы, с горы покатаешься.

– Спасибо! Обязательно приеду. Вот встанет река, на лыжах прибегу.

Люсин отец пожал Вовке руку:

– Ну, бывай, Вовка. Следующим летом будем пристройку к конюшне доделывать, лишние руки не помешают.

Люся долго махала вслед уплывающему катерку, на котором Вовка возвращался в город. Не успев попрощаться, он уже ждал новой встречи с Люсей.

\*\*\*

Наступило первое сентября. Солнце ласково грело землю. Золотые листочки берёз весело шелестели, обдуваемые лёгким ветерком. Школьный коридор расцвёл белыми фартуками и бантами девчонок, наполнился шумом и смехом. Старшеклассники степенно стояли группами у окон, рассказывая друг другу о прошедшем лете, возбуждённая малышня носилась, учителя встречали первоклассников.

Те, счастливые, с ранцами на плечах, с букетами полевых цветов расходились по своим первым школьным кабинетам.

Шестиклассница Люся сидела на скамейке в школьном коридоре и читала. Вернее, пыталась читать, чтобы скрыть волнение. «Уже почти все одноклассники пришли. Где же он?» – думала девочка. И тут среди толпы она увидела Вовку. На лице Люси засияла улыбка. Он шёл с большим букетом цветов, озираясь по сторонам. Встретившись взглядом с Люсей, Вовка покраснел до ушей и тоже заулыбался. Он подошёл, аккуратно присел рядом и положил на страницы её раскрытой книги шоколадку. Люся поблагодарила, застенчиво опустив глаза. Они сидели молча, но радость, что переполняла их, заставляла светиться глаза.

Тут Люся заметила Крестинку, которая стояла у стены напротив и в упор смотрела на них. Люся окликнула одноклассницу:

– Кристина, здравствуй. Как ты провела лето? Ой, ты же не ездила с нами в лагерь, не знаешь, как мы здорово жили в деревне! Представляешь...

– Не представляю! – вдруг злобно прервала её Крестинка, а потом скомкала какой-то листочек, что держала в руках. – И что ты разговариваешь с этой деревней? – спросила она, глядя Вовке прямо в глаза.

Мальчик резко встал:

– Она не деревня!

Крестинка только топнула ногой и зашла в кабинет. Люся не ожидала такого от соседки по парте. Весной они вроде даже немного подружились.

Начался классный час. Анна Сергеевна поприветствовала учеников. Крестинка сразу же подняла руку и попросила её пересадить от Люси. Тогда Вова встал и сказал, что он будет сидеть с Люсей. Люся ужасно расстроилась. Она не хотела ни с кем ссориться. Она только недавно обрела друзей, почувствовала себя своей в классе. Нахлынувшие воспоминания сдавили ей горло комком слёз. Но Вовка был рядом, он сжал её руку и Люсино сердечко вновь весело забило. После уроков Вовка проводил девочку до лодки. Он нёс её вещи и пытался развеселить. Люся была ему благодарна за это, хотя в душе вновь поселился страх: вдруг всё повторится и ребята опять начнут её обижать, ведь Крестинка может их подговорить, и Вова не захочет с ней общаться. А поддержка и общение с Вовой для неё стали просто необходимы.

На следующий день Люся обнаружила в своём портфеле гнилое яблоко и сразу догадалась, от кого этот «сюрприз». Вздохнув, девочка выкинула его в урну. «Наверно, Крестинка не успокоится», – подумала Люся и решила с ней поговорить.

– Отстань от Вовки, – тут же услышала она в ответ, – он мне нравится и будет дружить только со мной! – сказав это, Крестинка резко раз-



вернулась и направилась в класс.

– Но он сам выбирает, с кем дружить, – попыталась продолжить разговор Люся, догнав Кристинку. Но та, повернувшись, толкнула Люсю в грудь. Люся упала. Одноклассники, подбежали и помогли ей встать. Они не понимали, из-за чего девочки могли поссориться. Только Вовка догадывался и погрозил Кристинке кулаком. Та заплакала и удалилась к себе за парту.

Кристинка злобно поглядывала на бывшую соседку по парте все оставшиеся уроки. Видимо, злость в ней так кипела и бушевала, что она сломала пополам карандаш. После школы Вовка, по сложившейся традиции, пошёл провожать Люсю до реки. Взявшись за руки, они прогуливались по берегу. Тут их окликнула одноклассница Света. Она бежала, размахивала руками и что-то кричала. Люся с Вовкой ничего не могли понять. Приблизившись и немного отдышавшись, Света рассказала:

– Вот подлая Кристинка. Собрала всех ребят из класса, когда вы ушли, и начала им гадости про тебя говорить, – посмотрела Светлана на Люсю.

Люсе стало трудно дышать.

– Что она там болтала? – начал заводиться Вовка.

– Что Люся воровка и украла у неё брошку, которую ей мама подарила.

– Не брала я никакую брошку! И не видела её даже! – закричала Люся. Она взволнованно посмотрела на ребят, чтобы убедиться, что они верят ей, но ничего не смогла прочесть по их лицам и, расплакавшись, побежала к лодке – сосед уже причалил к берегу и ждал её.

– Люся, подожди! – крикнул было Вовка, двинувшись за ней, но тут же остановился.

Плакать перед соседом в лодке Люсе было неудобно: «Подумает ещё, что я малявка и нюни распустила». Она быстро вытерла слёзы, пока он не заметил. А на душе было гадко: «Зачем Кристинка так себя ведёт? Что я ей сделала? Наврала про какую-то брошку и воровкой выставила. Как мне сейчас быть? Надо, чтобы ребята мне поверили, наверно, они не захотят меня даже слушать. А Вова... Неужели и он сомневается? Вот тебе и прекрасное начало учебного года». С такими мыслями Люся, поблагодарив соседа, побежала на конюшню к Грозному. Она обняла коня и рассказала, что произошло. Тот как всегда внимательно слушал и лишь изредка махал хвостом.

\*\*\*

Для Люси начались жуткие дни. Все одноклассники, кроме Вовки и Светы, с опаской смотрели на неё и сторонились. Кристинка лишь ехидно посмеивалась.

– Расскажи всем, что я ничего не брала у тебя! – на первой же перемене потребовала Люся.

– С чего бы это? Брошки нет, а кроме тебя

некому её своровать, – нагло заявила Кристинка.

– Ты прекрасно знаешь, что это не я!

– Ты настоящая воровка, сначала Вовку у меня своровала, а теперь брошь. Пусть все об этом знают, что ты нечиста на руку, – злобно прошипела Кристинка.

Слёзы обиды за несправедливое обвинение подступали к глазам, но Люся твёрдо решила, что не покажет их Кристине, ни за что! Вовка поддерживал Люсю, но не влезал в девчачьи разборки, глядя на всю эту ситуацию как бы со стороны. Люсю злилась и обижалась. Ей казалось, что он поверил в это враньё, но просто не относится серьёзно. Но ведь это ужаснее всего! Он предал её!

Только слова мамы давали ей силы жить дальше и учиться в этом классе: «Дочка, правда всегда восторжествует, стоит лишь подождать». И Люся ждала.

Через пару недель после происшествия с пропажей на перемене к Люсе подбежала взволнованная Света и поделилась, что сейчас встретила в школьном коридоре старшеклассницу Наташу с красивой брошью на груди. Наташа слыла модницей, любила пофорсить, и хоть в школе не разрешали носить украшения на форме, она иногда появлялась с чем-нибудь эдаким на фартуке, пока не получила замечания учителей. Их разговор прервал звонок. Все 45 минут Люся мучилась догадками и нерешительностью, но с окончанием урока к ней пришло твёрдое решение поговорить с Наташей.

– Здравствуй.

– Что тебе?

– Какая у тебя красивая брошка.

– Да, за юбку обменяла у Кристинки.

– У Кристинки?

– Ну да.

– А она говорит, что у неё украли брошку.

– Как украли? Сейчас я с ней разберусь. Этого ещё мне не хватало. Как знала, что будут проблемы. Не хотела связываться с этой пигалицей!

Люся едва поспевала за Наташей, которая быстрым уверенным шагом направилась в кабинет, где занимался шестой класс. Увидев вместе и Люсю, и старшеклассницу, и свою брошь, Кристинка всё поняла, её хитрые глазки забегали.

– Кристинка, иди сюда! – громко позвала Наташа, чтобы весь класс слышал.

Одноклассникам стало интересно, зачем это Кристинка понадобилась старшекласснице, и они стали собираться поближе к ним.

– Ты же сама обменяла свою брошь на юбку, а теперь говоришь, что её украли, так? – напирала Наташа.

– Да, я забыла, что отдала её тебе, – мямлила Кристинка, теребя оборки фартука.

– Да, вот, не забывай и не распускай свой язык.

Наташа пошла к себе в класс, все ребята разошлись по группкам и обсуждали произошедшее. Кристинка, покраснев как рак, быстро собрала портфель и выбежала из класса. Вовка направился к Люсе, но она сделала вид, что не видит этого, отвернулась и подошла к Свете. Вовка не стал её останавливать.

После уроков шестиклашки собрались в кабинете у Анны Сергеевны.

– Что это вы? Что случилось? – удивилась учительница.

– Мы хотим все вместе извиниться перед Люсей, что поверили Кристинке и подозревали Люсю в воровстве.

– Так вот почему у Кристины внезапно разболелась голова и она отпросилась домой. Что ж, ребята. Вы правильно сделали. А в следующий раз сначала надо разобраться. Незаслуженное обвинение – это всегда тяжёлая ноша для человека...

Люся испытывала радость и воодушевление после открывшейся правды. Но в то же время она вдруг поняла, что в глубине души прочно закралась обида: ведь одноклассники поверили не ей, а Кристинке, и если бы не Света, чем бы всё закончилось?

После школы на улице Люсю и Свету догнала Наташа. Она сделала Люсе неожиданное предложение: в школьный театр для спектакля «Золушка» набирали актёров, и Наташа предложила Люсе главную роль.

– Понимаешь, твой типаж очень подходит, только с внешностью нужно немного поработать, стрижку сделать, осанку поправить. Ты особенная, у тебя получится. Ну что, берёшься?

Люся с трепетом ждала конца каждой недели, чтобы встретиться с Наташей и группой театра. В назначенное время в спортзале собрались участники. Принца играл тот самый

старшеклассник-спортсмен Саша – красивый, сильный, высокий. Он учился в 9 классе вместе с Наташей. Люсе особенно нравилось, когда на репетициях они примеряли туфельку и танцевали в центре внимания на балу. Саша крепко и одновременно нежно держал её за руку, а Люся улыбалась. И он всё чаще задерживал свой взгляд на её губах.

Однажды на репетиции присутствовала Света. В перерыве Люся подошла к ней и взволнованно спросила, показав взглядом на Сашу:

– Почему я о нём всё время думаю?

– Наверно, он тебе нравится.

– Да, нравится. Всё вокруг меняется, когда я вижу его.

– А как же Вовка?

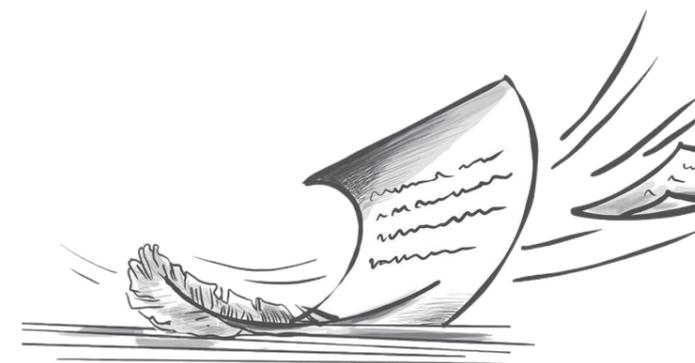
– Вовка – это другое. С Сашей так здорово, так... спокойно, понимаешь, он защитит всегда. Я чуть не упала на репетиции, а он меня поймал, представляешь?

Премьера спектакля состоялась перед Новым годом. Люсе подрезали и завили волосы, сделали чёлку. Эта причёска ей была очень к лицу. Пышное платье с оборочками и лентами, красивый ободок и блестящие туфельки дополнили образ настоящей принцессы. Люся играла как никогда: она растворилась в роли и если плакала, то заливала сцену настоящими слезами. Публика смотрела, затаив дыхание.

Вовка пришёл на спектакль с Кристинкой, которая не появлялась в школе целый месяц после истории с брошкой. Спектакль прошёл успешно, зрители аплодировали стоя. Выйдя на сцену уже в третий раз, Люся перехватила взгляд Вовки... но ничего не почувствовала. В этот момент к ней подошёл Саша:

– Пошли в кино? Я достал билеты.

– С удовольствием!



## Дружба длиною в жизнь



У меня потрясающая подруга!

А началась наша дружба почти шесть десятков лет назад. Лет с 6–7. Возможно, в таком возрасте это называется знакомство. Мы жили в одной деревне. Ходили в детский сад, затем в школу. Гуляли, играли, зимой катались с горки! А поскольку тогда школа у нас была только начальная, с пятого класса мы начали ездить учиться в другую деревню и жили там в интернате. Вот здесь начало нашей дружбы закрепилось сильнее. Интернат – своего рода уроки не только в школе, это уроки новой для нас жизни. Разлука с домом, с родными. Мы обе сильно скучали, порой плакали. Надо было перестраиваться и жить в другой, совершенно не домашней обстановке. Потом постепенно привыкали и с радостью ездили на каникулы к родителям.

А затем и в нашей деревне открыли новую среднюю школу. После учёбы в школе перед нами стал выбор, куда идти учиться дальше. Решили ехать в Архангельск. Шесть лет жизни в областном центре пролетели быстро, и мы вместе приняли решение вернуться на родину.

У себя в городе устроились в строительную организацию, жили в общежитии. Затем создали свои семьи и получили квартиры в одном доме. Стечение обстоятельств или судьба – интересно. Теперь уже наши взрослые дети общаются друг с другом. Жизнь идёт своим чередом.

Я хочу сказать, что судьба подарила мне шикарный подарок – встречу с чудесным человеком! В ней, моей подруге, столько доброты! Она чужую боль принимает как свою, первая спешит на помощь, никогда не осудит, выслушает, поймёт.

Она мудрая, а ещё человек с большим чувством юмора и отменным вкусом во всём. У неё дома всегда уютно и хорошо.

## Зинаида Корпанова

Рядом с ней надёжно и тепло.

Много за эти годы случилось казусов, неурядиц, ведь в жизни не бывает всё гладко. Саша, так зовут мою подругу, достойно принимала удары судьбы. Мужественно переносила утраты.

С годами переоцениваешь всё, что было. И восхищаешься тем, что рядом с тобой есть такой удивительный человек! Такие люди как солнышко, греют душевным теплом.

А эти строки посвящены словно ей и для неё! Так правильно сказано.

За то спасибо, что всегда ты рядом  
И часто понимаешь с полуслова.  
За то, что согреваешь нежным взглядом,  
Помочь и поддержать всегда готова.  
Ты выслушать умеешь терпеливо,  
И поболтать с тобою интересно.  
Уникальна, женственна, мила.  
Подруга, как ты хороша!  
И внешность, и твоя душа.

Иметь лучшую подругу – это настоящая ценность. Подружка – тот человек, с которым ты в здравии и в болезни, в радости и горе, сегодня и навсегда!



## Проза жизни

## Марина Филиппова

\*\*\*

Они уходят как-то невзначай,  
Оставив в сердце чувство невозврата.  
Всё остальное – боль, тоска, печаль –  
Придут, конечно, а не денутся куда-то.  
Они ушли, осталась пустота  
И то, что называется винойю.  
А если б я тогда... а может так...  
А вдруг бы помогло... Да нет, не стоит.  
Судьбы страницы не переписать,  
Исправить что-то мы с тобой не сможем.  
Нам остаётся только вспоминать.  
И сколь кому прожить-то – воля Божья.  
А им уже не важна наша боль,  
Чтобы туда уйти, не надо «блата».  
Им хочется, чтоб помнили всегда,  
Ну, или вспоминали хоть когда-то.

\*\*\*

Вот ты мне говоришь: «Не понимаешь,  
Ведь я люблю, а ты не отвечаешь,  
Ты в шутку переводишь все слова,  
Что я сказал тебе, сказал любя.  
Ты остаёшься холодна и равнодушна,  
С такой полуулыбкой на лице,  
Тебе от слов моих как будто скучно.  
Я ж пред тобой как белка в колесе!»  
Я понимаю, милый, понимаю.  
Но столько обижали не любя,  
Что душу я в кольчугу одеваю.  
Не обижайся, милый,  
Я люблю тебя!

\*\*\*

А жизнь проходит мимо не спеша,  
Хоть 50 – ещё не возраст, вроде.  
В квартире истомилась душа,  
Ей хочется остаться на природе.  
Ей в тундре хочется встречать рассвет.  
И наслаждаться дивным птичьим пеньем,  
Изгнать из сердца душную тоску,  
Его наполнить чем-то необычным.  
Чтоб получить душе отдохновенье,  
Чтоб радоваться первому лучу,  
Чтоб в лодке плыть по речке, по теченью,  
Я этого всей сущностью хочу.  
Как никогда честна перед собой,  
И пред тобой тоже, мой читатель,  
Ведь чтоб понять природы красоту,  
Всей брэнной жизни нам с тобой не хватит.

\*\*\*

И сколько б лет ни стукнуло сегодня,  
В душе останьтесь чуточку детьми,  
С теплом, с улыбкой чаще вспоминайте  
Те, невозвратные из детства, дни,  
Когда все лужи были по колено,  
Когда бумажный самолётик взвил,  
Из палки автомат бил несомненно.



Ты из песка куличики лепил.  
Ушло оно и больше не вернётся,  
Ты взрослой жизни пересёк черту.  
Лишь сны нас возвращают снова в детство,  
Да внуки дарят детскую мечту...

\*\*\*

Так где вы, настоящие друзья?  
Как ваши голоса звучали дружно,  
Когда вам что-то было нужно от меня.  
Как обещали поддержать в пути  
И руку дать мне, если вдруг споткнулась.  
Да, жизнь согнула круто, уронила,  
А вы спешите незамеченно пройти.  
Ну что ж, я встану, поднимусь с колен.  
И вновь вокруг друзей не молкнет гам.  
Я тоже улыбнусь вам всем в ответ,  
Но вот руки вам больше не подам.

\*\*\*

Желанье есть у женщины любой,  
Пожалуй, главное за жизнь прожитую:  
Смыть макияж и каблуки долой,  
Футболку нацепить, давно забытую,  
Ту, что не жмёт, не режет и не трёт,  
И растянулась чуть не до колен,  
Собрать причёску в хвост,  
Послав стилистов на..  
И «плюнуть» на посуду непомытую.  
Врубить музон, забраться на диван,  
По-детски подвернув под попу ногу,  
И залпом осушить вина стакан.  
Расплакаться, оттаяв понемногу.  
Остаться вот такую, настоящей.  
Наверное, вот это и есть СЧАСТЬЕ.





Наталья Чупрова

Для берёз – браслетики,  
Кулончики с секретиком.  
Ну а ивушкам в подарок  
Серьги с бриллиантами.  
Пусть сверкают ветки ярко  
Многими каратами.

Кто рассыпал бриллианты?  
Не найти теперь.  
Нарядились в них деревья  
В солнечный апрель.

\*\*\*

Задержалась Весна в пути.  
Не спешит растопить снега.  
А Зима и рада! Твердит,  
Что хозяйкою будет она.

И Мороз по ночам не спит,  
Всё трещит по углам избы.  
Утром снег под ногами скрипит  
И шумят во дворе воробы.

Издалёка по санному следу  
Долго к нам Весна пробиралась,  
Шила платью из чистого снега,  
А оно на клочки распадалось.

Обратилась Весна к брату Солнышку:  
«Сшей красивое платье из золота,  
Чтоб затмить серебристую Зимущку.  
Ей на отдых пора. Поработала».

\*\*\*

Я б нарядила Весну-Северянку  
В лёгкий искрящийся плат,  
Чтоб по нему, словно с горки на санках,  
Мчался капели парад.  
Чтобы сверкала сосулька на солнце,  
Словно хрустальный сосуд,  
Падали капли прозрачные звонко,  
В душу неся доброту.

\*\*\*

Бриллианты на снегу  
Кто рассыпал на бегу?  
Аккуратно соберу,  
Неприменно сберегу!  
Вот успеть бы до капли  
Бусы смастерить для ели.

\*\*\*

Ворвалась стремительно весна,  
В душу распахнув оконце.  
Веточку мимозы принесла  
Да кусочек золотого солнца.  
После долгой северной зимы,  
Стонущих метелей и буранов  
Ты вдруг понимаешь: без весны  
Все надежды рушатся и вянут.  
А весна поселит в сердце лучик,  
Опьянит бодрящим вдохновеньем  
И откроет свой волшебный ларчик:  
В нём секреты будущих творений.

\*\*\*

Сугробы меряя огромными шагами,  
Спешит опять на север к нам Весна.  
Ей хочется побыть подольше с нами,  
Порадовать и наградить сполна  
Лучами солнца и капелью звонкой  
Край скромный, тихий и такой родной,  
За то, что зиму выстоял достойно,  
В спор не вступал со стужей седой.  
И не ворчал на лютые морозы.  
Метели и бураны – всё стерпел.  
Так принимай же от Весны мимозы!  
Встречай любимых верных лебедей!

\*\*\*

Белое снежное платье,  
Словно из шёлка пошито.  
Кто же его обладатель?  
Январь ли, февраль ли сердитый.  
И тот, и другой очень рады  
В наряде таком щеголять.  
Беспечно дарить снегопады,  
Блаженство вокруг рассыпать.

\*\*\*

Лёгкий, пушистый снег  
В вальсе кружится плавно.  
Красит зимы паркет,  
В узоры сплетая славно.  
Щекочут снежинки нос  
И веселят прохожих.  
Январь кутерьму приподнёс.  
Мы ждать будем дней погожих.

\*\*\*

Уж как тихо поздним вечерком  
Закатилось солнышко за сопущку.  
Прилетели птицы, с говорком  
Опустились рядышком со стойбищем.  
Обращались птицы к облакам.  
К звездам устремляли взор высоко.  
Им хотелось солнца океан,  
Чтоб светило вечно и глубоко.  
До рассвета кликали в тиши,  
Крылья расправляя над туманом.  
И пробилась первые лучи,  
Засверкав на бубне у шамана.

\*\*\*

Богат гардероб у природы,  
И платья ей все к лицу.  
В швейном салоне погоды  
Предложат и шёлк, и парчу.  
В бархат весной облачатся.  
Осенью скромно – в сатин.  
Летом в капрон нарядится.  
Зимой – в меховой палантин.  
Под тёплым пушистым пледом  
Уснули березки в лесу.  
Осинки в каракуле рядом,  
Укутались и ждут весну.  
Фланелькой прикрыта травушка,  
Снится ей сон о весне:  
В ситцевом платье дубравушка,  
Пенёчек в еловом кашне.

\*\*\*

Зимний вечер. Звёздное небо.  
Зачарованно ввысь гляжу.  
Звёзд мерцание видеть люблю.  
Затаю дыхание, загадав мечту.  
Звёзды в вальсе кружатся плавно.  
Небо – словно роскошный зал.  
Но вдруг смело, осанисто, важно  
В пляс пускается карнавал.  
Кто танцует в парчовых платьях,  
Кто в узорчатой шали шалит,  
Кто вприсядку в нарядных уборах  
До упаду плясать сулит.  
Звёздный бал расплескался по небу,  
Манит россыпью серебра.  
Месяц сел в расписную карету,  
Облачив себя в жемчуга.  
Неземной красоте нет предела.  
Так изящно всё сплетено.  
Околдован величием неба.  
Это всё нам свыше дано!

\*\*\*

О чём поют осенние дожди  
Печально, монотонно и унывно?  
Как будто кто-то вырвал из груди  
Мелодию, звучащую надрывно.

Многообразно пение дождей:  
Звучат то с переливами звеняще,  
То, словно по струне души моей,  
Пробьются остро нотою щемящей.

И тихо с листопадом до утра  
Ведут они душевную беседу.  
Сопрано озорного ветерка  
В такт подпеваает и бежит по следу.

Смывает память пение дождя  
О летних днях, уже невозвратимых.  
Но грусть его хрустальная светла.  
И для унынья вовсе нет причины.

\*\*\*

Готовятся птицы к отлёту.  
Путь труден и очень далёк.  
О стае берёт заботу  
Мудрейший вожак-знаток.  
Летят за моря через горы  
Уставшие птицы на юг.  
Покинув родные просторы,  
Найдут благосклонный приют.  
И будет им тундра сниться  
Всю зиму до самой весны,  
Рек и озёр вереница,  
Край ягеля и тишины.

\*\*\*

Гуси, лебеди и утки  
Собрались на птицсовет.  
И решили по минутке  
Пред детьми держать ответ.  
Утка громко призывала:  
«В пять собраты у причала,  
Чтоб подняться до тумана.  
Только всем, чур, без обмана».  
Возмутился гусь: «Га-га!  
Что ты крикаешь зазря.  
Коль туман, так знать тепло.  
Да и в пять совсем темно».  
Лебедь вышел перед стаей  
И всем гордо объявил:  
«А когда прогноз узнаем,  
Вот тогда и полетим!»

\*\*\*

Первый снежок – белый-белый,  
Робко на землю падает.  
Лёгкий, пушистый, весёлый,  
Игривостью всех нас радует.  
Даже топтать боязненно  
Кристалльно чистый ковёр.  
Стою, улыбаясь радостно,  
Глядя на снежный узор.  
Из этих пушиночек нам бы



Хрустальный составить букет.  
Я руки тяну – о, поймать бы  
Хрусталики, звёздочки... Нет!  
Но, нет! Невозможно такое.  
Воздушные шарики тают  
И, в тёплой ладони покоясь,  
Бесследно они исчезают.

\*\*\*

Остыло небо... Вот-вот зима...  
В природе тихо и смиренно.  
Исчезла осени дождливой суета.  
Зима шагает важно и степенно.  
Посеребрила веточки берез.  
Припудрила слегка верхушки.  
И, разбросав по ельнику мороз,  
Укутала снежком дорожки.

\*\*\*

Осень устала плакать дождями.  
Хочется чистого ясного неба.  
Зимних нарядов, шалей с кистями,  
Мягких ковров и ушанок из снега.  
Хочется пить ледяной и бодрящий  
Зимний напиток из звёзд серебристых.  
И оперетту снежинок звенящих  
Слушать, волнуясь, средь елей пушистых.

\*\*\*

Скрылась за деревней тучка сизая,  
Не дождавшись первого дождя.  
Летний ситник заигрался, прыгая  
С ребятней у старого плетня.  
Раздарил все бусинки-дождейки.  
Окропил цветочные поля.  
Не оставив для себя слезинки,  
Брызнул на сухие тополя.  
И помчался к тучке:  
«Что взгрустнула?  
Не пришла ещё твоя пора.  
Вот наступит осень – побалуем.  
Не уйдем надолго со двора».

\*\*\*

Нарядились в золото одуванчики.  
Осторожно иду, не топчу.  
Кто-то вяжет из них букетики.  
Я ж, склоняясь над ними, шепчу:

– Украшайте родную землю.  
Пусть здесь холодно и ветра,  
Но короною жёлто-рыжею  
Улыбается солнце вам.  
Облака с золотыми каёмками  
Проплывают над чудо-ковром.  
Я сижу над раскрытой книгой  
И люблюсь цветами тайком.

\*\*\*

Оттенков акварели не хватает,  
Чтобы составить осени портрет!  
То юною красавицей предстанет,  
То горделивей дамы в мире нет.  
И яркий сарафан под стать девице  
Бордово-рыжий, рюшками обшит.  
На даме платье макси золотится,  
Накидка на плечах росой блестит.

Живописать такое совершенство  
Не каждому художнику дано.  
И созерцать подобное – блаженство,  
Шедевром в раме смотрится окно.

Не перепишешь заново картину.  
Палитра у природы – красок клад...  
Надену платье, болеро накину –  
На бал осенний приглашает сад!

\*\*\*

Заглянуло застенчиво в осень  
Бабье лето с кроткой улыбкой.  
Погостить ещё хочется очень  
Хоть немного в храме столь зыбком.  
Не с пустыми руками явилось.  
Дарит щедро друзьям подарки.  
И рябинкам словно приснилось,  
Что рубином горят они ярким.  
Рядом ивы в гранатовых бусах,  
В золотых сарафанах березки.  
В лучах солнца прячется муза.  
В кронах чудно слагаются строчки.  
Озарит лето ярким светом  
Красоту уходящей осени  
И по-летнему нежным букетом  
На прощанье взмахнет  
В небо с просинью.

### Шарок Сказочный рассказ

Стояла посреди деревни длинная и узкая речка. Да, именно стояла, потому что протекала она только весной во время ледохода и наводнения, всё остальное время стояла. И не речка это, вроде как, а шарок. Так ласково называли водоём жители деревни.

Уютно было шарку в деревне. Вдоль обоих берегов домики стояли, люди каждое утро спешили по своим делам: два мостика перекинуты через шарок по разным концам деревни. Не скучал шарок, пользу кой-какую людям приносил. Правда, после наводнения он становился уже и мельче, вода в нём мутнела. Но всё равно старушки меж собой толковали: «Как-никак вода рядом есть, на Печору-то беда далеко ходить. А тут хоть собак в жару напоить, хоть обувь резиновую помыть да полы в избе». Спустятся бабушки под бережок, начерпают аккуратно ковшиком воды (сверху-то она чистая) и довольнѐхоньки.

А весной во время наводнения Печора-матушка с двух сторон наполняла шарок ледяной водой. Он разливался так, что подбирался близко-близко к домам, без разрешения заходил во двор, а иногда и на крылечко. Люди прямо с крыльца садились в лодки и отправлялись кто на работу, кто в школу, кто в магазин за продуктами. Правда, взрослым это доставляло много хлопот, зато несказанно радовалась детвора. Потом лёд уносило всё дальше в море, вода постепенно начинала убывать, шарок грустил и с нетерпением ждал следующей весны.

Как-то летним днём по деревне прошёл сильный ливень, наполнив шарок свежей водой. Он взбодрился, повеселел.

– Чему ты радуешься, чудак, – услышал он сверху чей-то голос.

Шарок взглянул на берег и увидел лужу.

– Ты скоро высохнешь, и про тебя все забудут, – продолжала лужа.

– Неправда, – ответил шарок, – я буду жить, пока стоит деревня, я нужен людям. А вот ты к вечеру высохнешь. Смотри, какое солнце.

И действительно, к вечеру от лужи не осталось и следа.

Приближалась осень, а там и зима. «Но ведь и зимой я буду полезен, – думал шарок, – по льду будут кататься дети на коньках и на санках, снегоходы смело пройдут по мне...».

Тихо и спокойно перезимовал шарок подо льдом. А весной, когда лёд стал тоньше, услышал шарок мужские голоса: «Лёд-то на Печоре толстый, опять вода будет большая». Шарок очень обрадовался: значит не высохнет, значит будет жить!

От автора

В деревне Андеге Ненецкого автономного округа есть такой шарок. Он на самом деле расположен среди деревни. И мы ездили на лодках во время наводнения прямо с крыльца в школу, ни на один день не прекращая учёбу или экзамены.

Проза

## Три дня из жизни домового



### Анастасия Хабарова

комнатушку его нашла, как ни старался Еремей чужие глаза от своего жилья отвести. Ну да ладно. С ней как-то веселей стало. Скоро опять должна прийти. О, стучит.

– Дедушко, ты дома? – раздался тоненький голосок.

– Дома, дома. Заходи, коль пришла, – привычно ворчливо сказал Еремей.

Девочка зашла в комнатку, села на сундучок и начала болтать ногами. Домовой с любопытством ждал, когда же она начнёт задавать вопросы. Их у малышки всегда было много. Как и конфет, до которых Еремей был большой охотник. Впрочем, даже если бы не было сладостей, старик всё равно был бы рад визитам этой маленькой стрекозы.

– Дедушка, а я тебе конфет принесла, – наконец заговорила хитрюга.

– Спасибо, – солидно пробасил домовой. – Чего спросить хочешь?

– Дедушко, а тебе сколько лет?

– Много. А тебе зачем?

– Да так, просто. Ну, раз тебе много лет, значит ты и видел много? Как тут раньше было?

– Шумно. Народу много, домов много. Скотину почти все держали. Домовых да овинни-

– А-а-а! Отдай! Мама! Он мне машинку не отдаёт!

Старый домовой Еремей от раздавшегося с утра крика даже подскочил, чуть не ударившись головой о притолоку своей комнатки. «Да что такое? – заворчал Хозяин. – Неужто нельзя спокойно жить? Каждый день кричат. И ведь не злые, любят друг друга».

Еремей был домовым старым, степенным. С этой семьёй жил давно, только дома менял. Последние годы тихо было. Все выросли. А потом появились они. Внуки. Спокойной жизни настал конец. А тут ещё выяснилось, что самая маленькая, самая боевая внучка его видит. И



ков было!..

– А кто такие овинники?

– Они похожи на домовых, только живут не в домах, а в овинах, хлебах. За скотом присматривают.

– А ты всегда в этом доме жил?

– Нет. Я раньше у прабабушки твоей жил, на берегу. Место высокое, красивое. Потом тот дом снесли, а меня твой дедушка с собой в новый дом позвал.

– А как тебе там жилось?

– Хорошо, спокойно. Я ещё и за соседями присматривал. Жила там женщина. Одна, без мужа, без детей. Добрая была, хорошая. Трефеной звали.

– А почему одна?

– Война была. Мужа её молодого убили. А она второй раз выходить отказалась. А ведь звали. «Как, – говорит, – я за другого замуж пойду? Вдруг Ванечка вернётся, а я не дождалась». Так всю жизнь и прождала. Слово плохого ни о ком не сказала, на жизнь не жаловалась, чужих детей нянчила.

– А разве бывает, чтобы убитые возвращались? – спросила девочка.

– Ошибки бывают. Придёт похоронное письмо, а потом оказывается, что жив человек. Много таких случаев было. Ты вон бабушку свою спроси. Она знает. На её отца тоже похоронка пришла, а он жив оказался.

– Как?!

– А так. Прадед твой моряком был. Корабль их потопили, часть команды погибла, а несколько человек, и среди них прадедушка, выплыли и до своих дошли. И такое бывало. Кто через месяц приходил, кто через полгода, а кто и через несколько лет. Трефена Ивановна о таких случаях тоже слышала, потому и ждала.

– Грустно... А что было бы, если бы дедушка тебя с собой не позвал?

– Плохо бы мне было. Домовому без дома нельзя. Одичает, а потом и сгинет. Ну ладно, беги, я скоро спать лягу.

– Хорошо, дедушко. Я к тебе завтра забегу.

Дверь закрылась, Еремей улёгся отдыхать. Сны ему снились тяжёлые: будто бы не осталось в деревне никого, а в пустых домах воют с тоски одичавшие домовые. Проснулся в холодном поту. «Уф, сон. Только сон, – подумал про себя старичок. – Жива ещё деревня, и домовые живы. Надо будет в гости сходить».

– Дедушка! Я сегодня паучка видела! – раздался радостный голосок его маленькой подружки, а мгновение спустя и сама кроха прибежала в жилище Еремея.

– Не испугалась? – спросил домовый.

– Не-ет! Он хорошенький!

– Какой-какой? – старик даже поперхнулся от неожиданности. – Хорошенький? Ну ты даёшь... Пауки, конечно, животные в хозяйстве полезные, но чтоб хорошенькие?..

– А мне и маме понравился. Маленький, чёрненький, паутинка красивая.

– Ну, хорошо, коли так. Значит, обижать не будешь.

– Нет! Дедушка, а ты сегодня чем занимаешься будешь?

– Пойду, посмотрю, что в хозяйстве делается. Мышь приструнить надо, а то шмелей обижает. А без них в огороде как? Никто не жужжит, цветы не опыляет. Трудяги они, да и характер хороший.

– Мне они тоже нравятся. Толстенькие, пушистые. Гудят так смешно! А потом что делать будешь?

– В гости к соседу-домовому схожу, давно не виделись. В карты поиграем. Он ещё себе какую-то штуковину хитрую приобрёл, как у дедушки твоего. С неё можно с теми общаться, кто далеко находится. У Бабы-Яги есть тарелка с яблоком, я сначала хотел с ней договориться, да только там связь, как это сказать, в одну сторону работает: я всех вижу, меня – нет. А ведь поговорить хочется.

– Ты про компьютер?

– Он самый. Только не для людей, а для нас, домовых да всякой мелкой нечисти. Может, себе такой приобрету. Буду с дальними родственниками разговаривать. Нас, домовых, по всему миру много, только зовёмся мы по-разному. А ты что ещё хорошего видела?

– Хлопнут!

– Что-что? Хлопнут? А что это?

– Ну, дедушка! Это когда всё сверкает, бабахает, свистит!

– Салют, что ли?

– Ага!

– А почему «хлопнут»?

– Ну там же всё хлопает!

– И то верно.

– А мы завтра уезжаем. Сейчас вещи собирать будем. Дедушка, ты не скучай только. Мы скоро снова приедем. Я побежала. Завтра зайду.

Малышка убежала, смешно подпрыгивая на ходу. А старый домовый задумался: «Уезжают. Так быстро. Спрятать что-нибудь что ли? Да ну, солидный домовый, а такие несерьёзные вещи в голову лезут. Сказала же, что приедут скоро». С этими мыслями Еремей проходил до вечера, сделал всё, что хотел и пошёл спать. Ему опять снились сны, но на сей раз яркие, весёлые, светлые. Даже хло..., тьфу, салют приснился.

Встал домовый рано посвежевшим, повеселевшим. Девочка забежала, принесла большую ватрушку с творогом. Обняла Еремея, попросила приглядеть за бабушкой и дедушкой.

А потом всё стало тихо, размеренно. И скучно. Одно радовало – это ненадолго. И скоро снова раздастся весёлый смех, топот ножек, крики по утрам и бесконечные вопросы.

## Коллекция



*Меня зовут Мария Александровна Выучейская. Родилась в г. Ухте Республики Коми. Во время учёбы участвовала в конкурсах сочинений, пробовала писать стихи, но «для себя». Выбрав профессию учителя, поступила в колледж, затем в пединститут в г. Сыктывкаре. Там тоже занималась творчеством: писала конспекты, сценарии классных часов, концертов, иногда очерки, статьи в институтскую газету (под своим именем) и эссе (под псевдонимом, т.к. стеснялась своего творчества). После получения образования 3 года проработала в Великовической школе, выпустила класс и переехала в город. Наверно, стоит обозначить, как я попала в округ. А всё просто! Вернулась на историческую родину мамы (она с д. Волоковой). Большая часть моих родственников живёт в Нарьян-Маре.*

*Семья у нас читающая, поэтому с детства люблю книги. С 2013 года веду читательский дневник – первые шаги к реализации моей мечты! Не можешь писать – читай и пиши о книгах. Впоследствии поняла, что мыслям тесно в голове, и стала писать очерки. Главная мечта – написать книгу о моей бабушке Выучейской Марии Александровне, которая всю жизнь прожила в тундре.*

### Коллекция

В интернете однажды прочла о девушке. О девушке, которая коллекционировала воспоминания! Когда она ездила в отпуск, то покупала мыло с приятным запахом и пользовалась только им. По сути, она коллекционировала запахи. Каждый аромат ассоциировался с конкретным местом. И когда ей становилось груст-

## Мария Выучейская

но или накатывала усталость, то из таинственной шкатулочки появлялся кусочек лета!

С недавних пор я тоже начала собирать Воспоминания. Становлюсь сентиментальной. Но я коллекционирую бесплатные воспоминания. От бабушки привезла сосновую шишку в кармане куртки. В городе, показав эту шишку подруге, я смугилась. Ожидав восхищения (шишкой!), я увидела удивление и непонимание: «Зачем? Что, в городе шишек мало?». Меня осадил, я растерялась и примолкла... А так хотелось поделиться воспоминаниями о комарном лете, об упавшем дереве, о пересохшем колодце, об ураганном ветре, когда я стояла на берегу Захаринки и не могла вздохнуть полной грудью, об удачном фото с бабушкой, о том, что это не просто шишка, что это... воспоминания, что это... кусочек лета. Лето, в котором мы жили втроём на лоне природы, три Марии (моя бабушка, её золовка и я). В один из походов за водой, я и нашла эту шишку, даже не помню, в каком месте. Подняла, положила в карман, как будто украла, и чувствовала, как оттягивается карман. Она – эта шишка – источник моих воспоминаний!

Дело в том, что хотелось взять что-то, отсутствие чего не будет заметно. Шишка – как раз то самое что-то.

Позже я поехала на море в другую страну. Мне тоже хотелось привезти оттуда воспоминания. Тёплое море, обжигающее солнце, новые знакомства. Я не могу это объяснить, но мои мысли реализовались.

Последний день на море. Встав в 5:30, пошла искупаться. Когда собиралась уходить с пляжа, ко мне подошёл дедушка. Не знаю, кем он работал: смотрителем или ночным сторожем, но мы частенько встречались именно по утрам! Когда он подошёл, то протянул мне маленькую ракушку! Это именно то, что сохранит мои воспоминания! Эта ракушка – символ моих воспоминаний! И главное, что мне их подарил местный житель, это так трогательно. В тот момент я была такая счастливая и ещё раз убедилась в том, что мысли материальны

Наверное, в детстве все собирали камни. Мы в тундре находили много камешков. Где они сейчас? Следующее воспоминание как раз связано с ними... Два камешка из Абхазии! Я не знаю, как они сохранились, эти кусочки воспоминаний. Я очень жалею, что не стала



собирать эти воспоминания раньше, хотя, с другой стороны, может быть это к лучшему? Возможно, я их не собирала, потому что планировала вернуться в те места. Ведь страшно поверить, что, возможно, я больше не буду собирать шишки, принимать ракушки, искать камешки... Потому что жизнь не стоит на месте, всё течёт, всё меняется. Я просто очень хочу коллекцию воспоминаний...

11.10.2021

### В сквере

Я её увидела, когда шла на работу.

На улице было тепло, но моросил дождик. Выбрав дорогу, которая мне не очень нравилась, я злилась. (Если не нравится, зачем по ней идти? А потому что ближе!) Решив немного изменить маршрут, свернула в Литературный сквер. Как мне нравится этот уютный уголок нашего городка! Я шла по пустым аллеям, мысли не задерживались в голове, но меня это не тревожило. Голые деревья сиротливо покачивались на ветру, кое-где трепетали последние листочки. Всё такое серое, хмурое, даже скамейки казались печальными и одинокими. Но тут пейзаж наполнила женщина.

У неё были высокие коричневые сапоги. Стоптаные, – наверное, она очень много ходит. Красивое тёмно-бордовое пальто, нет, тёмно-красное! Честно говоря, эта игра цвета меня позабавила. Идя, я мысленно обращалась к женщине: «Какого цвета ваше пальто?» Но не могла с точностью определиться с цветом. На её голове был беретик. Тёплый. Такого жёлтого цвета. Сумочка! А вот она как раз бордовая! И бордовые перчатки! И всё это так гармонично сочеталось! Она была прекрасна! Эта грузная женщина в пальто! Она шла слишком быстро, чтобы успеть любоваться природой. А я шла за ней и... любовалась ею! Совсем не идеальной, куда-то спешащей. Но как она была прекрасна в этот момент! Она могла бы стать чьей-то музой! (И стала! Моей!) Мне хотелось просто остановиться и сфотографировать её. В своей памяти я запечатлела этот момент. Шла, смотрела на неё, и мне было так приятно, так тепло, я улыбалась и мысленно делала ей комплименты!

Когда мы поравнялась, мне так хотелось сказать ей, как она прекрасна! Но не решилась. Что женщина могла обо мне подумать? Мы вообще не привыкли делать комплименты незнакомым людям, да и знакомым. Зачастую мы не умеем и принимать комплименты! Когда мы разминулись с моей незнакомкой, я подумала о том, как часто делаю комплименты людям, не произнося их вслух. Если вижу красивую девушку, то думаю: «Какая вы красивая!» Когда вижу молодого человека, который помогает своему ребёнку застегнуть курточку, думаю: «Какой вы молодец! Вы настоящий мужчина, заботливый отец, как повезло вашей жене!»

Мысленно я делаю столько комплиментов, но вслух этого не произношу. И так очень часто бывает, что мы не делаем комплименты, потому что боимся реакции людей. Боимся, что люди как-то не так отреагируют на наши комплименты, не так посмотрят, не так ответят. А вдруг они подумают, что мне что-то надо. Я и сама иногда настораживаюсь, когда мне делают комплименты: «Господи, чего от меня хотят?» Но ведь не всегда человеку что-то надо! Когда я говорю комплимент, то делаю это от чистого сердца! Даже если этот комплимент высосала из пальца! Но раз его делаю, значит это только ради того, чтобы поднять настроение человеку! Хочу, чтобы он улыбнулся, чтобы ему было приятно! Но как это донести до других?

07.10.2021

### Педагог с большой буквы

*«Пусть учитель, помогая, живёт для вечности, но пусть, живя, помогает настоящему. Если он так поступает, если он, любя, живёт ради вечности и для настоящего, тогда пусть не заботят пределы силы его любви. Любовь его поколения присоединится к его любви. Для своей любви он найдёт помощь, как находит помощь терпящий бедствие благородный человек»*

Шалва Амонашвили

На выбор моей профессии сильно повлияла первая учительница – Ирина Владимировна Мартынова. Она открыла для меня удивительный мир под названием «Школа»! Позже на моём жизненном пути было много учителей, нет, не так... УЧИТЕЛЕЙ. И среди них была одна, о которой я всегда вспоминаю с любовью и трепетом.

Воспоминания о ней связаны с юностью. Приятная грусть овладевает, когда я вспоминаю о ней. Это моя вторая школьная мама. Мой классный руководитель – Ольга Васильевна Мальцева. Я не помню историю нашего знакомства. Ольга Васильевна не была похожа на учителя, скорее на студентку, которая заскочила к нам на урок. Заскочила? Нет, впорхнула в наш школьный мир. Я училась в большой школе, я боялась идти в 5 класс, я была в ужасе от предстоящего! А там... она! Ольгу Васильевну можно было сравнить с феей – маленькая, хрупкая, незащищённая (это нам так казалось). На деле Ольга Васильевна с энтузиазмом взялась за работу и за наш класс! Боролась с «какографией» и нашей «культурной речью», ведь преподавала русский язык и литературу. Мы с первых дней дали учителю «псевдоним» – Оля. Он так и закрепился, до выхода нашей Оли в декрет. Доучивал нас другой учитель, но это было потом. Ольга Васильевна действительно была хрупкой – невысокого роста, короткая стрижка, очки, которые она так забавно по-

правляла, и огромное сердце! Учительница открывала нам не только мир классиков, но и мир дружбы. Именно Ольга Васильевна привила мне любовь к чтению и русскому языку, хотя я это поняла гораздо позже, да так и не сказала ей спасибо. Только увлеченный человек способен на такое. Невозможно кого-то заставить влюбиться в русский язык: в тяжёлый слог, нагромождённость конструкций и, в то же время, в его лёгкость, доступность, самобытность. Можно только показать эту многогранность родного языка. Показать и влюбить! Не все нормы русского языка мною усвоены на «отлично», простите меня, Ольга Васильевна. Но любовь к родному языку, как и к вам, живёт в моём сердце.

Да, Олю мы любили. Любили и испытывали. Испытывали, как это умеют делать только подростки, порою даже не догадываясь о том, что это жестоко. Мы проверяли, как далеко мы можем зайти. Главное испытание – доведём ли до слёз? Возможно, после школы, когда её никто не видел, наша Оля и давала волю слезам, но в школе – никогда! За это мы её уважали! Уважали больше других учителей! Уважаем до сих пор!

Почему я решила написать об Ольге Васильевне? Конечно, она давала нам знания, но в школьные годы мне это казалось не первоочередным. Она нам давала Любовь! Свою любовь. Любовь, поддержку и понимание! Мы ей доверяли, рассказывали свои секреты и тайны, делились проблемами. Наш класс считался сложным. Но мы не были плохими, и Ольга Васильевна это видела. У неё огромное Сердце! Сердце, вместившее в себя 33 ребенка!

03.10.2021

### Море

Утреннее море прекрасно! Оно манит, протягивает руки-волны и тихо шепчет: «Тшш-тшш-тшш...». Оно успокаивает, приглашая окунуться... Море, как парное молоко. Оно обволакивает тело, уносит все тревоги и печали, смывает всё плохое. Море утешает: «Тшш-тшш-тшш...».

Солнце... Оно выглядывает, проверяет море. Было сумеречно, даже пасмурно. Но вот первые лучи солнца скользнули по глади воды, согревая и лаская. Море шепчет своему другу: «Тшш-тшш-тшш... всё хорошо... Я рада нашей встрече...». Прекрасна лунная дорожка, но как

прекрасна дорожка солнца! Она вселяет уверенность. Лучи нежно ласкают кожу человека – невольного свидетеля встречи двух верных друзей. Бывает ли между ними разлад? Человеку неведомо... Но сегодня его ласкают лучи любви, даря веру и покой, а море убаюкивает на волнах... тшш-тшш-тшш...

г. Аланья  
10.07.2021

### Отзыв о книге

До чего люблю классику! Прочла «Дым» Ивана Сергеевича Тургенева. Читать было интересно, но очень мало времени и часто, одолев главу, мне было необходимо её «переварить». Главные герои и симпатизировали, и отталкивали, и вызывали недоумение! Я себя успокаивала, что это обычные люди, всем нам свойственно ошибаться. Например, Татьяна, одна из ключевых фигур! Благородная, внимательная и мудрая. Приехав в Баден, она увидела, что с женихом её что-то неладно. Но она набралась терпения и наблюдала. Зато Ирина отталкивает с первых минут знакомства: избалованная, высокомерная, ей просто скучно жить! Несмотря на свой ум, которого я не заметила, но на который указывает автор, Ирина не нашла себе интересного занятия за годы разлуки с Григорием. Единственное, что в ней есть, – это красота. А Литвинов! Несколько лет назад Ирина уже от него отказалась, и это было тяжёлым испытанием для героя, а тут поманила... И вновь Ирина разбивает сердце Григория, наслаждаясь победой. В начале произведения Литвинов предстаёт честным, добропорядочным, но увидев красивую женщину, потерялся.

Дым – это символ, пелена. Дым рассеялся – пелена спала... Даже умные речи всего лишь напускное...

Главное для меня (как любителя счастливых концов) было то, что Григорий приехал к Татьяне. А она очень мудрая и достойная женщина. Умеющая прощать, понимать, главное – ждать. Татьяна знала, что он придёт. Я в этом уверена!

А как прекрасен наш русский язык! С каждым разом убеждаюсь, насколько он богат и разнообразен. Честно говоря, ещё и тяжёл! Иногда он даже вязкий, но от этого ещё более притягательный!

Мое мнение – русский язык самый ёмкий, красивый и богатый!

18.09.2021



## Поездка на родину предков

### Надежда Соколова

*«Родилась, училась в Нарьян-Маре, тут же окончила НАЭТ им. В.Г. Волкова, СГК им. И.П. Выучейского, далее университет в СПб. Главная страсть – к путешествиям и учёбе, любознательна. Хобби – хочется научиться всему и сразу: изо, фото, вокалу, хореографии, коми и английскому языку... Изучаю историю родов деда и бабушки. Обожаю детей и внуков. По образованию бухгалтер, преподаватель и технолог социально-культурной деятельности, педагог-организатор, режиссёр. Много лет преподаю в дополнительном образовании, веду театр-студию «Отражение». Волонтёр Победы, председатель ТОС «Молодежный».*



#### Часть 1

Зовут меня Надежда. Дама, так сказать, бальзаковского возраста, ну, может, слегка за... Года три назад стала изучать историю семьи, благодаря этому восстановила затерянные родственные связи. Оказался наш род огромным, и сейчас его представители есть в Белоруссии, в Крыму, в Москве – много где. И на родной стороне ушке предков живут – в Республике Коми. Вот и решили мы с дочерью Лианой поехать на родные просторы, а точнее в деревню Чаркабож.

Отправились на новом для себя виде транспорта – пароме. Мы считали, что судно на канатах тащит за собой паром, но очень удивились, что происходит всё с точностью наоборот: судно толкает баржу впереди себя, так что именно она разрешила водную гладь. Какие прекрасные картины возникали перед нами, какие удивительные пейзажи! Как всегда, появлялась мысль: ну почему я не художник, чтобы запечатлеть такую красоту!

В путь мы отправились днём. Как только прошла посадка, вышли на палубу сделать первые фото и видео нашего путешествия. Нас провожали морские суда, стоявшие у причала, портовые краны. Лёгкий ветерок обдувал лица, играл волосами. Пригревало солнышко. Сколько нас собралось! Взрослые, дети оживлённо болтали, всеобщая радость начала чего-то удивительного, завораживающего, невероятного охватила всех. Ведь именно этого мы ждём от отпуска – чуда, сказку.

Паром отходил всё дальше и дальше от любимого нарьянмарского берега. Глядя на судно «Руслан», сразу вспомнились строчки из песни Юрия Антонова:

Ах, белый теплоход, гудка тревожный бас,  
Крик чаек за кормой, сиянье синих глаз.  
Ах, белый теплоход, бегущая вода,  
Уносишь ты меня, скажи, куда?

К вечеру небо стало тёмным с какими-то невероятными, сказочно пугающими тучами и начался дождь. Люди с палубы спускались в каюты, и только детишки изредка выбежали пораздаться и попрыгать под дождём. На меня дождь и река всегда навевают философские мысли. Думаешь: вода – это счастье путешествия, радость и в то же время беда и несчастье. Сколько времени прошло, сколько лодок, теплоходов бороздило реки. Сколько капитанов, экипажей, пассажиров смотрели вдаль и задумывались о чём-то близком, родном. Вот и мой дед был капитаном колесного судна. Любовь к водной глади передал всем. Много в нашем роду речников и моряков. Вода и стала в будущем причиной заболевания деда. Во время войны весной ходил он через реку вещи на хлеб менять, а на обратном пути провалился под лёд. Чудом выкарабкался и дошёл до дома. Потом заболел, выздоровел, но спустя годы этот случай дал о себе знать.

Дождь усилился и в каютах засопели детки. А за ними и взрослые. Моя дочь от пережитых впечатлений уснуть не могла и стала вслух придумывать рассказы о морских обитателях, живущих на дне. Так я и уснула...

\*\*\*

К утру тучи рассеялись, и опять пассажиры стали выходить, чтобы наслаждаться водными просторами да временами спорить: какую деревеньку скоро заметим вдали.

На следующее утро мы уже были в Щельяуре! Вроде посёлок, но на берегу столько машин, как в городе. Подняться в горку от реки было даже страшновато, но идти надо. Подарки не всем купили.

Когда взойти на горку, первое, что увидели с правой стороны – магазин «Магнит». Посмеялись – у нас в городе нет, а в небольшом посёлке – пожалуйста. Но оказалось, что он там не один. Магазины там более десяти. В нашем городском микрорайоне наверно жителей около 1000 и долгое время был только один магазин, сейчас четыре, а там за каждым поворотом, да не по одному. Потом только сообразили, что приезжают туда паромы с машинами, водителей, пассажиров за летний период проезжает много за сезон.

Но для нас чудом было не это, а то, что мы увидели лошадь, запряжённую в телегу! И она перевозила груз! Мы думали, что это уже давно в прошлом, что лошади остались только для катания. Ан нет, они ещё продолжают работать!

Сделав необходимые закупки, мы пришли на причал, поднялись на белый теплоход (даже, скорее, трамвайчик) и отправились в Чаркабож. Там и тут в салоне раздавалась коми-ижемская речь. Для меня это как песня! Много лет назад, ещё в детстве, мама возила меня в нашу деревню, где все говорили именно на коми-ижемском. Мама нет. А воспоминания нахлынули. Я сидела, улыбаясь, прислушиваясь и наслаждаясь, практически ничего не понимая... родина... Так же, как и тогда – в каждой деревеньке встречали теплоход.

В Черкабоже нас встретила многочисленная родня. Но запомнить кто есть кто не получилось. Надо было опять в гору подниматься. Оказалось это знаковым событием для нас, так сказать, тренировкой перед поездкой в Абхазию, но тогда, мы об этом и не ведали.

Как здорово вернуться в родную деревню! По традиции нас напоили, накормили да в баньку отправили попариться! А в предбаннике скамейка со спинкой да с подлокотниками – от предков осталась, в самой баньке скамейка прадеда моего Ксенофонта стоит! Вот уж радости было прикоснуться к семейным реликвиям! И ведь не просто стоит, а используется!

Вечером собралась родня за большим столом. Каждый пришёл со своим угощением: грибочки солёные, скоросолочка, рыбнички, калитки, шанежки. Стали прошлое вспоминать. Не раз замечала я, что нить разговора теряла от того, что мы с дочерью, к своему стыду, языка родного не знаем. Всем приходилось из-за нас на русском говорить, но с пылу-жару, на эмоциях родня быстро разговаривала и не

замечала, как на коми язык переходила, как в обычной жизни они все говорят. Я не останавливала, было интересно просто наблюдать и слушать родную речь. Как правило, это в конце концов замечала старшая из моих сестёр и, не делая замечаний, переходила на русский, а следом за ней и вся родня. Так несколько раз за вечер. Нас с дочерью очень это позабавило.

На следующее утро, пройдя по деревне, я поняла, что практически в каждом из домов проживают близкие или дальние родственники. По-другому наверно и не могло быть: построили эту деревню мой прапрадед с женой и близкими.

Ходили на кладбище к прадеду, прабабушке и другой родне. Какая там чистота и порядок. Чтут предков. Как много помнят и знают о них!

Дома до сих пор не закрывают, доску поставили к двери и ушли. Дочь ни разу на сеновале не была, специально ходили к брату, чтобы ребёнок прочувствовал, что это такое! Аромат сена – м-м-м! Ну как при этом не устроить фотосессию. Пока мама тряслась, чтоб ребёнок не провалился, дитяtko с удовольствием позировала на камеру. Увы, поспать на сеновале не удалось.

Сестра Ирина у нас очень активная барышня: плотно накурив, повела на самую красивую поляну, чтобы устроить фотосессию в национальных коми-ижемских костюмах. Мы надевали костюмы, сшитые и самой Ириной, и мамой её Марфидой, и нашей тётёй Парасковией. Костюмам более 60–70 лет, а то и больше! Какими тётушки были тогда, если моей 13-летней дочери они оказались впору! А уж Иринин костюм мне оказался в самый раз!

Наступили сумерки, и мы опять собрались за большим столом, во главе которого важно стоял самовар, топлёный на углях! И опять воспоминания текли рекой...

\*\*\*

Сколько талантов в нашем роду: музыканты, художники, мастера. А бабушка Евдокия не только мастерицей на все руки была, но и знаменитой на округу знахаркой, с ближних и дальних мест приезжали к ней лечиться травами, баней. Сколько историй смешных и не очень было в жизни родни. Вот, Фаина – это наш хранитель истории рода Филипповых – однажды рассказала, что у Фёклы было два сына. Работниц в доме не хватало. Так Ивана, совсем ещё юного, решили женить на женщине старше его. Уж свадьба, а тот кричит: «Можно я ещё с горки прокачусь, а потом женюсь?»

Так как деревня находится у реки, увы, бывают несчастные случаи – пропадают люди на воде. В день нашего приезда тоже такое случилось. Местный житель выпал из лодки. Искали его, искали, а вечером решили к старому проверенному способу обратиться. Для этого надо утром рано на рассвете идти к реке, на доску положить иконку Николая Чудотворца, а так-



же кусочек чёрного хлеба и отправить эту до-ску по реке, наблюдая за ней: куда та уплывёт, и где доска станет кружиться, там ищут. Не понимаю, как происходит, но это часто помогает. И тогда нашли таким способом.

Но ко всему люди относятся философски: кто-то уходит, кто-то рождается. По-другому, наверно, в деревне никак, врачей поблизости нет, выживает сильнейший. Поэтому и бегут молодые семьи поближе к цивилизации. Но в деревне много долгожителей за 80, мужчин, увы, опять же из-за несчастных случаев меньше. Больше тех, кто приезжает на лето и зимние каникулы.

Как помогали друг другу ночью если что, когда телефонов не было. Включали ночью свет на крыльце – значит надо бежать на помощь.

Поражаюсь: хлеб привозили раз в неделю, люди набирали его мешками. Мучает вопрос: как его хранили, если на столе он был всегда мягкий и вкусный? Сейчас 1–2 дня и всё, на 3-й есть невозможно.

Много раньше в деревне было безграмотных. Приезжали обучать грамоте с города, чтобы люди могли хоть имя своё написать да роспись поставить. А с именами не так всё просто было. Сначала называли имя самого человека, а потом имя одного из родителей и род деятельности, например: Дуня Кноух Вася или Лена кино Вася. Так выучилась Дана Вася, с этим именем и поставили её продавцом работать. Считать-то она считала, а вот записать-то кроме имён выученных не могла. Придёт к ней покупатель, а она и запишет – Сана Ванна, а рядом какие-то знаки, кто что купил, только ей одной понятно. Приходит время отчёт отправлять, а никто кроме неё ничего понять не может. «Зато ни один вражеский агент информацией не завладел бы», – смеёмся мы. Вот и приходилось Дана Вася вместе с отчётом в Кипиево ездить, переводить свои каракули.

Один раз Фаина рассказала нам, почему столько путаницы есть в днях рождения. Так вот, раньше, как мы знаем из истории, Новый год был 14 января, поэтому, когда Петр I ввёл новое летоисчисление, возникли путаницы с днями рождения. Так как долго ещё Новый год отмечали наши предки по-старому, 14 января, то и записи делали то по старому, то по новому календарю. Ещё одна причина путаницы: до революции записи делали в церковной книге с. Кипиево; как дойдут люди до церкви из соседних деревень, такую дату рождения и запишут. А крестили в Брыкаланске. В распутицу разница между рождением была от 14 до 30 дней, а осенью того больше. У Иосифа, деда Фаины и Ирины, было даже 3 даты рождения в разных документах – 19, 21 и 23 февраля. Он в детстве и до определенного времени отмечал день рождения в одну дату. Потом при оформлении каких-то документов выяснилось, что это ошибка. А при оформлении пенсии оказалась 3-я дата. Иосифа это не расстраивало, он

отмечал день рождения трижды.

Но кроме дат можно запутаться и в именах родни. Часто встречается, например, такой феномен: имя, которым называют близкого, может в корне отличаться от его имени в документах. Впервые я столкнулась с этим ещё в 8 классе, когда узнала, что у моего родного любимого дяди Олега в паспорте с рождения имя Алексей. Причину появления у дяди 2-го имени мне мама успела объяснить. Случилось это потому, что мои бабушка и дедушка не смогли договориться, как назвать младенца. Поэтому решили имя, которое придумал отец (мой дед), вписать в документ, а звать будут Олегом. Может, правда, и наоборот, но суть не меняется. Ещё в нашем роду Светлана по документам Роза. Даже близкие узнали об этом, когда та уехала в город, а кто-то позвонил ей на работу. Хорошо коллег Светлана-Роза предупредила. Но родня была в недоумении, когда позвали вместо Светы Розу к телефону. Такая же ситуация произошла при оформлении бумаг на умершего родственника Сергея. Обнаружили, что по документам он Фёдор.

Ксенофонт – отец моего деда – никакой работы не боялся, дом сам выстроил, утварь сам делал, охотник и рыбак знатный, в колхозе всю жизнь отработал, высокий, плечистый, а волос такой густой да кудрявый, что и зимой шапки практически не нашивал. Однажды с односельчанами пошёл он в лес на охоту, трое их было да он четвертый. Вдруг медведь навстречу! Перепугались, один на крышу старой избышки залез, а трое стрелять стали. Дед ранил медведя, тот и кинулся на него. Боролись, боролись, и всё же одолел прадед зверя, правда, руку медведь хорошо зацепил, беспокоила рана его много лет. Но на фронт прадед Ксенофонт ушёл – он участвовал в Первой мировой войне в 1914 году. Тогда родился первый Тимофей. Прошёл её и в плену побывал. А прабабушка тогда в самое далёкое село пешком с ребенком на руках ходила в церковь, чтобы у бога спасение мужа вымолить. Уж, неизвестно, совпадение или как, а ведь вернулся. В плену он даже успел жениться, жили вместе, да дитё родить успели. А потом, вдруг, освобождение, на что он даже уж и не надеялся. В то время там, где он был, пленные на каких-то фермах работали, и разрешалось обзаводиться семьями. Приехал, всю правду рассказал: и про жену на чужой стороне, и про сына Пепе. Ох и долго же серчала Екатерина, но что делать-то: семья, дети.

Вот как интересно древо генеалогическое составлять, ещё и не то узнаешь. Для себя я подчеркнула, что профессии, интересы, увлечения родных, кого уж нет, перекликаются с продолжателями рода сейчас. Например, бабушка Евдокия Захарьевна была знахаркой, а в настоящее время двое в родне работают в поликлинике, один даже нейрохирург. Прадед основал деревню, а тёти и дядя стали первыми строите-

лями города Усинска. Педагоги, строители, медики – есть в семье. А тут узнала, что бабушка очень любила радио спектакли слушать: сядет рядом, возьмется за спицы, вяжет да слушает. А я, вот, – педагог театральной студии. Тётя Валя была активисткой и депутатом третьего созыва, а я помощник депутата и создала ТОС.

Эхо Великой Отечественной войны: Тимофей – брат деда Николая – мальчишкой со всеми сено заготавливал, грибы, ягоды собирал, отцу помощником был по хозяйству, в колхозе работал. Его призвали на фронт восемнадцатилетним мальчишкой. Ехали они на телеге трое совсем молодых ребят, встретила им знакомая женщина, с одной деревни они были. «Куда ж вы отправились?» – спросила она. «На фронт», – услышала тётушка, запричитала – куда уж таких-то совсем ещё мальчишек забирают!» Увы, не вернулись они с фронта. Тимофея долгое время считали без вести пропавшим, потом нашли захоронение под Псковом. Погиб он в августе 44-го. Спасибо сотрудникам библиотеки Усинска: многие данные они мне отправили, причем практически сразу по запросу.

Про детство и игрушки хочется рассказать. Дети рано начинали помогать родителям по хозяйству, с малышами нянчились. Но детьми от этого не переставали быть. Мамы для своих девочек делали кукол из головы уток. Для этого с головы утки снимали кожу и оставляли клюв, обрабатывали и сушили. Там уже мамы кто на что горазд из тканей и палок делали куклу. Вспомнила Фаина, что её мама Марфида её дочерям такие куклы делала. А мальчишки в те далёкие времена делали пистолеты и автоматы из веток. Когда Фаина в тундру приехала, увидела, что там детям из веток мастерили оленей да сани. Этим играли в чуме. Причём у каждого игрушечного оленя было имя и даже цвет. Иногда дети по этому поводу спорили: у кого белый, у кого черный.

Фаине тоже приходилось нянчиться с маленькой сестрёнкой Александрой, а так хотелось гулять, играть. Бывало, закапает молоко в глазки малышки, не знаю почему, наверно, чтоб склеились и уснула. Вместо бутылки для кормления тогда использовали обработанные рога коровы. Надевали соску, сделанную из небольшой части («палец») вымени коровы. А чупа-чупс получался из марли и хлеба с сахаром: замачивали его чуть-чуть, чтобы размялся и завязывали крепко на угол большой марли, так давали малюткам. Те, довольные, засыпали. Интересно: дай нашему грудничку песок сахарный с хлебом, сразу аллергия проявится, а хлеба размочи, да в марле дай – не дай Бог, кто увидит, можно и без дитя остаться.

Всегда в нашей деревеньке родные друг другу помогали. Если бабушка какая или гость победнее придёт и скажет, что нет заварки, то им чай в спичечной коробок сыпали. А если чай наливали пришедшему нуждающемуся, а это

было практически всегда, то гости такие приносили с собой сахар.

В те времена рыбы было много, даже икру рыбью ели из большого чугуна. Рыба была огромных размеров. Однажды прадед Ксенофонт вытащил большого карася из сетки и кинул в лодку. Дочка Прасковья была на вёслах. Бросил не глядя, да попал в неё, она и нырнула в воду. Об этом сама Прасковья рассказывала. Всех близких и дальних родственников знала, даты их рождения тётушка Парасья, все их семейные истории, события и даты. У бабушки Прасковьи была удивительная феноменальная память до самого последнего дня. А прожила она до 95 лет.

Дедушка Ксенофонт и его Иосиф были хорошими мастерами по дереву. Сундуки, туески, посуда, ложки – всё им по плечу. Ксенофонт и дома строил. В одном из них мы жили с бабушкой и сёстрами деда, когда летом в гости приезжали. Из бересты делал туеса (ведро), как маленькие бочонки, там держали простоквашу, грибы и рыбу солили.

Были в деревне рабочие бараки. Там геологи жили, в деревне сейчас так думают и Фаина в том числе, что искали они месторождение угля, нефти, газа. К слову уточню: нашли спустя время только воду и экспедицию завершили, а может, что и заморозили, доподлинно никто не знает. Геологам во время поисковых работ привозили провизию и соду для стирки.

Но приезжие покупали продукты в магазине, а также меняли соду на картошку, мясо, молоко у местных жителей. Вот этой содой и стирали деревенские бабы. Гладили белье утюгом, в который, клали горячие угли. А потом начинали раскачивать, чтобы угли растопить. Утюг так нагревался. А пол мыли вот каким средством: из бани брали полностью сгоревший, раскрошивший особый белый камень (то есть уже крошки от его – порошок), мыли им. Дзимбир – так по коми его называли. Пол промывался идеально и становился белым-белым. Фаине тогда 5 лет от роду было.

Когда Марфида, Аграфена, Прасковья и моя бабушка Евдокия простывали, порой был такой кашель, что сил не было, тогда наши бабушки брали флакончик тройного одеколона и шли в баньку. Перед этим наливали его в маленькую крышечку от его же флакона, по 1 пробочке (это меньше, чем половина чайной ложки) и выпивали, а потом грелись и парились. Хворь как рукой снимало. Сейчас если и есть такой одеколон, лучше его не использовать, неизвестно какой у него состав.

\*\*\*

Практически в каждой деревне от Шельяюра до Чаркабожа и дальше живёт наша родня. Мы отправляемся на теплоходе в Чику к другим сестрам и родственникам. Деревня стоит на горе, которая ещё круче, чем в Чаркабоже. Сил не хватает. Тут же начинаю напевать пес-



ню Владимира Высоцкого:

Здесь вам не равнина, здесь климат иной –  
Идут лавины одна за одной.

И здесь за камнепадом ревет камнепад.

И можно свернуть, обрыв обогнуть,

Но мы выбираем трудный путь,

Опасный, как военная тропа!

Ура, высота взята! Идём по деревне по мосточкам и вижу внизу рядом ещё мосточки, не поверите, а по ним бегут по своим делам то туда, то сюда муравьишки! Так любопытно, почему ж они не бегут просто по песку, а именно по мосточкам перебираются, кто-то с ношей, кто-то без. Сестрёнка показывала муравьиные тропинки, там их много. Местные жители очень трепетно относятся к природе и каждую такую тропинку осторожно перешагивают, нас тоже об этом просили.

В этой деревне большое количество лошадей. У меня сложилось впечатление, что они любят собираться именно на дороге. Поехали мы из Чики в Брыкаланск на машине, а кони стоят на дороге. Водитель прикрикнул, чтобы ушли, те дружным табуном повернулись к машине хвостами, причём, практически, молча, нас это развеселило. А водителю пришлось хорошенько покричать, чтобы они хоть немного освободили дорогу. И они сделали так: переместились на небольшую часть, чтобы только смогла проехать машина! И снова перегородили путь.

Когда поднимаешься в деревню, первое, что видишь – белого оленя. Его хорошо видно со стороны реки. С оленем связана история, которая произошла в начале прошлого века, а вернее, во время Гражданской войны. Прадед Ольги Терентьевой угнал у белых оленя, а чтоб его не нашли, надел на лапы обувь – пшмы. Привёл его в деревню и накормил жителей, спасая от голода. Внук его в память об этом событии с другом, который был стоматологом, из материала, из которого тогда ставили пломбы, сделали памятник Белому оленю. Прошли десятки лет, его реставрировали родственники. Сейчас олень – символ деревни. Молодожёны фотографируются возле него.

Время пролетело быстро, и мы отправились дальше в Сыктывкар, где училась и работала моя мама.

## Часть 2

Уже по приезде домой из путешествия на малую родину я сделала вывод: какая же огромная разница восприятия мира ребёнком и взрослым человеком. Ещё на пути в деревню Чаркабож моя память рисовала дома, улочки, гору с полем ромашек. А приехав, кроме горы, по-первости, ничего не узнала, да и на горе было не поле ромашек, а целое разноцветье. Гора осыпалась, из-за чего исчез ряд изб. Ограждения остались прежними, только

местами обновились. Но всё также отличаются от нарьянмарских заборы: это три длинные оглобли, голые обтсанные стволы деревьев, что закреплены от столба параллельно земле на небольшом промежутке друг от друга. А к чему это я про заборы? Да просто вспомнила, как моя бабушка на ноги жаловалась, ходила, тяжело переваливаясь с одной ноги на другую. Но стоило ей услышать «Хлеб привезли!», как она быстро выходила из дома и бежала по тропинке в магазин. А на пути тут и там такие вот ограждения, и вытаскивать оглобли некогда, поэтому она резво пролезала между ними и неслась дальше, я за ней не успевала! Когда, запыхавшись, я вбежала в магазин, она уже стояла довольная у мешка с хлебом. На обратном пути бабушка вновь начинала охать. Вот так с помощью важных в то время для деревенских жителей двух слов моя бабулечка из большой мудрой женщины превращалась в чемпионку по бегу. Сколько раз мы с ней смеялись, вспоминая эти забеги.

У подножья горы стоит теперь уже не дедушкин, а полуразрушенный дом троюродного брата. Сразу вспомнилось, как раньше летом с разных сторон России-матушки, а тогда СССР, съезжались мамыны братья и сёстры в отчий дом. Собиралось столько, что яблоку негде было упасть. И с утра до вечера – рассказы о жизни настоящей и воспоминания о прошлом.

Вечером молодёжь шла на гору, где собирались юноши и девушки, пели песни, играли, шутили. Весёлый смех раздавался по всей милой деревушке. В то время свет включали в деревне только с 6 утра до 18 вечера. Поэтому у нас в семье была традиция: когда молодёжь уходила на вечерку, все взрослые и мы, детишки, выходили на огород к уличной маленькой печке. Помню, она выглядела так, как будто выкопали небольшую ямку, на дне её песок, сверху положен чугунный лист с круглым отверстием и крышкой, сбоку проём, чтобы под лист можно было деревянные маленькие палочки или ветки положить да огонь развести. Потом крышка убиралась, вместо неё ставился чайник, чугунок или сковородка, в зависимости от того, что готовилось. Когда было всё готово, раскладывалось на клеёнке тут же на земле угощения, и мы сидели вокруг. А рядом с нами чинно-важно садился не маленьких размеров белый пёс и, положив мордочку на лапы, ожидал, когда ж его угостят вкусеньким. Он твёрдо знал, что его не забудут. В отличие от нашего пернатого друга – чёрного ворона. Когда ворон впервые появился, никто не помнит. Но с завидным постоянством прилетал он рано утром к бабушкиному дому и начинал клювом стучать в окно. Стучал до тех пор, пока кто-то не выйдет и не накормит его зерном или крошками.

Садясь за импровизированный стол, никто не ставил тарелку для нашего летающего друга, но его это не огорчало. Пока мы беседовали и пели песни под гармошку, то у одного, то у

другого сидящего, стоило только отвернуться, что-нибудь пропало с тарелки. Всех это смешило. Мы даже пытались подсмотреть, как он это делает, но увы, так ни разу не увидели. Удивительно, но наш пёс спокойно наблюдал за происходящим, не пытаясь поймать хитрюгу.

Как же мы пели: ведь у нас свой настоящий профессиональный хормейстер – тётушка Лида. Она рассаживала по голосам, кто-нибудь садился за инструмент – многие из тётушек и моя родная старшая сестра Люда умели играть на гармошке. Начиная импровизированный концерт:

Утки все парами как с волной волна

Все девчата с парнями только я одна...

Вот кто-то с горочки спустился,

Наверно милый мой идёт...

Слёзы сами по себе покатались. Как жаль, что разрушилось наше родовое гнездо. Кто знает, хватит ли нам сил восстановить его. Но деревня живёт. Появляются новые дома. Вот у сестры Ирины сгорел дом. Можно было уехать в Усинск и забыть об этом. А они выстроили дом лучше прежнего! Радик, Ирин муж, так его устраивает, что постоянно появляется что-то новое, есть, например, такая стена, панели для которой он вырезал и обжигал сам. А Ирина на все руки мастерица, дом украшает, печку расписала, в баньке – и то не без украшений!

Живи, родная деревня!

## Поезд

Мы отправляемся с Чики на лодке-такси в Щельяюр. Для моей дочурки первый опыт, но её, кажется, это не волнует, вижу, что вот-вот расплачется. Сидит далеко от меня, не обнять. Но в принципе это и не надо делать, будет хуже. Пишу ей смс с отвлекающими вопросами. Стараюсь переключить. Напротив меня сидит молодая семья с годовалой симпатичной девчушкой. Вдруг малышка заплакала. Я вспомнила все театральные игры для малышей, пальчиковые игры. Звонко засмеялась малышка, а глядя на неё и все пассажиры. Моя тоже грустно, но улыбается. Вот так и доехали до посёлка.

Едем опять на такси. но теперь это авто. Мчимся на ж/д станцию Ираэль. После перелома позвоночника я волновалась, как перенесу тряску на комитрофи, но оказалось не страшно. Были, правда, моменты, когда хотелось идти пешком. Но 24 км, боюсь, мы бы с багажом и за неделю не одолели. Пришлось мужественно терпеть. Несмотря на мелкие неудобства мы доехали. Наш чемодан оказался слегка помят, как, впрочем, и мы. Но мы не отчаивались, ведь нас ждала поездка на нашем любимом виде транспорта – поезде.

В поезде с нами в купе ехали мама с сыном. Она – высокая блондинка с волосами до плеч, в спортивном, но не дешёвом костюме. Он – в жёлтой футболочке под цвет маминоного костюма, в светло-серых брючках, русый, слегка

полноват, но симпатяшка. С ними нам скучать не пришлось. Рассуждал он так, что спокойно слушать было невозможно. Причём, говорил настолько с серьёзным видом, что нас просто разрывало от смеха. И стоило ему слегка задуматься, как мы начинали следить за ним, ожидая, что он сейчас нам скажет, а рот уже сам собой расплывался в улыбке. Его это не смущало, ничто не могло помешать, было видно, какой активный у ребенка идёт мыслительный процесс: губки поджаты, взгляд куда-то в даль, сопит, пальчик к губам и прикусил, слегка повернулся и опять задумался.

Мама решила с ребёнком позаниматься, тот в ответ:

– Не хочу.

– Ну что поделаешь, нам всем приходится делать то, чего не хочешь, такова жизнь.

– Не хочу.

– Не хочешь – не надо. А когда вырастешь, кем работать будешь? Вот мы с папой учились, теперь головой работаем, на хороших должностях, хорошо зарабатываем. Можем себе позволить часто путешествовать. А ты – если учиться не будешь, придётся зарабатывать тяжёлым физическим трудом. Это не стыдно, в нашей стране любой труд в почёте.

Смотрим – опять активный процесс мыслительный идёт, аж вспотел бедный, а мама продолжает:

– Таким образом много не заработаешь, но на хлеб точно хватит.

И, бинго!

– Да я и не против, но ты же говорила, что надо правильно сочетать трудовую деятельность и отдых.

– Всё правильно, с девочкой из соседнего купе ты поиграл, теперь давай поработаем.

Мальчишка, тяжело вздохнув, принялся за занятия. Причём, они прошли быстро и весело, а потом с осознанием выполненного долго мальчишка быстро умчался в коридор к деткам. А мы легли подремать.

Приблизился вечер. Значит скоро наша станция. Соседка сыну:

– Скоро станция, я понесу свою сумочку и пакетик, а ты понесёшь чемодан».

– Я? Он же тяжёлый.

– Ну и что.

– Как я его понесу? Его же папа до поезда нёс.

– Но сейчас папы рядом нет, а мужчина у нас ты. Тебе и нести.

– Но я ж маленький!

– А я девочка, нам нельзя тяжести носить, для этого есть мужчины. Ты тоже хоть и маленький, но мужчина.

– Я? – Обречённо серьёзно, посмотрел на маму малыш.

– Да, ты ведь ты не девочка.

Подумав, малыш вздохнул,

– А ты мама... лентяйка (мы опять прыснули от смеха).



– А женщинам не стыдно быть такими. Пока папы нет, ты мой защитник и опора.

– Ладно.

И ведь действительно, – пыхтя, сопя, он нёс свою ношу. Благо, умные родители взяли небольшой чемоданчик, видно, что тяжеловато, но всё ж был по силам.

Так мы с дочуркой посмотрели бесплатно маленький мастер-класс «Как будущих мужчин воспитывать». А папа эту милую парочку прямо у поезда встретил.

Почему-то грустно было расставаться с этой мудрой молодой семьёй.

### Часовенка

Смотрю на своего пострелёныша Петьку, русского с весёлой хитринкой в глазах, и себя вспоминаю. Матушка не зря говорит: «Весь в тебя». Иногда от тех воспоминаний не по себе становится

Был я тогда как Петька лет 8-ми. Жили мы в Печоре. Как-то с мальчишками с нашего двора поспорили, что их в футболе обыграем, да так рьяно поспорили – чуть до драки не дошло. Вдруг услышали милицейский свисток и разбежались. Потом к нам Захарку парламентом отправили. Мол, матч в субботу состоится. Мы усердно тренировались. Но у моей мамы планы поменялись: она решила нас с сестрёнками с тёткой Аграфеной раньше отправить в деревню, так как её отправляли в командировку. Друзья осерчали на меня, а я на мать, ну, думаю, устрою я вам отдых в деревне.

Приехав в деревню, стал я во все в драки ввязываться. С синяками приходил домой, тётка, охая, обрабатывала их, а я радовался. Знал, что переживает. Да и дома сестрёнкам прохода не давал. Успокаивался только тогда, когда дед Ксенофонт с сенокоса приходил. У него рука ух, какая тяжёлая. Сестрёнки первую неделю в деревне тоже деда побаивались. Это потом они на нём верхом начали кататься и звонко смеяться. А мне только на руку было.

Что только не творил. Однажды без спроса лошадь взял колхозную. Правда, меня быстро поймали. Уши отодрали да отпустили. Вот иду я по тропинке, уши веткой обмахивая, чтобы не так больно. Вдруг набрёл на часовенку. Маленькая в одну комнату с иконками. Обошёл я её и решил вырезать на ней «Иоська дурак» – это главный заводила в деревне. Только две буквы написал, как почувствовал чей-то взгляд. Повернулся, а не далеко на тропинке стоит дед незнакомый да так смотрит! Аж, мурашки по коже. Потом он как будто слезинку смахнул и ушёл. А я долго смотрел ему в след. И почему-то перехотелось продолжать. Весь день ходил сам не свой – всё взгляд этого деда был перед глазами.

Вечером, как всегда, вернулся дед Ксенофонт. Я его спросил, что за старик с таким странным взглядом у них появился?

– Это вовсе не старик. Он на годков, гляди, на 15 моложе меня. Это он четыре года назад изменился. А раньше был балагур, весельчак. Но никто не знал, что в скором времени он превратится в старца с глазами нестерпимой боли.

– А разве может человек так сразу в старца превратиться?

Тут Светка прокричала:

– Деда, Сёмка, баба кушать зовёт!

– Пойдем, – сказал дед, – не будем заставлять всех ждать. Позже на сеновале поговорим.

Стол был у нас длинный, большой деревянный. Такой, чтоб вся родня за него могла сесть, когда в гости приходили. Посуда в избе кроме чугунок и самовара. Вся из дерева была. Из ложки деревянной еда гораздо вкуснее казалась, чем дома из металлической.

Ксенофонт сам всё делал. Дом сам построил и утварь от сундуков, бочек и туесков до тарелок с ложками – сам мастерил. Часто деревенские покупали его изделия.

Задумался я да первым в чугунок ложкой полез. И тут от бабушки по лбу ложкой получил. Забыл, что сначала хозяин-добыдчик есть начинает, а потом уже вся семья.

После выскочил из-за стола и бегом по лестнице на сеновал. Летом на него раскладывали матрасы и спали чаще взрослые или старшие дети. Сегодня мы с дедом заняли лучшие перины, забитые душистыми травами.

– Ну, что не спишь еще? – поднимаясь на сеновал, спросил дед.

– Нет.

– Тогда слушай. Был у Захара единственный брат Владимир. Когда-то много лет назад он работал в охране и по ошибке застрелил мальчика 21 года, единственного сына у матери.

Мама этого мальчишки тогда ему в сердцах сказала, что поймешь, мол, ты меня, когда своих детей хоронить будешь. Спустя несколько лет дочь Владимира, когда ей было 21 год, поехала на машине и попали в аварию. Одна из всех, кто был с ней, разбилась. За гибель дочери заплатила мать водителя 300 тысяч, а он эти деньги унёс в соцзащиту в Кипиево, чтобы передала в интернат для детей. Купили на эти средства детям телевизор.

Владимир и без того всю жизнь переживал ту трагедию вновь и вновь, а тут ещё больше душа заболела. Потом сын пришёл с армии, купил машину и также, в 21 год от роду, погиб в ДТП. И уверовал тогда Владимир в Бога. Молил его о прощении. А потом придумал так: собрал все свои сбережения и отдал их на строительство часовни. Собрались потомки Алексея Филиппова, привезли доски да всё, что надо для строительства и вместе, кто этому делу обучен, «подняли» часовенку.

Только в замешательстве строители были, когда до установки купала дошло. Не знали, из чего его сделать, он должен был быть ровный со всех сторон. Принесла тогда сестра Фаина Терентьева большой чугунок, а другая, Ирина се-

стрёнка, привезла краску из Усинска. И купол засиял над часовней, радуя мастеров и местных жителей.

А обустраивали внутри уже не только средствами Владимира, а с миру по нитке. Так общими усилиями и возвели часовенку. Владимир привёз батюшку и осветили строение Часовней Николая Чудотворца.

Владимир хотел, чтобы поминали его детей да мальчишку, нечаянно убитого. Понимал, что долго он уже не проживёт, так чтобы все в деревне деток его вспомнили, глядя на часовенку. Вскоре брат умер.

Замолк дед. Молча легли спать. Долго размышлял я о сказанном. Незаметно для себя уснул. А утром проснувшись чуть раньше деда, стал будить его:

– Дед, а дед, подскажи, как испорченное испорченное бревно подчистить?

– Очень надо? До вечера не подождёт?

– Неа.

– Ну что ж, пойдём, инструмент дам да покажу, как им пользоваться.

Под руководством деда злосчастные буквы с часовенки были удалены. Работал я так осторожно, как будто боялся кого-то разбудить.

Когда мы только подходили к часовне, у меня возникло незнакомое трепетное чувство. Даже когда буквы счищал, с дедом полуслёпым говорил.

Не знаю, что со мной произошло, но на своих сестрёнок я стал смотреть по-другому, помогал им, вместе стали с деревенскими ребятами общаться.

Часовенка эта меня изменила. Как будто старше стал.

Однажды, уже перед отъездом домой, пришли мы к деду Захару. Вроде, сначала тот и говорить не мог. Но дед мой стал вспоминать былое и потихоньку включился в разговор дед Захар. Долго мы были в гостях, поздно вечером дед с другом уже громко хохотали, вспоминая приключения на охоте и рыбалке. И вдруг Захар на глазах как будто помолодел. Даже выше ростом стал. Двум друзьям расходиться не хотелось, так я и уснул на кровати деда Захара. А утром мы уехали...

Так я, глядя на своего сынишку, вспомнил поездку в деревню, в которой неожиданно для себя повзрослел.

Фото на стр. 100 Виталии Булавко  
Остальные фото из семейного архива



Ирина Ржаницына



Село Великовисочное НАО

Почему я осталась жить в родном селе и не мечтаю о переезде? Кажется бы, простой вопрос и ответ лежит на поверхности: люблю свою малую родину, здесь живут мои родители, здесь мой дом, моя семья. Но ведь многие из тех, что уехали, тоже любят свои родные пенаты, пусть и на расстоянии, и также трепетно относятся к своим родным, навещая их по возможности. Значит, есть что-то ещё... Но сколько бы я ни размышляла на эту тему, других объяснений найти не могу.

Мне по душе – жить деревне, в своём любимом селе Великовисочное! Хотя... Существует теория, что человек проживает несколько жизней, и многих интересует вопрос: «Кем я был в прошлой жизни?» Если это так, то мне кажется, что я в своём прошлом была крестьянкой и жила в деревне. Впервые мне эта мысль пришла, когда я 35 лет назад посетила музейный комплекс в Малых Карелах, а утвердилась в этом мнении, побывав с подругой на экскурсии в Екатерининском дворце в Санкт-Петербурге. Мы переходили из зала в зал роскошной резиденции, обрамлённых резными позолоченными украшениями, восхищались живописностью декора. Я с интересом слушала экскурсовода, но не более того. А вот моя подруга преобразилась: королевская осанка, блеск в глазах, плавные движения. «Представляешь, я словно перенеслась в ту эпоху. Вижу себя в пышном бархатном платье с золотым шитьём с длинным шлейфом, с веером в руках», – сказала она мне. «Значит, – говорю я, – ты в прошлой жизни принадлежала к дворянскому сословию и, возможно, жила в подобных апартаментах. А я вот ничего подобного не испытываю, но очень хорошо тебя понимаю, потому

что нечто подобное испытала, когда впервые побывала в Малых Карелах. Зайдя в деревенскую избу, я живо представила себя в этой обстановке. Русская печь с палатями, деревянный стол с лавками. Дымящийся горшок со щами, картошка в чугушке. Я в сарафане, лента в косе. Взгляд в окно – и я уже вижу себя на лугу, в хороводе и словно слышу песни и смех девушек-подружек...».

Не знаю, есть ли доля истины в этой теории, но в деревне, в рубленом доме с русской банькой, с раздольем лугов и речушек я чувствую себя хорошо! И где бы ни отдыхала, всегда тянет домой – в милое сердцу Великовисочное. Пишу об этом и сразу вспоминаются строчки земляка Леонида Безумова:

Здесь всё мне родное,  
Знакомое с детства,  
Сельчан дорогие черты,  
Весёлое чоконье в говоре местном,  
Над речкой Край-Яма мосты.

Я счастлива, что осталась в родном селе, работаю в школе, готовлю с ребятами спектакли, тружусь на своём небольшом участке в огороде. Пословица гласит: «Где родился, там и пригодился». Если я пригодилась своему селу и принесла пользу – значит, я сделала правильный выбор!»

\*\*\*  
Жизнь сложна, как лабиринт,  
Много в ней путей, тропинок.  
То напомним рока ритм,  
То волшебный вальс снежинок.

Как не сбиться мне с пути  
Или замереть на месте?  
Как же истину найти,  
Слышать зов лишь доброй вести?

Ариадна, где же ты?  
Нить твоя нужна мне очень,  
Чтоб сбылись мои мечты  
И весна сменила осень.

Ложь

Ложь сродни предательству,  
Я не хочу пускать их в дом.  
Голос её вкрадчивый  
Звучит, как метроном.

Нет, нельзя лгать в утешение.  
Лука у Горького не прав:  
Его святое Провидение  
Губительный имеет нрав.

Больнее правду узнавать  
После обмана самых близких.  
Кому же верить, как понять,  
Где кроются твои ошибки?..

Позавчера у меня было тоскливое грустное, настроение, усугублялось оно осенней неприглядной погодой: грязь на дорогах – не пройти, серость... А вчера утром проснулась, глянула в окно – красота, всё бело. Вышла на улицу – воздух чист, дышится легко, радостно, и сразу родились строчки: «Какой сегодня радостный денёк – прикрыл изъяны осени снежок». Вечером решила продолжить и написала. Это, конечно, как и всё мое, не претендует на что-то серьёзное, но это то, что я чувствую.

Какой сегодня радостный денёк –  
Прикрыл изъяны осени снежок!  
И сразу так светло кругом,  
Любуюсь я украшенным селом.

От грязи не осталось и следа,  
Промёрзла чёрная земля.  
Снежок её слегка припорошил –  
Нарядом новым наделил.

Ещё немного, и зима-швея  
Откроет школу кройки и шитья,  
Наденет шапки на дома,  
А деревья – в кружева...

Мое любимое время года – лето, но вот пишу я больше о зиме и фотографирую тоже это время года. Может, потому что у меня день рождения в декабре? Постоянно удивляюсь: у зимы так мало красок, преимущественно белый, а как необычайно красиво, не могу налюбоваться, особенно когда деревья в инее.

\*\*\*  
Всегда неожиданный,  
Яркий, манящий  
Первый снежок!  
Радость и грусть  
На нас наводящий  
Первый снежок!  
Цвет чистоты  
И нежности хрупкой  
Радует глаз  
И наготу осенней природы  
Скрывает от нас.  
Ещё не окрепший,  
Робкий, несмелый  
Первый снежок.  
В схватке с противником  
Более сильным  
Смыт он дождём...

В 8 классе мы изучаем «Назывные предложения». Я знаколю учеников с тютчевским «Шепот, робкое дыханье...» и предлагаю самим сочинить зарисовки из назывных предложений. Когда-то, приблизительно в 2004 году, я написала (и опять про зиму):

Зима...  
Россыпи звёзд,  
Сиянья полёт,  
Танец снежинок,  
Мозаика льдинок,  
Полярная ночь -  
Севера дочь.  
Зима...  
Тишина и снега...

\*\*\*

Юная и хрупкая Весна  
Пытается предстать во всей красе,  
Но грозная, суровая Зима  
Не хочет уступать права Весне.

Зима устала, силы уж не те,  
Не шутка – столько месяцев кутить,  
Задор и юность злят её вдвойне,  
И хочется Весне ей отомстить.

Взмахнула строго палицей она,  
В запале щёки пламенем горят,  
Её пажи – холодные ветра –  
На помощь с радостью спешат.

И в танце с ветром с лёгкостью Зима,  
Как фея, превращает дождь в снежинки.  
Движенья их быстры, от замысловатых па  
Вновь застывают тающие льдинки.

Люблю выходить на берег в майские вечера и наблюдать за пробуждением реки. Хочется поделиться одной зарисовочкой:

\*\*\*

Зарождающаяся луна  
Нежно смотрится в гладь реки.  
К отраженью её, убегая от льда,  
Словно в гости спешат ручейки.



# СТИХОХОД

Проект

Ну а теперь расскажем об одном из самых ярких событий сезона – литературном проекте «Стихоход». Ещё в сентябре 2020 года на VIII Всероссийском литературном фестивале имени Михаила Анищенко в Самарской области наш представитель Константин Селиверстов успешно защитил этот проект в теории в специальном блоке фестиваля для организаторов литературного процесса. Проект был разработан для продвижения и развития литературного творчества в НАО, привлечения новых авторов, в том числе среди детей и молодежи, через непосредственное общение поэтов и прозаиков с читательской аудиторией. Организаторы фестиваля поощрили проект к внедрению в жизнь, выдали рекомендации и предложили курировать реализацию проекта, озвучивать его промежуточные результаты.

В 2022 году идея получила финансовую поддержку Департамента образования, культуры и спорта НАО в рамках госпрограммы «Развитие культуры» и наши литераторы побывали в Великовическом, Тельвиске, Красном и Коткино! Эмоций, впечатлений и, конечно же, пользы было через край! Предлагаем почитать «Дневники Стихоходов» и вы сами всё поймёте.



\*\*\*

И вот наш СТИХОХОД стартовал! И это было здорово!

20 февраля первая группа ЛИТдесантников НЛитО «Заполярье и МЛС «Северус» выбросилась из привычной жизни мирного труда и отдыха, чтобы озвучить культурное пространство НАО своими стихами, рассказами, сказками и песнями в рамках проекта ЭКЦ НАО «Стихоход».

Ничтоже сумняшеся они преодолели каких-то 12 часов пути по невероятно характерной дороге и выступили на сцене Культурного центра им. А. С. Савинковой села Коткино, которое гостеприимно встретило мирным снегопадным уютом, архитектурно-пейзажной красотой, читательским интересом и какой-то потаённой прелестью северной глубинки.

Но обо всём подробнее!

## Страница 1. «На старте»

20.02.22. 9.00

– А, может, у меня голова болит, и я не поеду?!

– Спокойно. Смотрим все сюда: вы сильные, смелые, талантливые! Вы лучшие! Вас распирает от желания поведать читателю свои сокровенные мысли! Вас так и тянет к приключениям, чтобы взболтать пузырёк вдохновения! «Пьяная» ворга – это именно то, что вам нужно. Вы мечтаете побывать на родине Алексея Степановича Коткина. Вы садитесь в уютный тёплый трэкол, и дорога захватывает все ваши мысли и чувства! Капитан «поэтического корабля» Виктор уверенно держит штурвал! Каких-то 6 часов и мы на месте. Вперёд, друзья!

## Страница 2. «По дороге в Коткино»

– Ой! Застряли!

– Прорвёмся!

И мы прорывались: через метель, «молоко» видимости, заполненные водой ямы, сугробные капканы, через стиральные доски дороги.

Изю всех сил старались помочь водителю: раскачивались вдоль движения, перекачивались с одной стороны на другую, выравнивая горизонт, работали сброшенным балластом, облегчая участь барахтающегося в снегу трэкола, заваливали Виктора литературно сформулированными советами и предложениями, пока он откапывал колёса, стоя по пояс в сугробе. Потом ещё спасали брата трэкола, вытащив его из снежного плена вместе с пассажирами. Сердца наши колотилось от гордости за водителя и нас, ему помогавших всем, чем могли. И пусть зеленели наши лица от напряжения, мы не сдались!

А дорога время от времени награждала нас восхитительными пейзажами семейных ельников, рыжих кустарников, узорчатых следов куропаток, зайцев, лис, песцов, чарующим далёким синегорьем, тихим Устьем, промчавшимся по левому борту Пылемцем, раскидистым Лабожским, приветливой Виской, показавшимся, наконец, селом Коткино! Ура! Прибыли!

## Страница 3. «Поэтический портрет села Коткино»

– Как же здесь хорошо-то! Это ещё почему? Надо проанализировать.

– Чего тут анализировать! Душа у села есть, поэтическая. Потому и наша откликнулась.

Улочки узкие, прямые, прибранные, домики деревянные, сайдингом не обременённые, где резьбой, где росписью украшенные, сараюшки в шапках снежных всех фасонов; почти у каждого дома колодец-журавль, это ж надо! Берёзки белоствольные, высокие, особо женственные – красота. Слово художником каким всё скомпоновано. Сплошная гармония!

Памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны подсвечен нежным сиреневым светом, в сердце мурашки пробиваются.

В сквере отдыха скульптурная группа коровы с телёнком. Телёнок из-под снежного одеяла голову вытащил, нас увидел. Прошли по мосточку возле часовни апостола Петра. Тишина и только хруст снега под ногами. Часовня притягивает взгляд. Лес, бережно укутанный на зиму, молча смотрит на нас: кто такие, что ищут, зачем следы свои оставляют? Природосообразно всё здесь, вот что! Добротное и умное.

А это ведь он – дом писателя Алексея Коткина! Закрыты двери, молчат окна, заметена дорога к дому: отжил своё, старик, но будущее за ним! Скоро, говорят, музей на этом месте будет. Потому с доброй грустинкой маленькие окошечки сквозь берёзы смотрят.

– Ну вот, началось: новые стихотворные строчки в голову полезли, надо срочно записать, пока не забылись!





– Может ты излишне поэтизируешь? Милое село, кто спорит, зима лишнее спрятала.

– А ты моей песне на горло не наступай. Сердцем чувствую – мог в этом селе писатель родиться, мог! И ещё может!

#### Страница 4. «Стихоход на сцене»

– Ну что там, много народу?!

– Для меня и один – много. Сердце колотится, спина вспотела, руки замёрзли, ноги трясутся, мысли скачут – не знаешь, что за диагноз?

И вот пришло время нашего выступления. Зрителей немного, но все с такими внимательными лицами, даже в гаджеты никто не слился. Как-то они нас воспримут? Хорошо ли мы написали, плохо ли? Дослушают ли до конца или тихонько встанут и уйдут? Страшно-то как.

Саша Овчинникова, самая младшая из наших молодых поэтов, открыла встречу. Ну что же, вполне. И зрители, вроде, довольны, даже где-то неожиданно для себя довольны.

Ирина Маркова нервничает, но читает как всегда атмосферно, словно окошко открыла и показывает, что там за ним происходит.

О, Александр Огурцов, наша новая звёздочка. Эта его «Мышка» – такая классная вещь, до мурашек.

Катя Коваль. Та смелая, читает эмоционально свою любимую «Мороженку», а хорошо слушается, однако, и точка поставлена в рассказе прикольно.

Ирина Селиверстова, как всегда обильно жестикулируя, воспроизвела портрет Пифки, своего забавного кота. Вошла в кураж.

Ирина Коткина. Ну это уже профи и в выступлениях, и в литотворчестве, и в обаянии. Взгляд, жест, лёгкое поэтическое слово –ничего лишнего.

А вот и Валерий Селиверстов, сейчас прочитает классные стихи и споёт наши любимые песни «Лучше, чем прежде» и «Огонёк»...

Как всё?! А, уже пора в обратный путь...

А хорошо прошло, как по маслу. Благодарят. Автографы. Общее фото на память. Вроде и по стандарту всё, а приятно! Фух! Начало положено!

Ура «Стихоходу»! Ура, Коткино!

#### Страница 5. «Возвращение»

Проводили нас со всем уважением. Глава сельсовета Александр Иванович руки жал, ещё приглашал. А мы и не против, теперь бы по осени золотом берёзовым в Коткино полюбоваться, иллюстраторов наших прихватить, пусть распейзажатся...

В свете к дому ведущих фар и придорожных путевых огоньков мир вокруг нам, уставшим творцам, казался космосом. И мы почти заснули, как вдруг дорога скинула трёкол в сугроб. Очевидно же для чего: чтобы напоследок прикоснулись к космосу, пока наш герой-водитель Виктор Батманов откапывал транспорт. Мы честно вырывали лопату из его рук, но он не поддавался и выполнял свой долг до конца, до самого Нарьян-Мара: выгасив железной рукой трёкол и вернув его на путь истинный, вёз нас домой аккуратно, осторожно, к беспокоящимся близким, к созданию новых, уже зачатых произведений... Да, мы по пути ещё спасли снегоход с хозяином и собачкой, увязших в водно-снежной каше уже несколько часов назад... Виска... Лабожское... Пылемец... Устье... Краны... Нарьян-Мар... Такси...

23.15. Дом... Диван... Подушка...

#### Страница 6. «Стихоход мчится в Красное»

06.03.22. 9.00

Мартовским солнцем залитая дорога сверкающим ковром легла от Нарьян-Мара до посёлка Красное. Чистота цвета сейгошного белоснежного богатства и синевы небесной, пролившейся в тени, серебром усыпанное редколесье сделали наш путь сказкой странствий!

Заворожённые красотой и запахом увесистой стопки масленичных блинов в багаже мы перенеслись в Красное-прекрасное словно по волшебству, едва успев обсудить творческие новости.

Солнечной была и сама встреча участников «Стихохода» после двухнедельного перерыва возле полюбившегося уже тёплого, уютного, сильного трэколячка, в этот раз ведомого капитаном Денисом.

Да ещё наши ряды пополнились новыми

знаменитостями из мира «заполярской» литературы: Ольга Пашун, Наталья Чупрова, Лидия Сядейская смогли вырваться из плена будничных хлопот и зажгли три новые яркие звезды на фасаде нашего предприятия!

#### Страница 7. «Выступление в супербиблиотеке»

Модульная библиотека Красного (филиал №15 Ненецкой центральной библиотеки им. А.И. Пичкова) стала для нас открытием! Она располагала и к чтению, и к сочинению, и к мирному собеседованию с книжными полками! Одни стены под венецианскую штукатурку чего стоят! Заведующая библиотекой Ольга Юсупова с гордостью провела экскурсию по оснащённым современными технологиями залам. И мы достойно вписались в это пространство, надо сказать!))

Выступалось знатно, вошли в кураж, едва времени хватило на чай с блинами и ватрушками. А нас уже поджидал экскурсовод Леонтий Михайлович Чупров!

Привезённые для розыгрыша книги авторов «Заполярья» и «Северуса» разошлись на ура, встреченные с очевидной радостью в горящих глазах новых владельцев. Даже книга самого юного автора Саши Овчинниковой была так востребована, что пришлось пообещать размножить её и передать с оказией в гостеприимную библиотеку п. Красное.

Хоть бы не зазвездиться!

#### Страница 8. «Красное прекрасное»

После волнительных трудов донесения своего творчества до читателя мы пошли впитывать дух посёлка Красное и заодно поспорить с весенним солнцем по поводу яркости.

Но не тут-то было: экскурсовод, не кто-

нибудь, а Леонтий Чупров, знаток-краевед, искусный рассказчик, вдохновлённый тем, что делает и о чем говорит, увлёк нас в ветхозаветную историю посёлка, красочно обрисовал красновскую местность, окружённую водными границами, провёл по плотно застроенной, обновленной современности, пробрался в наши сердца рассказом о создании первого в НАО памятника всем без исключения участникам Великой Отечественной войны, ухоженного с сыновней любовью и уважением. Каждая старая ива, скромно сидящая во дворе собачка, бредущая с внуками бабушка были частью рассказа и жизни Леонтия Михайловича. И в отпущенные на экскурсию полчаса, несмотря на то, что у него разработана экскурсия по посёлку в 2,5 часа, он успел всё.

С солнцем мы больше не спорили, а скромно шли по улицам истории под звуки масленичных гуляний и мужественно терпели морозные испытания - не жаловаться же на такую мелочь, как замёрзшие коленки и перерумяненные щёки.

В обратный путь отправились насыто и мозгом, и душой, и телом. Напоследок получили литературный подарок от Елены Хатанзейской, нашего автора из п. Красное.

А в начале было слово?

Да, слова его основа.

Белый снег как белый лист,

Слово к слову, свеж и чист.

Не сидит на месте слово,

Так и просится в полет.

Надо слову дать дорогу,

В путь зовет нас СТИХОХОД!

Расставаясь, уже в Нарьян-Маре, поинтересовались, кто едет в следующее воскресенье в Тельвиску. Ответом был лес из 20 рук!

Может два трэкола попросить?





**Страница 9. «Близкая Тельвиска»**  
13.03.22. 10.00

Тельвиска встретила авторов ЛитО «Заполярье» и литстудии «Северус» воскресной тишиной, богато заснеженными, еще не потревоженными следами дня дорожками. «Самое то, чтобы написать на этом чистом белом полотне групповой автопортрет под названием «Стихоход», – твердо решили мы и принялись за дело.

Сообща сделали скромный набросок: вот здесь будет стоять 15 стульев (с учетом самих авторов больше вряд ли понадобится), в правой части композиции столик с привезенными книгами (хоть сфотографируем в свете весеннего дня), а здесь будет композиционный центр – автор на сцене (задача такая – прозвучать).

Потом натянули на маленький подрамник встречи загрунтованный холст, смешали на палитре оттенки тихой грусти и сделали подмалёвок ожидаемого...

Но когда подошло время писать чистовик, композиция неожиданно разрослась до восхитительно необъятных размеров, в которой едва уместились многочисленные зрители села и ближайшего города, примчавшиеся на своих 4-х! Тихий серо-голубой колорит картины преобразовался в многоцветную палитру с переливами приветливых улыбок, неподдельного интереса, зазвучал дружными аплодисментами и одобрительными восклицаниями!

Вдохновенные авторы полотна с нескрываемой радостью выписывали свои портреты во всех оттенках и полутонах! Кисть мелькала, оставляя сочные мазки золота слов, серебра мысли, разноцветия взглядов!

Это был тот случай, когда композиционная перегрузка не раздражала, она уравновешивалась гармонией взаимодействия!

Славный получился автопортрет на фоне села Тельвиска!

**Страница 10. «Виска ждёт Стихоход!»**  
20.03.22. 9.00

Сегодня стихоходова команда совершила заключительную поездку.

Нас ждала Виска... Великовисочное...

Приятно покачиваясь на дорожных волнах в любимом трэколе, мы четвертое воскресенье подряд неслись по безлюдным заснеженным просторам. Обещанный шторм сдулся перед нашим огромным желанием отправиться в путь!

Попутная позёмка пушилась по сверкающему снежному насту, и в порыве захвативших нас эмоций, подпитанных скорым расставанием, хотелось гладить позёмку по шерстке, чесать за ухом каждого снежного надкустика, бесконечно умиляться рыже-охристой лесотундровой шкуре на фоне нежнейшего оттенка голубо-синего неба!

Всё, что пролетело видом из окна по пути в



Коткино, сегодня хотелось акцентировать без устали! Мы готовы были идти впереди трэкола, мы фотались в каждом проездном пункте. Мы любовались Тельвиской, Устьем, Пустозерском, Пылемцем, Лабожским... Спасибо водителю Денису Шевелёву за возможность этого впитательного поэтического бесчинства!

**Страница 11. «Сочное Великовисочное»**

В Великовисочном реально всё сочное! Насытились мы зрительными вкусовыми изысками, оказалось – были голодны!

Безумно красивый насыщенный цвет бревенчатых стен старых покосившихся домов – богатейший оттенками коричневый бархат, благороднейшая старость! Да, грустно на неё смотреть, но и уважительно!

Приветливые фасады в 9 окон, это ж сколько света в домах! Хороводы окон! Дома-многоглазки! Сарайки и баньки, обильно политые снежным кремом с аппетитными корочками хрустящей от времени древесины!

Горбатый мост, горячий на впечатления очевидцев до сих пор, потому остужаем всеми ветрами так, что мы едва вползли на него, а потом опасливо скатились на другой берег Край-Ямы! И добротная приветливая церковь, что центровала вкуснейший пирог под названием «Великая когда-то, радушная и сейчас Виска»!

Но главное – это, конечно, люди! Вишенкой на пироге стала шикарная экскурсия под предводительством учительницы и нашего доброго друга Ирины Ржаницыной, кстати, нового автора НЛитО «Заполярье»! Её рассказ был так сочен, что требует особого внимания.

Итак, в следующем материале её великолепная экскурсия по Великовисочному!

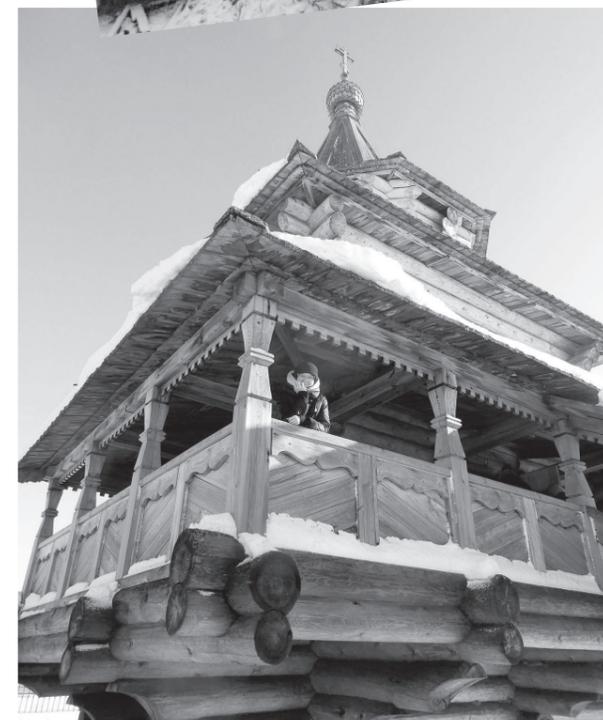
**Страница 12. «Великая Виска устами Ирины Ржаницыной»**

Наше село когда-то было самым большим селом в Нижнепечорье, да и во всём округе, недаром и назвали его - Великая Виска. Возникло оно после основания Пустозерска, и первыми жителями были выходцы из Пустозерска.

В переписи 1678- 1679 годов упоминается 12 дворов. Первых поселенцев привлекали богатые рыбой реки Виска, Шар, тони на Печоре, обилие озер, заливные дуга и пастбища.

Село разделено рекой Край-Яма на две части: центральную, где находятся важные объекты, и Баракову сторону. Название Бараковой стороне дали, возможно, её первые жители Бараковы. Самые распространённые фамилии нашего села - Бараковы, Безумовы, Дитятевы, Шальковы.

Когда-то в нашем селе было много различных учреждений, объектов, предприятий: шикарная столовая (многие вспоминают вкуснейшие обеды, выпечку), маслозавод (произво-





дили масло, сыр, кефир, сливки, ну и молоко, сметану - пишу и ощущаю вкус продукции - высший класс), пекарня (ах, какие были кренделя, булочки, сайки, плетёнки, хлеб), колхоз и в его владении столярная мастерская, конюшни, фермы, электростанция, гараж, рыбзавод, почта, радиозузел, Дом Культуры, КБО (шили на заказ одежду, меховые шапки, ремонтировали обувь, приезжали парикмахер и фотограф, можно было заказать по каталогам трикотажную одежду), две школы: начальная и средняя, интернат, баня, садик, больница. Хочется про каждую организацию рассказать много добрых слов, но...

Но сейчас село, как и везде, к сожалению, умирает. Прогуливаешься по селу и возвращаешься с тяжёлым настроением: улицы пусты, дома не светятся приветливо огнями...

Великая Виска - родное село,  
Величия нет твоего уж давно.  
Жителей мало, пустых домов - тьма,  
На улицах, оживлённых когда-то,  
Теперь тишина, пустота...

Молодежь предпочитает жить в городе, многие люди пожилого возраста зимуют в городе, а на лето возвращаются домой, поэтому летом многолюднее.

В Виске немало достопримечательностей: старые и купеческие дома, обелиски, и конечно, наш горбатый мост через речку Край-Яма.

Описание старых домов можно найти в книге Алексея Коткина «Красная ласточка»: «В Ве-

ликом дома строили трёхъярусные. Первый ярус занимали амбары глухостенные хлевы, на втором располагались живые покои, чуланы, поветь, на третьем ярусе была крохотная - в два окошечка-выпечка.» И т.д.

Таких домов осталось мало, но ещё есть. Речка Край-Яма маленькая, но коварная. Летом она пересыхает, как ручеёк, но весной разливается во всю ширь, выходит из берегов. В 1953 году школу возглавил Спирихин Пётр Михайлович и в первую же весну столкнулся с серьёзной проблемой: дети вынуждены были пропускать учебные занятия весной, а иногда и осенью, когда река разливалась и Бараковая сторона была отрезана от центральной части села. Болея душой за школу Пётр Михайлович вышел с предложением о строительстве моста. Председатель сельского совета Дитяев Иван Семёнович согласился, но на тот момент не было ни средств, ни материалов, ни мастеров. На следующий год весна опять напомнила о проблеме, и председатель сельсовета предложил Спирихину П.М. сделать проект моста, ведь он обучался на инженерных курсах младших лейтенантов в 1941-1942 годах, где они изучали устройство и строительство военных мостов, так как их готовили к разминированию мостов.

Когда определили место для возведения моста, началась работа над проектом в 1955-1956 гг. мост был возведён силами колхозников. В первую же весну мост выдержал экзамен на прочность. Во время ледохода часть льда по реке Виске заносит в Край-Яму, особенно при

западном ветре. Около моста образовался затоп, и лёд всей массой давил на мост, который скрипел и стонал. Тогда на спасение моста бросились мужчины на лодках с пешнями и ломом. Рискаю жизнью, они разбивали льдины и пропускали их под мостом. Мост был спасён. К счастью, никто не пострадал в этой схватке. После этого каждой весной вокруг столбов прорубают лёд.

Сколько тайн хранит этот мост, свидетелем скольких свиданий он был!

#### Страница 14. «В Доме Володиных»

Разбушевавшаяся метель напомнила нам о приближающемся времени выступления, и мы, прервав увлекательнейшую экскурсию по Великовисочному и заручившись обещанием экскурсовода о продолжении, помчались в библиотеку.

Мчатся в такой красивый дом – архитектурный памятник «Дом Володиных», в котором в своё время ещё и проживала наша писательница Елизавета Выучейская (Езынгова) – было одно удовольствие! Увидеть полный кабинет зрителей, трепетно нас ожидавших, стало ещё большим удовольствием!

Открыла встречу заведующая библиотеки (филиала Ненецкой центральной библиотеки им. А.И.Пичкова) Нина Ефимовна Безумова.

Мы читали горячо, эмоционально, до слёз в глазах, волнения в груди и тряски рук. И получили незабываемую радость от поощрительных слов, отзывов, аплодисментов зрителей. А

то, что к нам присоединился автор из самой Виски – Ирина Ржаницына – и прочитала свои стихотворения, было просто восклицательным знаком в завершение этого сезона «Стихохода»!

\*\*\*

Из рассказа Ирины Ржаницыной:

«Купеческий дом Володиных, где сейчас располагаются музей и библиотека, - дом с богатой историей. Для строительства дома в конце 19 века привезли лиственницу, специальным раствором обрабатывали дерево, чтобы дольше стояло. Дом высится на низком месте, в половодье его всегда топит, но он до сих пор крепок. После раскулачивания здесь в разные годы размещались детский дом, школа, интернат, квартиры.

О семье Володиных рассказывает в своей книге «Родом с Пинежья» Елена Семёновна Володина...»

#### Страница 15. «Продолжаем экскурсию»

Насытившись приятными словами наших слушателей и вкусными пирогами с чаем, мы, участники проекта «Стихоход», вновь вышли на экскурсию по Великовисочному. От метели не осталось и следа, а солнце светило так ярко, что создавалось неисправимое впечатление: мы выступили ХОРОШО, ведь довольно даже солнце!))

Дорога привела нас в Дом культуры на удивительную фотовыставку работ Николая Шалькова. Обычные стены, окна, фотографии... Но



при ближайшем рассмотрении оказалось, что это шедевры! Это были не просто фотографии, а живые, эмоционально-портретные, художественно грамотные, композиционно изысканные, многозначные истории жизни людей!

Тем временем добрый друг Ирина Ржаницына продолжила свой рассказ:

«Говоря о нашем селе нельзя не вспомнить Шалькова Николая Ивановича, нашего летописца, благодаря фотоработам которого мы можем многое узнать об истории нашего села.

Он родился 31 октября 1941 года в большой трудолюбивой крестьянской семье. Учился легко, много читал, занимался спортом. Школу закончил хорошо и получил рекомендацию на физико-математический факультет в институт, но поступил в Шенкурское училище, так как хотел выучиться быстрее и помогать семье.

В первый же год учебы он тяжело заболел, и у него отнялись ноги. С этого времени Николаю пришлось передвигаться в коляске. Этот удивительный человек не пал духом, он занялся фотографией, изучением стенографии, выписывал много газет, журналов, собирал интересные вырезки, писал статьи в газету «Няръяна вындер», вёл постоянные записи о погоде, о наводнениях, об уровне воды по годам, сопровождая эти записи фотографиями.

Николай Иванович отлично играл на баяне, гитаре, гармошке, у него был прекрасный музыкальный слух. Его очень любили ребята и взрослые. Много разговаривал с молодыми людьми, пытаясь вывести их на правильную дорогу, если они находились в тяжёлой жизненной ситуации.

Николай Иванович составлял родословные многих семей села Великовисочного. Благодаря ему многие узнали свои корни.

А ещё он дарил всем фотографии просто так, не брал денег за работу».

### Страница 16. «По местам памяти»

В завершение экскурсии по Великовисочному наш экскурсовод-знаток Ирина рассказала о красавице церкви, о памятниках и памяти; светлыми окнами встретил небольшой сельский музей. В итоге мы наполнились информацией, впечатлениями подполна и от всей души долго благодарили Ирину Васильевну, которая после того, лихо запрыгнув на снегоход, умчалась по накатанной дороге, оставляя за собой искорки взметнувшегося снежного наста! А мы пошли аккуратно загружаться в трэкол, чтобы не расплескать увиденного, услышанного, почувствованного...

«В 1872-1873 году в Виске была построена церковь во имя Святого Чудотворца Николая и колокольня (один колокол есть в няръян-марском музее). Колокольню сожгли, на месте церкви был клуб. Сейчас вновь возведена церковь.

Первый обелиск погибшим в Великой Отечественной войне был построен по проекту Са-

мойлова Василия Петровича, ветерана-фронтовика, заслуженного учителя, который много лет работал завучем, учителем географии, технологии, руководил рыболовецким кружком. Сейчас этот памятник отреставрирован.

Второй обелиск был открыт в 1985 году около здания нового Дома Культуры. Автор проекта этого памятника – наша землячка Зензина Фаина Николаевна. 9 Мая жители села с фотографиями воинов-земляков идут до первого обелиска, возлагают цветы, затем возвращаются ко второму, где и происходит митинг и возложение венков. Вахту памяти учащиеся школы несут у обоих памятников».

### Страница 17. «Домой!»

Тепло попрощавшись с хозяйшками библиотеки Ниной Ефимовной и Мариной Григорьевной мы двинулись в обратный путь, чтобы завершить стихоходовую эпопею.

Дорога из Виски до Нарьян-Мара не вместила всех впечатлений и разговоров... И вот уже впереди приветливо вытянули длинные шеи жирафики-портовые краны...

Мы благодарим всех, кто помог нам осуществить это замечательное предприятие! Спасибо нашим организаторам Екатерине и Константину за своевременность, слаженность, насыщенность, выдержку и позитив, создание дружеской тёплой среды в любой непроходимой (не проездной) ситуации всех этапов «Стихохода»!

Проект завершился? Не-е-ет! Так нельзя! Пусть это будет началом доброй традиции живого общения с творчеством и друг другом! Пусть «Стихоход» каждый год отправляется в путь, чтобы вместе с читателями встречать 21 марта – Всемирный день поэзии!

### Страница «Поздравительная» 21.03.22

Во Всемирный день поэзии «Стихоход» поздравил всех с праздником и пожелал:

Пусть белые листы дорог на фоне чистого неба ведут вас к мудрым мыслям, красивым образам, творческим находкам! Пусть помогает в пути свежий ветер перемен, светит солнце ясного взгляда, греет любовь и уважение читателей!

### «Отголоски «Стихохода»

Ирина Ржаницына

«Хочется выразить огромную благодарность творческой, лёгкой на подъём команде «Стихоход». Вчера мы окунулись в мир поэзии наших замечательных авторов земли Ненецкой! Встреча была очень душевной, доброй, яркой! От лица всех присутствующих – спасибо! Надеемся, что встречи будут традиционными!

Я вчера была на волнах счастья да и сегодня еще плавно качаюсь на них...».

### Страница 18. «И снова у микрофона!» 26.03.22

Сегодня выступали для библиотекарей образовательных учреждений в Этнокультурном центре, на родине Стихохода. И так всё получилось душевно, и так приятно было зрительское вдохновение! Спасибо вам, дорогие наши читатели, уважаемые библиотекари!

### Страница 19. «Итоги за чашкой чая» 16.04.22

Команда стихоходов 15 апреля в ЭКЦ НАО подвела итоги культурного марш-броска 2022 года. Итоги порадовали! Вы только посмотрите:

1. Выполнена главная задача – привлечение внимания общественности к литературному творчеству. Стало понятно, что произведения наших поэтов и писателей можно не только в альманахах складывать, но и слушать из зала, внимать из уст автора со всей его индивидуальностью, вдохновляться на творчество вслед!

2. Четыре поездки в населённые пункты охватили на встречах более 80 человек, а Дневник стихоходов охватил более 2000 читателей!

3. Стихоход прозвучал в целую полосу газет «Няръяна вындер» и животворящим словом в неофициальном блоге «ЧУМотека», на сайте ЭКЦ и в группе ВК «Заполярье»; на личных страницах авторов и многочисленной родственно-дружеской группы поддержки.

4. Поездки напитали авторов красотами нашего округа, идеями и эмоциями, вдохновили на новое творчество, выполнив функцию мотивирования: Ольга Пашун и Наталья Чупрова тут же создали ряд замечательных стихотворений; Ирина Маркова засела за макет своего первого сборника зарисовок, к которому сама делает иллюстрации; Саша Овчинникова изучает историю населённых пунктов НАО, чтобы переместить туда героев своей «Легенды о тундровых сокровищах» в качестве продолжения, а на уроках в школе № 3 изучают Сашину «Легенду...» с приглашением автора; Екатерина Коваль, вдохновлённая успехом «лит.операции», умчалась в Москву учиться у мастеров литературного мира страны; Александр Огурцов взялся за изучение уникальной этнографической темы; Лидия Сядейская сменила причёску и написала ряд стихотворений для детей в журнал «Пунушка»; Светлана Коньгина успешно развивает авторскую тему #Мысливслух... Да мало ли что ещё!

5. Отдельная благодарность встречающим Стихоход друзьям в населённых пунктах: за хорошую рекламу, зрительскую аудиторию, тёплый своевременный приём, обширную программу встречи, плодотворное сотрудничество! И да будет жить наш «Стихоход»!

Ирина Селиверстова

Наталья Чупрова

\*\*\*

Едем мы со Стихоходом  
По родным местам.  
Стихоход позвал в дорогу –  
Ждут нас встречи там!  
Стихоход умеет людям:  
Подарить эмоции,  
Расплескать, словно вино,  
Для души вибрации,  
То заставит всех смеяться,  
То слезой прокатится.  
Восторгаться, вдохновляться,  
Стихоходам нравится.  
Лишь бы не был равнодушен  
Слушатель, читатель.  
Критикуйте, мы всё примем.  
Главное – читайте!  
Кто-то скажет: «Про любовь  
Вы пишете больше».  
Кто попросит: «Про детей  
Не забудьте тоже!»  
Ох и трудная работа –  
Столько сотворить.  
Будем очень мы стараться  
Всем вам угодить.



## Литературные путешествия



## В объятиях Грузии

*На холмах Грузии лежит ночная мгла  
Шумит Арагва предо мною.  
Мне грустно и светло...*

Думалось ли мне, что я прочувствую то же, что и великий Пушкин.

Думалось ли мне, что слова из любимой песни «Расцветай под солнцем, Грузия моя» – будут не просто звучать во мне, а обретут реальность, и на самом деле я вдохну воздух этой далёкой, но вместе с тем такой близкой мне страны. И зазвучат во мне строки Лермонтова из поэмы «Мцыри» как раз в том месте, где сливаясь, шумят, «обнявшись будто две сестры, струи Арагвы и Куры ...».

Как там в популярном нынче рекламном трюке: «Мечты сбываются»? Так вот, не мечты, я и не мечтала, думала, что это невозможно, а просто вышло так, что я побывала в Грузии. Хотя, надо признаться, увиденное и пережитое ещё не утряслось, не устоялось, не переварилось. Но написать про поездку в Грузию очень уж захотелось.

Путь в одну из бывших республик СССР лежит через Москву. (кстати, дипломатические отношения между Россией и Грузией не установлены).

В «Экспрессе», который мчит меня из Внуково до Киевского вокзала, вынуждена слушать (сидим рядом) разговор двух молодых людей. Один – далеко не худенький юноша, в ярко-коричневых брюках-шароварах, активно восхищался Словенией (столица Любляна, 1,9 млн жителей). Рассказывал о том, что учится на строителя, живёт в общежитии, надеется «зацепиться» и остаться жить там навсегда. А на вопрос собеседника: «А что, Словения – это

## Татьяна Okладникова

бывшая республика СССР?» – засмеялся, пальцем на окне нарисовал силуэт, пояснив: «Ниже Австрии» и на удивление чётко перечислил все пятнадцать республик СССР.

Другой – стройный, подтянутый, элегантный, живёт и учится в Германии, едет (как и первый) на каникулы в Москву. Он категорически не понимает своих родителей: «Как можно тут жить?» – с возмущением вопрошает он, связывая своё будущее только с Германией.

В середине разговора молодые люди пожали друг другу руки, вспомнив, что они не представились, и ну опять взахлёб рассуждать как у них да как у нас (у них, в основном, хорошо, у нас, естественно, плохо).

Почему пишу об этом? Да, пожалуй, впервые слышу о таком безоговорочном неприятии России из уст молодых людей, которых мы так стараемся воспитать «в духе патриотизма и любви к Родине». Не получается...

Отлёту в Тбилиси предшествовала экскурсия по центру Москвы с многообещающим названием «Роковые женщины». Экскурсовод Ирина Геннадьевна, автор многих книг по истории столицы, рассказывала увлекательно, захватывающе, что называется «на высоком профессиональном уровне».

А у меня из головы не выходил разговор моих попутчиков. Почему парни рвутся из страны, у которой богатейшая история, образованнейшие люди, красивейшие города с неповторимыми площадями и улицами, милыми переулками и домами.

А на днях наткнулась на обнадеживающую информацию на странице одной из уважаемых газет.

Оказывается, несмотря на низкие темпы экономического роста за последние десять лет, крупные экономисты и политики мира считают, что Россию ждёт мощный подъём. И большинство наших специалистов, уехавших за границу, вернуться на Родину. В собственной стране перспективы карьерного роста намного выше. Вот так-то! Будем ждать.

Кстати, Ирина Геннадьевна постоянно акцентировала наше внимание на том, что в истории оставили свой след женщины-озорницы, шалуньи, с так называемым «куражом», а чинные, благочестивые, верные своим мужьям спутницы остались историками не замечены. Как оказалось, есть и экскурсия «Роковые мужчины». Любопытно побывать и на ней.

Следующий этап моих зимних каникул – аэропорт «Жуковский», рейс по маршруту Москва – Тбилиси. С любопытством рассматриваю пассажиров. Ничего необычного. Пассажиры как пассажиры, и разговаривают, в основном, по-русски. Никакой заграничности.

Тбилиси встретил тёплым воздухом, тёмным вечером, немислимыми дорожными пробками и непривычной гортанной речью. Позже на одной из экскурсий я спросила у экскурсовода и шофёра автобуса: «Вы что, ругаетесь?». «Нет, нет», – заверили они меня и мило, приветливо улыбнулись. Ламара – экскурсовод, приятная женщина, в драных по моде джинсах, рыжая, не похожая на типичную грузинку. Речь её, правильная, грамотная с чуть уловимым грузинским оттенком, увлекала и убаюкивала нас, уставших от перелёта туристов. Мы – это путешественники из многих уголков России, молодые и не очень, семейные и одинокие, мужчины и женщины, но объединило нас всех одно желание – лучше узнать и полюбить Грузию.

Наутро – экскурсия по Тбилиси. И опять звучат во мне слова знаменитой песни: «И Нарикала здесь стоит, Как память прошлых тяжких бед, Твою главу венчая сединой».

Передо мной древнейшее сооружение Грузии – крепость Нарикала в самом центре Тбилиси. Внизу район «Абанотубани», при входе в серные бани табличка со словами Пушкина о том, что ничего лучше Тифлиских бань он не встречал (Тифлис, это раньше, сейчас – Тбилиси).

Побывать в Тбилиси и не посетить бани – невозможно. А тем более – накануне Нового года. Оказаться 31 декабря в бане, да ещё в серной, да в центре Тбилиси, – вот это действительно «круто», что ни говори, да и слова другого, кроме популярного «круто», пожалуй, не подобрать. Но это произойдёт позже, а экскурсия по Тбилиси продолжается.

В национальном музее Грузии, «долго и упорно» нас водили по первому этажу, демонстрируя находки при раскопках, древнейшие иконы, предметы, доказывающие зарождение грузинской письменности. Хотелось побыстрее перебраться к современности. Наконец, я, не выдержав, спросила: «А на второй этаж мы поднимемся? Что там?». «Нет, выше первого этажа экскурсия не предусмотрена. Верхние залы посвящены периоду оккупации русскими Грузии», – почти шёпотом сообщила Ламара. Во мне зашевелилось чувство обиды, недоумения и, пожалуй, злости. Напрасно они так по нас, советских.

Позднее таксист преклонных лет с горечью признавался: «Плохо нам без России. Заводы, фабрики закрыты, много безработных. Я – за СССР».

Разные точки зрения у грузин на деятельность одного из бывших президентов Грузии. Одни заявляют: «Он в один день уничтожил



коррупцию, убрал с улиц нищих и попрошайек». Другие дипломатично помалкивают.

Сейчас же, чуть замешкаешься, к тебе тут же устремляются пожилые люди и на чистом русском языке настойчиво выпрашивают лари (денежная единица в Грузии). Молодёжь русского языка не знает, но в помощи не отказывает. Просят милостыню не только у туристов, но и в пробках, между машинами, шмыгают, протягивая руки инвалиды. Шофёр нашего автобуса периодически молча подавал монеты, говоря при этом, как бы оправдываясь: «Надо помочь». В Грузии пенсия минимальная, около ста долларов, но все знают, что дети старики не бросят, менталитет такой. Мужчины уходят на пенсию в 65 лет, женщины в 60.

Когда на одной из экскурсий речь зашла о том, что Патриарх сам крестит каждого третьего ребёнка в семье, мы ахнули от восхищения. Декретный отпуск оплачивают три месяца и три месяца за свой счёт – и всё. А Ламара, чуть помолчав, пояснила: «На этом все привилегии и помощь государства заканчиваются. Но рожать продолжают, работы у Патриарха не уменьшается. Не хлебом единым...».

В одном из многочисленных посещённых нами монастырей встретился юноша с огромными, необыкновенной красоты чёрными глазами. Пожалуй, таким я и представляла лермонтовского Мцыри. Он не сводил свой затуманенный взор с молоденьких девушек из нашей группы. «Барышни! Подарите улыбку юноше», – прошептала я им. – Осчастливьте затворника». Хихикают, прячутся, убегая от него, дурочки. Что, жалко что ли?! А он с такой тоской и безысходностью на них смотрел... Глаза грустные, безнадежные.

Запомнился Мамука, высокопрофессиональный гид, с отличным чувством юмора. О Робин Гуде, он обмолвился: «Ему, сегодняшнему, запретили бы грабить богатых. Нельзя. Бедных можно». И в таком духе на протяжении многих часов по незабываемой Грузии. Побывали в Кахетии, родине грузинского вина, в городе любви Сигнахи, где пили кофе с видом на Алазанскую долину, в древней столице Грузии – Мцхета, которая состоит под охраной ЮНЕСКО, в изумительном месте, хорошо всем известном под названием Боржом, проезжали мимо дома Сталина, внутрь попасть не удалось, на календаре 1 января.

А ещё я твёрдо усвоила, что хинкали – это грузинские «пельмени», чача – это грузинская водка, хачапури по-аджарски – это необыкновенно вкусное блюдо. Чебуреки же в старом подвальчике, на площади возле сероводородных ванн, хороши как нигде.

Грузия – это сказка, в которой обязательно стоит побывать, познакомиться с грузинским народом, восхититься его гостеприимством, радушием, щедростью и убедиться в вечной любви и дружбе между русскими и грузинами. Оно того стоит.

## Екатеринбург – Тюмень – Тобольск

На литературной встрече я пообещала своим читателям, что обязательно побываю в далёком и таинственном Тобольске, расскажу о впечатлениях и знакомствах, поделюсь чувствами и мыслями. А также попытаюсь раскрыть тайну: действительно ли знаменитого «Конька Горбунка» написал Пётр Павлович Ершов?

### Впечатление первое я испытала в поезде, следующем по маршруту Москва – Екатеринбург

Что стало с проводниками, точнее с проводницами, да и со всей железной дорогой России? Не узнаю. Комфорт, чистота, торговля бьёт ключом: различные сувениры, игрушки, благотворительные открытки с детскими рисунками активно предлагают пассажирам, равнодушным к покупкам. А лотереи? Так и несут, так и несут, и насаждают, и предлагают, упрашивая несговорчивых покупателей. Всё это делается вежливо, с тёплыми, почти нежными нотками в голосе. Жалко мне проводниц, поэтому купила парочку невыигранных билетов да ненужных сувенирчиков. А поезд весело отстукивает своё: «Мы едем, едем, едем в далекие края...».

Из Екатеринбурга ранним августовским утром на автобусе направляемся в Тюмень и Тобольск. По пути заезжаем в село Талица, по программе – посещение музея Героя Советского Союза, легендарного советского разведчика Николая Кузнецова. Но, увы... Музей закрыт. А так хотелось поближе узнать о простом сибирском пареньке, который заслужил право быть «гением перевоплощения», феноменальным, лучшим разведчиком двадцатого века, признанным ЮНЕСКО. Небывалый талант – в течение 18 месяцев быть Паулем Зибертом, знатком немецкой культуры, идеально владеющим языком Гёте, душой компании офицеров, считающих себя особой кастой.

В одно мгновение Николай Кузнецов из простого крестьянского сына превращался в истинного арийца, блестяще образованного, с безупречными манерами. Этому научиться нельзя, это Божий дар, отмечают исследователи жизни Николая Ивановича. А жизнь его – целый ряд неразгаданных вопросов, ненайденных ответов. Много фактов из биографии разведчика Кузнецова до сих пор засекречено. Известно, что обучался в Талицком лесном техникуме, знал коми, украинский, в совершенстве владел несколькими диалектами немецкого языка. Кузнецов утверждал: «Знать два языка – прожить две жизни». Он же, разведчик-самородок, прожил всего 32 года. Несмотря на то, что пламенный комсомолец дважды был обвинен по надуманным статьям, Николай не озлобился, не разуверился в идеи социализма. «Я в любую минуту готов отдать жизнь за Родину», – писал

он своему брату.

Россия помнит и оберегает всё, что связано с великим разведчиком, поэтому памятник из Львова был перенесен в Талицу.

### Впечатление второе – Тюмень

«Сегодня Тюмень (817 тысяч жителей) – одно из самых комфортных мест проживания», – поведала нам экскурсовод и добавила, что с бывшим губернатором, а ныне одним из ведущих политиков страны, город заметно преобразился, за что тюменцы искренне ему благодарны. А ещё Тюмень – город с самым высоким качеством жизни в России, эту информацию я узнала из солидных и надёжных источников.

Встретила нас милая барышня по имени Аполлиария Ивановна, она же «сибирская купчиха». Рассказала о своём муже, знаменитом тюменском купце, об атмосфере своего девятнадцатого века, откуда она и явилась к нам, в двадцать первый. Поведала о тайнах своих подружек, о последних новостях, о любовных похождениях неверных жён и мужей, а также о том, что подают вкусенького на столы в зажиточных домах Тюмени. А ещё Аполлиария Ивановна обратила наше внимание на роскошную домовую резьбу, объёмную, барочного стиля, украсившую деревянный город. Верхняя часть наличников на окнах напоминает кокошник – старинный женский головной убор. Это означало: женихи, внимание! В этом доме живёт девушка на выданье.

Любопытная, надо признаться, барышня: пухленькая, платье в цветочек, с ридикюльчик. Так и осталась у меня в памяти как символ Тюмени. Прогулялись мы с Аполлиарией Ивановной по старой Тюмени, по прекрасной набережной, по знаменитому мосту влюбленных.

Мост влюбленных – это вантовый пешеходный мост через реку Тура. «Вантовый, вантовый», – слышится то там, то здесь. Что это за невидаль такая? Вантовый мост – это тип ви-

сячего моста, соединённого с дорожным полотном стальными тросами – вантами, которые расположены по системе «арфа». Эти самые ванты, как натянутые струны, удерживают мост.

На тюменском вантовом мосту проводился конкурс на самый длительный поцелуй. Победителями стала пара, поцелуй которой длился шесть часов. С трудом верится, что такое возможно. А вы могли бы?

Приехав в Тюмень, обязательно присядьте на «Двенадцать стульев желаний», прокатитесь на кораблике по Туре, посетите сквер сибирских кошек. О сибирских кошках надо сказать особо. Сибирская кошка – истинный друг своих хозяев. Крупные, с густой шерстью и горделивой осанкой они, кошки – уникальные лекари: тонко, на энергетическом уровне чувствуют больные места человека. В годы Великой Отечественной войны, после снятия блокады Ленинграда, прошла «кошачья мобилизация» с целью защиты бесценных хранилищ Эрмитажа от полчищ грызунов. Мурок и барсиков специально набирали в Сибири. Они-то и спасли ценнейшие экспонаты ленинградских дворцов и музеев.

### Тобольск – впечатление третье, незабываемое

Начну издали. Честно признаюсь, была уверена, что города с таким названием на карте нашей Родины уже и не существует. Переименован в какой-нибудь Коммунист или Ленинск, на худой конец в Марксиск. Ан нет. Как был Тобольском, так им и остался. «Тобольск и двести лет назад, и сейчас продолжает восхищать и оглушать гостей своей величием, столичной осанкой, монументальностью и одновременно воздушной грацией, и неповторимыми видами. Тобольск – самая настоящая сказочная столица, в которой просто обязан побывать каждый», – эти слова из



путеводителя понравились мне. Город на протяжении многих лет был центром управления Уралом, Зауральем, всей Сибирью и Дальним Востоком. Основан в 1587 году на берегу Иртыша. Восхищает изящный Тобольский кремль, талантливо вписанный зодчими в уникальную природу Сибири. Упоминание о Тобольске можно найти в биографиях многих известных людей: Менделеева, Достоевского, Перова, Алябьева и, конечно же, Ершова.

Более двадцати лет назад я начала преподавать детскую литературу в социально-гуманитарном колледже. Без Ершова и его «Конька-Горбунка» невозможно обойтись. Тихий, скромный Петруша Ершов, обучаясь на втором курсе, удивил своего преподавателя, профессора Петербургского университета Плетнева. Войдя в аудиторию, он с восторгом продекларировал: «За горами, за лесами, За широкими морями, Не на небе – на земле Жил старик в одном селе». Что говорить об однокурсниках, которые были ошеломлены: «Как так! Сибирский паренек на такое способен?»

Вернувшись в Тобольск, теперь уже Пётр Павлович начал работать в своей же гимназии, сначала учителем, затем библиотекарем, закончил трудовой путь директором. Похоронен в Тобольске, на его могиле стоит памятник с надписью: «Автору народной сказки». Если автор, то сказку написал один человек, а если народная, то целый народ. Парадокс? Литературоведы это несоответствие объясняют самобытностью автора, ярким языком сказки, обилием пословиц и поговорок, стилем народных сказок. Так вот, очень уж мне хотелось побывать и поклониться великому сказочнику. Честно признаюсь: казалась мне эта мысль совершенно неосуществимой. Сейчас, сидя за рабочим столом в заснеженном и морозном Нарьян-Маре, всё ещё не до конца верится, что я была на могиле Ершова. Но фото, на котором я, довольная и счастливая, стою у могилы Петра Павловича Ершова, без сомнений подтверждает моё присутствие на старинном кладбище в городе Тобольске.

Ну, а миф о мнимом авторстве Ершова убедительно рассеяла экскурсовод, сообщив, что кроме всемирно известного Конька Пётр Павлович оставил нам достойное наследие. Оказывается, он написал продолжение сказки «Конёк-Горбунок» для взрослых, лирические произведения, романтическую поэму «Сузге» о подвиге сибирской царицы. Стиль этих произведений доказывает принадлежность их одному и тому же автору. А ведь до приезда в Тобольск я, как и многие читатели, считала, что кроме Конька писатель больше ничего и не создал.

#### Впечатление четвёртое, яркое

Село Покровское, Дом-музей Григория Распутина. Распутин, как поясняет Интернет, при-

обрел всемирную известность благодаря тому, что был другом семьи российского императора Николая второго и имел на неё неограниченное влияние. Наш экскурсовод перед входом в дом предупредила, что музей находится в частной собственности, владелица – преподаватель одного из высших заведений Тюмени. И добавила: «Слушать, не перебивая. Вы побываете на спектакле одного актёра, цените эту возможность». Тем более – это первый частный музей в России.

Ну, мы и молчали в течение двух часов, открыв рты, внимательно ловили каждое слово человека, посвятившего свою жизнь сохранению памяти одной из самых загадочных личностей России. Я приведу несколько высказываний уникального экскурсовода, записанных мною почти дословно:

– «Волей или неволей царская семья будет в Тобольске и, прежде чем умереть, увидят мою родную деревню», – утверждал Распутин в августе 1916 года.

– 14 апреля 1918, повозка с царской семьёй остановилась, последний раз меняли лошадей. «В селе Покровском была перепряжка, долго стояли как раз против дома Григория и видели всю его семью, глядевшую в окна». Из дневника Императора Николая второго.

– Есть имена, которые известны всему миру: в каких странах только нет ресторанов, названных именем Распутина, «Бони М» распевал Распутин, сколько фильмов снято о «человеке Божьем», о непостижимой загадке, о «Святом черте».

– После известия о том, в Тобольской губернии появился мужик, который может помочь излечить болезнь малолетнего царевича, царица на волне безысходности впускает мужика в детскую, в святую святых.

– Измождённый, бледный, неистовый Распутин в течение нескольких часов стоял на молитве. Когда встал – был совершенно мокрый.

– «Как врач объяснить не могу, как очевидец – констатирую», – писал доктор, наблюдая улучшение здоровья сына царя, больного гемофилией (несворачиваемостью крови).

– В октябре 1916 года Распутин писал: «Ещё до конца этого года буду убит. Смерть моя будет мучительной. Если буду убит людьми равными тебе (царю), династия твоя более двух лет не проживёт. Будет смута. Моя смерть будет вашей смертью».

Вся продолжительная концерт-экскурсия была наполнена всепоглощающей, преданной, чистой любовью к Григорию Распутину. Главная мысль двухчасовой лекции – Распутин – необыкновенная личность, неординарный человек, патриот России. А слухи о его непристойной жизни – это всего лишь слухи. Так-то вот. Мой совет: не ленитесь, почаще заглядывайте в наше прошлое, историю и создавайте свой взгляд на то или иное историческое событие.

#### Впечатление заключительное: Свердловск – Екатеринбург

Экскурсовод в Екатеринбурге почти сразу заявила: «Знаю, что вы приехали из Покровского, значит в восторге от экскурсии в доме Распутина. В Екатеринбурге же отношение к Григорию холодное». Никто спорить не стал.

Екатеринбург – город-миллионник, экономический, административный, культурный, научно-образовательный центр Урала. Стоит на небольшой извилистой реке Исеть. Как в любом другом городе, в нём масса интересных мест, легенд, историй. Екатеринбург можно изучать долго, гуляя, любоваться стариной, современным городом и даже прокатиться на метро. Большое событие для Нарьян-Мара – прямые, недорогие рейсы в столицу Урала. Знаю нарьян-марцев, которые на выходные дни отправляются в бывший Свердловск и с удовольствием проводят там время.

Екатеринбург – место гибели царской семьи. Дома Ипатьева, памятника варварству, последнего дворца последнего царя, не существует. В годы Советской власти в нём принимали пионеры, затем отдали под квартиры, где, по воспоминаниям современника, всегда пахло жареной картошкой. Сейчас на этом месте величественный храм.

Я до слёз была тронута трагедией царской семьи, побывала на месте расстрела, поклонилась земле в Ганиной яме. «Урочище Ганина яма, в былые времена привлекавшее внимание рудокопов, которых в просторечии называли «ганями», теперь известно как место сокрытия царевичами следов своего преступления, совершенного в ночь на 17 июля 1918 года в Ипа-

тьевском доме». Молодой экскурсовод Андрей спокойно, вдумчиво, неторопливо сумел показать человеческие качества императора Николая и его домочадцев: «Не думал, что увлекусь историей. Сама жизнь подтолкнула меня окунуться в трагедию царской семьи. Вижу, как наяву, сестёр, сидящих на подоконниках и машущих руками глазеем на них жителям Тобольска (два года семья жила в этом городе). Только немногие из прохожих упрекали: «Что глазеть-то на чужое горе».

Царевич любил пожимать руки солдатам, отец увидел – запретил (пусть будет не всё дозволено). Алексей увлекался кинематографом, устраивал просмотры, домочадцы всё бросали и мчались смотреть снятые кадры. Как и все обыкновенные мальчишки, царевич собирал гвоздики и клал их в карман. Мать-царица зорко следила за этим: нельзя, гемофилия, но не могла ничего запретить любимому сыну. Терпеливо сама зашивала карманы. Заставили задуматься и покорили меня слова Андрея, которыми он закончил экскурсию: «Зависть и злость со стороны жителей и солдат к царской семье; благородство, порядочность, высочайшая культура императора и его окружения. Но сами же довели Россию до такой бедности и тупости».

Путевые очерки – это и встречи с незабываемыми людьми. Вот и в этот раз я познакомилась с талантливой поэтессой Натальей Цукановой. Внимательно слежу за её творчеством, восхищаясь талантом. С удовольствием и волнением приглашаю читателей альманаха «Заполярье» прикоснуться к строчкам Натальи, окунуться в её поэтический мир, понять, что тревожит и чем живёт современный поэт из славного города Екатеринбурга.



## Свидание с собой

## Наталья Цуканова

«Мой родной город – Екатеринбург, славящийся не только тем, что он – «опорный край державы», но и тем, что богат талантливыми людьми. Я не поэт, однако моя жизнь неразрывно связана с поэзией. Я – преподаватель русского языка и литературы, именно поэтому с большим трепетом и вниманием отношусь к каждому слову.

В представленных мною произведениях можно найти частичку моей души, моего мировосприятия и веры в лучшие человеческие качества. Хочется надеяться, что каждое из прочитанных стихотворений оставит в душе лёгкий шлейф приятных воспоминаний и подарит немало чудесных минут».

## А мы забыли

Мы в ответе за тех, кого приручили  
А. Экзюпери

Последний летний месяц – красота.  
Звенит струной неугомонный ветер,  
Роскошны поздние цветы в садах,  
Что радуют обильным многоцветьем.

Старушки дружно кормят голубей,  
Детишки, мамы ходят по дорожкам,  
Идиллия! Покой в душе моей...  
И вдруг щенок подкрался осторожно.

Глаза в глаза! А в них мольба и страх,  
Как видно, потерялся, несмышлёный,  
Весь день среди чужих, в чужих местах  
Искал того, кто сладко пахнет домом.

Метался и поскуливал едва,  
Свою беду пытаюсь всем поведать,  
А мне как будто слышались слова:  
«Скажите честно, я никем не предан?»

Кто гладил, кто кусок ему бросал,  
Кто отгонял (отстань, мол, надоело).  
Он, хвост поджав, покорно отбегал,  
Но вновь на поиски бросался смело.

Девчущку с тонкой шлейкою в руках  
Увидел и навстречу ей рванулся,  
И замер от нее в пяти шагах,  
Вдруг осознав, что снова обманулся.

Опущенные хвост и голова  
Немым укором всем на свете стали.  
Забыли мы те добрые слова,  
Которые когда-то прочитали...



Ушёл щенок неведомо куда,  
И день померк, как будто погасили...  
...А мы должны в ответе быть всегда  
За тех, кого однажды приручили.

## Оберег

В мире затихающих страниц,  
В мире нарастающих вибраций,  
Где привычны маски вместо лиц,  
Где сердца во власти информации,

Где шаблоны, штампы и клише,  
Среди модных мыслей «по стандарту»,  
Как же хочется моей душе  
Книжноодержимого азарта.

Я люблю витиеватость фраз,  
Стройный слог, детали и подтексты.  
Мне претят (слащавые подчас)  
Однотипные, до боли, тексты.

Хочется про вечное читать  
(Не про толерантное участие),  
Перечитывать и долго смаковать,  
Наслаждаясь нереальным счастьем.

Я люблю изящный пируэт  
Мастерски написанного слова,  
Ведь оно через десятки лет  
Заиграть способно гранью новой.

Оберег для распротёртых ниц  
Перед сводом лживых интонаций –  
Шелест затихающих страниц  
В мире нарастающих вибраций.

## Ночь

Она приходит, завернувшись в шаль,  
Что соткана из лунного сияния.  
Задумчиво глядит куда-то вдаль,  
Перебирая чётки Мироздания.

Ступает мягко, тишину храня,  
Стараясь никого не потревожить,  
Стирая хлопоты растаявшего дня  
И упрощая все, что было сложным.

Она глядит меланхолично вслед  
Листу, вальсирующему по дороге.  
Ей ветер декламирует сонет  
О красоте души, любви и Боге.

И бродит по аллеям до утра  
В классическом и строгом одеянии  
Дня суматошного прекрасная сестра,  
Накинув шаль из лунного сияния.

## Свидание с собой

Не ищите меня,  
я включаю «режим тишины».  
Умолкаю и слушаю,  
как надрываются птицы.  
Хорошо и легко. Никакие слова не нужны.  
Я хочу этой музыкой жизни  
сполна насладиться.

Не ищите меня, ухожу... На свидание с собой.  
Так волнительно... Так неожиданно ново.  
Я хочу рассмотреть этот миг  
через призму «любовь»  
И позволить себе вновь открыться  
для нежного слова.

Пусть опять надо мной высоко засияет звезда:  
Я её назову Путеводной, поверив в удачу,  
Буду смелой, открытой (какой не была никогда).  
Бесконечно счастливой. А разве бывает иначе?

Не ищите ни ночью меня, ни в полуденный час,  
Я учусь не жалеть ни о чем,  
что ушло безвозвратно.  
Я на лучшем свидании. Где-то играет джаз...  
...Абонент недоступен для вас,  
но он скоро вернется обратно.

## Веретёнышко

Резво вьётся веретёнышко,  
Нежно песенкой звучит.  
Бабушка мне шепчет: «Солнышко,  
Кто же по ночам не спит?»

Про луну на небе стёклышком –  
Сказки стройный лад опять...  
«Бабушка, а где бы пёрышко  
Мне волшебное достать?»

Шерстяная нитка тянется  
Ровной, тонкою струной...  
«Спи, Финист во сне появится,  
Будет охранять покой».

Веретёнышко игривое  
Подпевает сказке в лад:  
Про коня золотогривого,  
Про царя морского клад.

И тепло, спокойно, радостно,  
Хоть неведом путь земной.  
Засыпается так сладостно,  
Если бабушка со мной.

Эх, подняться бы до солнышка –  
Там, уже который год,  
Бабушка на веретёнышко  
Нить судьбы моей прядет.

## Сны

Легкие, приятные, чудные,  
Добрые, наивные порой.  
Странные, манящие, смешные,  
Но всегда несущие покой.

Беззаботной бабочкой изящной,  
Радостно порхающей везде,  
Сны меняют наше настоящее,  
Возвращая нас к сами себе.

Всё высокомерное, манерное,  
Защищаемое днём бронёй,  
Тает ночью дымкой эфемерной,  
Бабочкой парит над суетой.

От прикосновений крыльев нежных  
Сыплется с цветов пыльцы вуаль.  
Так легко на сердце безмятежно,  
Словно и неведома печаль.

Вновь влекут мечты, что днём бессильны;  
В небе путеводная звезда.  
Мы могущественны и всеильны.  
По плечу любая высота!

В мире грёз, увя, нельзя остаться.  
Сны с рассветом растворяются. Жаль...  
Тенью счастья будут вспоминаться  
Крылья бабочек, цветы, пыльцы вуаль.



### Любовь Царькова



От автора

«Данная публикация дана в качестве вопроса на историческую тему и ни в коем случае не является утверждением/доказательством чего бы то ни было; это личная точка зрения и содержит заинтересовавший меня материал».

«Будущее принадлежит тому, у кого самая длинная память».  
Фридрих Ницше

#### Две заполярные речки

Одинаковые названия рек – по всему миру, в общем-то, обычное дело. Только расположены они иногда за тысячи километров друг от друга. Переселялись народы – давали привычные имена. Если такой географический объект был похож на предыдущий, на прародине, горы, реки, озёра и в названиях получали одинаковые основы.

Но чтобы две небольшие речки за полярным кругом, с истоками, по местным масштабам, совсем близко (около 20 км), что текут в противоположных направлениях в труднодоступном районе Тиманского кряжа, притоки Волонги и Белой, носили одно и то же название – Кумушка!.. Странные тѣзки.

Гидронимы в окрестностях ещё те (одна река Прищатинница чего стоит), но две Кумушки,

текущие с водоразделов – с порогами, перекатами и водопадами в каньонах, проложенных за многие тысячи лет... По берегам – скалы и останцы песчаника, известняка и конгломератов, выходы лавы – базальты верхнего девона со столбчатой отдельностью.

Почему две Кумушки-реки? Предлагается объяснение, в котором я совершенно уверена, а будущее поставит точку.

Если внимательно посмотреть на одну из генштабовских карт, заметно, что из деревни Волонга (на побережье Чешской губы Баренцева моря) выходят три дороги, отмеченные пунктиром (древние грунтовки типа зимников, оленных ворг, а местами в этой тундровой гористой труднопроходимой местности – просто тропы, но хорошие, утопанные веками). Одна тянется вдоль побережья, а две другие направляются... аккуратно к каждой из Кумушек. А ведь местные жители не скупятся даже в микропонимке: каждый приметный холм, овраг, перелесок, поляна, ручеёк, озеро или тоня на реке имеют своё конкретное имя!

Значит назвать реки «Кумушка» было так важно, что в народной памяти дублировали, с иной целью этими путями вдоль рек в древности и не ходили? Ведь всё равно, если идёшь к цели – по левому (Волонга, мимо Травянки, Кумушка-2) или по правому пути (Волонга, Кумушка-1, Белая, устье Кумушки-2).

Поэтому и название одно на две реки.

Вдоль Кумушек на многих участках даже в сторону с тропы свернуть нельзя: непроходимые заросли извилистого тиманского березняка с одной стороны, обрывы и каньоны с отвесными скалами – с другой. По южному пути геолог-первооткрыватель, сам Г. А. Чернов, когда-то рекомендовал туристический маршрут.

Кумушка, Кумушка... Гидронимы обычно сохраняются тысячелетиями... «Когда территория меняет население, названия рек, озёр, гор и даже городов часто оставляют прежнее, таков был повсеместный обычай. Одухотворялись и реки, и горы». Старое имя даст определённую защиту новым комплиментарным поселенцам. Не зашифрована ли эта цель в слове? Куда ты идёшь? – К Умушке. Значит сама Умушка, предположим, находится в этом глухом ненаселённом районе где-то при впадении второй Кумушки в Белую.

#### Урочище «Мамонтѣнки»

После впадения Кумушки-2 в Белую (координаты 67°15'30,5" с.ш.; 48°53'05,1" в.д.), чуть севернее есть урочище, где сходятся оба пути.

На высоком берегу (35 м над урезом воды) красивой реки с поразительной чистоты водой, обрывающемся в ступенчатый каньон – словно неглубокая широкая чаша, покрытая тундровыми лишайниками, арктоусом и вороникой. Со стороны устья Кумушки красуется группа останцов из кварцевого песчаника. Мы назвали это место «Мамонтѣнки» – по краям выветренных скал обнаружено по каменному мамонтѣнку (возраст определили по росту) – почти зеркальное отражение друг друга.

Поправленные формы, неолитические памятники? Можно ещё (с натяжкой) допустить, что ветер и мороз «выточили» из останца природной ассиметричной арки мамонтѣнка. Но – двух? В зеркальном отражении? Просто невероятно (хотя учёных, историков, биологов это нисколько не смущает, впрочем, про «мамонтят» они предпочитают не упоминать, ни одной фотографии в Сети не найдёте). К тому же у правого мамонтѣнка (если смотреть с площадки на юг) в нише имеется округлая скамья или маленький алтарик. Внизу под ними – никаких обломков камней, всё убрано.

В долине Белой немало эоловых или «выточенных» волнами арок и их зачатков (термоабразия). Обломки камней где-то отсутствуют (превратились в песок, развеяны или смыты), но обычно так и лежат грудой под несостоявшейся аркой.

Официальные исследователи списывают все чудеса на выветривание и эрозию, игру сил природы, «создающей нерукотворную красоту». Они не различают естественные живописные станцы и артефакты-памятники древней культуры. Пожалуй, кое-кто не очень точен и строг в своих умозаключениях: почему-то не обращают внимания на то, что самые необычные останцы не разбросаны хаотично, а сгруппированы определённым образом в святилищах. С чего бы природным факторам эрозии действовать избирательно?

В других местах по обрывистым берегам Белой (где, в сущности, такие же скалы, господствуют те же ветры и морозы) ничего подобного не наблюдается: мы видим сглаженный процессами эрозии рельеф, бесчисленные глыбы растрескавшегося рыхлого или косослоистого песчаника произвольной формы, подвергшиеся морозному и эоловому выветриванию: трещины между блоками (иногда очень широкие и глубокие, часто скруглённые, всё поросло мхами и лишайниками), каверны, арки (образованы во время стационарного базиса эрозии на речных террасах), пещеры и «пещерки», гроты...

Многочисленные останцы выветривания причудливой формы, но по виду – естествен-

ные (колокола, шары, бокалы, грибы, столбы, каменные бабы и пр.) Видно, что самые причудливые формы образовались из скал, сложенных мягким слабосцементированным песчаником, а также песчаниками с неравномерной цементацией. В местах более прочного цемента – характерные выступы на самом вершине останцов, чаще всего горизонтальные, типа козырька-носа.

На нижних ступенях каньонов – нагромождение осыпавшихся «свежих» блоков плотного песчаника, не обточенных временем, далеко не перемещённых. Породы очень плотные, имеют крупноблоковую отдельность. Русло Белой практически на всём протяжении Непроходимого каньона (общей длиной около 3 километров до и после впадения Кумушки в Белую, другого такого на реке нет) завалено массивными глыбами песчаника и конгломерата, что делает сплав по этому участку практически невозможным: обрывистые скалистые берега, шивера, перекааты и водопады. Там не спуститься к воде без скалолазного снаряжения.

Ниже по течению находится знаменитый каньон Большие ворота с живописными береговыми обрывами базальтов верхнего девона высотой до 80 метров, сопровождающих реку на протяжении трёх километров...

Заметно, что непохожие на естественные, т.е. «поправленные» останцы в Каменном городе сгруппированы определённым образом – по дороге к святилищу и вблизи него. Мы-то, не скованные корпоративной парадигмой, верим своим глазам и видим, что некоторые природные скульптуры на Кумушке и Белой искусно изменены.

Присмотримся, «кокошник» у каменного мамонтѣнка – в точности, как на картинках с изображением вымерших исполинов (что сделаны по находкам), даже заметны нависшие веки над глазами. Отверстие ниже – наверное оттуда когда-то выходили бивни (ныне отсутствующие), пропорции точно совпадают с натуральными по находкам мамонтов (ах ... «мороз и ветер» работали!) «Да просто поразительно сходство, и главное, что ещё там удивило – отличие внешнего и внутреннего, что передает толстую кожу и нежные внутренности, это вообще необъяснимо. Словно это конкретно окаменевший живой мамонт».

Чудится: в останце-артефакте заключена живая душа, ведь по легендам зверей и людей волшебством превращали в камни. Так или иначе – это чудо или произведение искусства из глубокой древности, сделанное людьми, видевшими живых мамонтов воочию (недаром ненцы говорят: сихиртя пасли «подземных оленей» – мамонтов).

Южнее, в пределах Каменного города Белого Кечвожа (на ручье Белый Кечвож, правом притоке Белой) «поправленные» формы останцов вовсе не замечены, хотя естественные живописные формы имеются как на берегу, так и



в центральной части. Но в основном там – просто лабиринт узких сухих каньонов, петляющих между останцами и образующих «улицы» каменного города. Не потому ли нет поправленных форм, что он расположен в стороне, 8 километрах к востоку от Верхнего каменного города, вдалеке от святилищ?

Однозначно некоторые останцы скальных пород в Каменных городах на Северном Тимане – объекты не чисто природного происхождения, а рукотворны. Признаки – выразительная зооморфность, антропоморфность или другая форма, наличие таких поверхностей, которые стихии природы просто не сделают; главное – упорядоченное местоположение в своеобразных кластерах.

Каждый признак в отдельности не всегда

служит показателем артефакта. Комплексный подход позволяет формулировать выводы удовлетворительной достоверности. Своего рода «сферическое мышление».

Скульптурный ансамбль в урочище «Мамонтёнки» – словно знаменует приглашение в святилище Живы. Мамонтёнок, мимо которого нужно туда идти «доработан» на порядок более тщательно, как живой.

Поблизости на гребне коренного берега красуется Ящер. Время его не пощадило: правая половина шкуры чудовища обрушилась и лежит внизу...

Полная версия: <https://author.today/reader/171301>

Фото Ирины Сергеевой



## Возвращение Завершающий фрагмент

Проза

Мария Кравченко

«Возвращение» – заключительная часть трилогии, продолжение приключений героев повести «Сказка Каменного города» и «Хранители». Начало третьей части в альманахе «Заполярье» № 20/2020

### Божественная духовность

– Как что делать? К шаману идти, – уверенно ответила Катя. – Пошли, я по дороге буду рассказывать.

Юрка вздохнул и пошёл за Катей, след в след.

– Да, вам с Гошкой хорошо, вы, когда в готов превратились, небось всю литературу в библиотеке перечитали.

– И это, чтобы тебя от смерти спасти, – входя на тропинку усмехнулся Гоша.

– Ладно, слушайте. Вам схематично или от сотворения мира?

– Конечно от сотворения! – попросила Ира.

– Ладно. По одной из версий сначала была вода, везде. А на небе жили Нум, такой хороший Бог, и его брат Нга. Скуки ради сотворил Нум человека, а потом решил сделать для него землю. Нга нырять в воду за землёй отказался, Нум вообще плавать не умел и решил, что землю для себя достанет человек. Превратил его на время в птицу, которая умеет нырять, в гагару. Три раза ныряла гагара, и вытащила в клюве ил, песок и землю. Из этого Нум слепил лепёшку и бросил на воду. Так появилась ровная земля.

– Это миф о гагаре, и почему она так горестно плачет, если кому интересно, – заметил Гоша.

– Мне интересно, – отозвалась Ира.

– В интернете считаешь, – сказала Катя. – Так вот, на новой земле Нум создал горы и долины, населил их животными. Создал реки, озёра и населил их рыбами, небо – птицами. Мир получился прекрасный и счастливый. И тогда случилась первая размолвка между братьями. Нга захотел владеть этой землей, а Нум был против.

– Так и знал! – возмутился Юрка, перешагивая через лежащего поперёк тропинки песка. – Брат называется, палец о палец не ударил, а владеть захотел...

– Ты не прав, – перебил его Гоша. – Нга тоже работал. Нум создал оленя, зайца, соболя, белку, песка и собаку, а Нга в ответ – волка и других хищных зверей. То есть, где Нум творил светлое, Нга тёмное, и, кстати, именно Нга стал творцом хищных рыб и насекомых-вампилов: комаров, оводов, пауков...

– Вот кому спасибо сказать...

– И скажи! Потому что Нга создал условия

равновесия мира. А это, как ты сам понимаешь...

– Что тут понимать? Миром правит равновесие. Катя, а братья помирились?

– Конечно помирились. Сначала Нга покрыл снегом и заморозил землю. Всё живое погибло, стало темно. Вот тогда пришлось мириться и думать, как вернуть мир.

– Вот смотрите... – Юрка начал говорить и остановился.

Ребята замерли, кто где стоял, и внимательно посмотрели по сторонам. Гошка пересадил Ельне на другое плечо.

– Никого! – звонко отрапортовала Ира.

– Где? – удивился Юрка.

– Нигде! Ты сам сказал, «смотрите» и остановился.

– Это я решал, как их обойти, – пояснил Юрка, показывая на трёх куропаток, застывших в полёте и бомбардировщиками перегородивших тропинку. – Толстые такие... Вспомнил! Я хотел сказать, что жалко, что история никого не учит. Каждый раз одно и то же! Сначала сорятся и крушат всё, а потом мирятся и думают, как исправить. И что придумали наши демиурги?

Катя подошла к птицам, полюбовалась радужным оперением, и пошла дальше.

– Демиурги решили сделать освещение. Нум создал солнце, а Нга луну и звезды. Солнце согрело землю, всё оживило и расцвело.

– А человека...

– Человека из глины сделал Нум. Но когда он собрался вдохнуть в глиняную статую жизнь, Нга обвинил брата в нарушении его, Нга, прав творца Вселенной.

– Опять двадцать пять! Поссорились? – возмутился Юрка.

– Юрка, опять двадцать пять – это диалектика. Куда ж без неё? Мы с тобой есть? Значит, всё получилось!

– Это ты намекаешь, что мои предки были из глины? – возмутился Юрка.

– По Дарвину тебя больше устраивает? – рассмеялся Гошка.

Ребята хохотали, глядя на удивлённое Юркино лицо.

– Дальше рассказывать? – спросила Катя.

– Только без этих ужасов, если можно, – попросил Юрка.

– А ужасы ещё только начинаются! – «успокоила» его Катя. – Боги сошлись на том, что



вместе будут вершить суд над людьми, если оба вдохнут жизнь в человека. Тот из них, чьё начало победит в человеке, и будет хозяином души.

– Ага! Вот видишь, Иришка, а ты говорила: «все люди хорошие»... а я знал! Только не знал, откуда это в людях, оказывается, опять Нга постарался! Что дальше было?

– Дальше братья стали жить отдельно. Нум остался на небе, Нга завладел нижним, или подземным миром, а люди стали жить на земле. Это и есть средний мир.

– Да, – Гоша обернулся к ребятам. – Обратите внимание, это очень важно, у всех, во всех мирах есть своя роль, цель, задача. У людей она определена Нумом: не переделывать мир, а сохранять его в том прекрасном виде, в каком его создали.

– Гоша прав, – согласилась Катя. – А чтобы человеку было проще сохранять землю, Нум послал двух покровительниц: Я Небя – светлую мать земли и Парнана – грешницу. Первая направляет род человеческий на благие дела, вторая живёт во грехе и руководит дурными поступками человека.

Кроме них есть духи: Илебям пэртя – хозяин и даритель пушнины. Ид ерв' – хозяин всей воды на земле. Яха ерв – хозяин данной реки. Сиив мин ерв – хозяин ветров. Ту хада – бабушка огня.

– А Пыялета? Он дух? – спросила Ира.

Катя загадочно улыбнулась.

– Пыялета, друг, покровитель оленьих стад. Вообще, духов, хе-хе, много. В каждой травинке, в каждой росинке живёт дух. Они не злые и не добрые. Считается, что они – ответ на поступки люд...

– Тихо! – строго сказал Гоша, и все замерли.

Где-то совсем близко кто-то бил в бубен.

### Колёса времени

– Это не Антон! – растерянно сказал Юрка, обернувшись к ребятам. – Мы не туда пришли! Седой как лунь старик с бубном сидел возле каменного очага и смотрел на ребят.

Ребята, как во сне, осматривали поляну, простой шалаш из веток и травы, старика с бубном. Они шли к своему знакомому шаману Антону, а пришли неизвестно к кому. Одна Ельне обрадовалась, побежала к старику.

– Ань торова, Ирико! Меня зовут Ельне. А это Катя, Гоша, Юра и Ира. Ты нам поможешь, Ирико? Ты же табедя?

Дедушка усмехнулся.

– Да, я шаман.

– Извините, а где Антон? Он тоже шаман, – вежливо поинтересовался Юрка. – Может хоть Харна здесь? Нет?

– Если ты называешь шамана по имени, то он еще не родился. По имени шаманов стали называть потом, в восемнадцатом веке. В моем времени старых людей называют Вэсако, или,

вот как Ельне, ласково – Ирико, то есть, дедушка.

Такое простое объяснение не только Юрку, но и Гошу с Катей и Ирой повергло в состояние столбняка.

Первой ожила Ира.

– Мы же просто к Антону шли, по тундре шли, по своей, а пришли в другое время? – жалобно прошептала она. – Разве так бывает?

– По-моему мы где-то Ирку потеряли, – усмехнулась Катя.

– Да, наша Ирина с восторгом бегала бы кругами. Надо же, какое чудо случилось, в другое время пришли, – ехидно продолжил Гоша.

Юрка, с испуганным лицом подскочил к Ире, вглядываясь в глаза, взял за руки:

– Ириша, ты что?

– Что я? Это ты что? – Ира всмотрелась в лицо парня, вспомнила его и себя, и кто он для нее. Смущенно добавила. – Пришел в гости, не здороваешься, вцепился, чуть руки не сломал!

Ирка вырвалась и пошла к шаману. Юрка растерялся еще больше, но побежал следом.

– Добрый день, дедушка, – сказала Ира, присаживаясь возле него. – Я Ира. Вы скажите, где мы сейчас находимся, в каком времени?

Дедушка хмыкнул, достал трубку и стал набивать её табаком. Он лукаво посмотрел на ребят.

– В персональном.

– В каком-каком? В персональном? – изумленно воскликнул Гоша. – Вы меня, Ирико, извините, но в вашем времени такого слова не было.

– Зато в вашем есть. Значит и в моём есть, потому что прошлое живёт в будущем, а будущее в прошлом, – словно желая дать время ребятам обдумать услышанное, дедушка раскурил трубку. – Та беда, с которой вы пришли, она из прошлого. Значит, пришли куда надо. А время, вот здесь и сейчас – настоящее. Если вы, конечно, сможете понять причину гибели своего мира.

– Наш мир погиб? – ужаснулась Ира.

– Ещё нет, но уже скоро. Людям, чтобы выжить, нужны не капельницы, а живая земля. Птицы, звери, трава... Нум поэтому сначала землю создал, потом флору, фауну... Мудрый Нум.

– Я, кажется, поняла, – задумчиво сказала Катя. – Мы с самого начала неправильно думали.

– Ирико, Вы сказали, что причина из прошлого? Расскажите, что случилось, – попросил Гоша.

Старик кивнул, пыхнул трубкой и стал выдыхать густой дым.

В одно мгновение дым заполнил поляну ароматом травы и цветов.

Ира видела, как белые звездочки зорьки ненецкой переплелись с васильками, морошковый мед со свежестью водяных лилий. Тихо звенели синие колокольчики, склоняясь к терп-

кому багульнику. На белый ягель упала консервная банка с недоеденной рыбой. Круглая крышка с рваными краями врезалась в кустик нежных незабудок. Очень скоро яд ржавчины стал растекаться, выжигая ягель, незабудки, морошку, оставляя на своём пути сухую, выжженную землю. Пошёл дождь, капли гулко стучали по голой глине, унося ржавый яд в ручей, потом в озеро...

Юра видел, как шелковая трава волнами гнётся на свежем ветру. Гриб у берёзы отрастил большую оранжевую шляпу, в тени которой рос малыш-подосиновик. По блестящей траве, по зарослям ромашки проехали чёрные колёса, с лязгом откинулся кузов и на изумрудный шёлк посыпались обломки цементных блоков. Когда пыль осела, трава, грибы, берёзы знали, что обречены.

Гоша видел, как родители-лебеди вывели птенцов на воду озера. Серые комочки, смешно размахивая мокрыми крылышками бегали по воде и смеялись от счастья. Глядя на них, смеялось солнце, становясь ярче и ярче. Птицы пели в прибрежных зарослях на все голоса. Мотор ржавой лодки взревел, заглушая все живые звуки. Старая посуда пронеслась, рассекая зеркальную воду на до и после. За лодкой тянулся, переливался синими разводами бензиновый шлейф.

Катя видела, как из макодана вьётся дымок, унося в синее небо аромат лепёшек. Из-за чума вышел олень-авка, и, выпрашивая угощение, засунул ветвистую голову в чум. Бабушка, плетущая перед чумом новую циновку, рассмеялась. Мама, позванивая медными подвесками-накосниками, вышла из чума, протянула лепёшку оленю и крикнула сыну, чтобы шёл обедать. Маленький мальчик играл, учился метать топорик. Он обернулся на зов матери, обрадовался вкусному обеду и со всей силы всадил топорик в землю. Катя вздрогнула, закричала: – Так нельзя! – и... проснулась.

Ребята сидели на поляне, удивлённо переглядываясь.

– Что нельзя? – спросил Гоша.

– Я что, спала? Ну надо же, сидя спала, и сон видела: мальчик вонзил топор в землю. Этого делать нельзя. Это правило, – ответила Катя.

– Я тоже спала, и тоже видела сон, как нельзя. Юра, что молчишь?

– Я вот так, молча, колеса ему пооткручиваю! Додумался, в тундру строительный мусор выбрасывать.

– Это плохо, – кивнул дедушка. – Ненецкая семья, когда переезжает на другое место, ни пёрышка после себя не оставляет. Соринку оставишь – не будет счастья всему роду. Это правило.

– Я знаю, – улыбнулась Ельне. – Меня мама всегда посылает пройти по стойбищу, собрать мусоринки. Она мне снилась сейчас.

– Получается, мы все спали, – удивленно

спросил Гоша. – Это Вы нас усыпили? Зачем?

– Затем, чтобы мы своими глазами увидели, – вздохнула Катя. – только что это дает?

Гошка улыбнулся погрузневшей Кате.

– Как что? Теперь мы знаем, что были нарушены правила.

– Гоша, эти правила в журнале «Пунушка» печатают, для детей.

– Не только, – мягко ответила Ира. – Моя мама всегда этот журнал читает. Раньше на все презентации ходила, потому что «Пунушку» не продают. Теперь в интернете читает.

– Я тоже читал. Мне понравилось, – согласился Ирико. – Ты чего сердилась, Катя? Что правила простые? Нум такие придумал, а что в детском журнале... Тоже правильно, их с детства каждый должен знать.

Видя, что Катя хмурится, Ирико улыбнулся.

– Вспомни, о чём вы говорили, когда ко мне шли.

Юрка сосредоточился.

– Гоша сказал, что главная задача человека – сохранять мир таким, как его создал Нум.

– Вы поймите, – терпеливо продолжал Ирико. – Дело не в том, что земле больно, когда в неё нож втыкают. Нет, не больно, это образное выражение! Но, если человек способен нарушить правила, значит, он способен на всё. И чем тогда наш мир отличается от нижнего?

Дедушка помолчал немного, погладил ладонью бубен.

– Обратно вам будет легко идти. Я попросил маленьких братьев уйти с тропинки. Вам пора. И ещё, запомните, время не всегда бывает линейным.

### Последняя попытка духов

– Ой, как бегут! Как торопятся... Ещё немного, кар, и начнут пятиться! – раскачиваясь на верхушке ёлки, вопил Харна.

Подгоняемые страхом, ребята то шли, то бежали уже давно, и уже давно устали. Но больше всего их угнетало безмолвие тундры, ещё не мертвой, но уже не живой.

Услышав голос ворона все остановились, тяжело дыша. Юрка наоборот, от восторга даже дышать перестал!

– Харнушка, дорогой! Ельне, смотри, это Харна, – улыбаясь до ушей, умилялся Юрка. – Харна, это Ель...

– Да знаю я, кто это. Вы чего встали-то?

– Харна, ты летаешь? – удивленно спросил Гоша.

– А по-твоему, я должен ползать? Я же птица!

– Но другие птицы застыли...

– Я не другие! Хватит болтать, вас Антон сутки ждёт, извёлся весь. Летите за мной.

Харна взмахнул крыльями, и, спланировав ниже к тропинке, полетел к опушке леса.

– Ну вы сказали... Харна волшебная птица, на него колдовство не действует, – торопливо объяснил Юрка и рванул вперёд со страшной



скоростью. Не иначе открылось второе дыхание. Почувствовав, что ребята отстали, он обернулся на секунду, чтобы их поторопить и в это время на него обрушилось что-то тяжелое, обхватило, сдавило ногу таким тугим кольцом, что Юрка услышал, как рвутся мышцы. Крик Юрки смешался с хлопанием крыльев и страшным шипением. Харна на лету врезался в толстого червяка на ноге парня. Дух исчез, оставив на ноге красный след. Ребята испуганно смотрели, как Харна хлопает крыльями и кричит страшным голосом.

Вдруг Юрка, с перекошенным от боли и злобы лицом, грозя кулаками, бросился на Иру.

– А-а-а!... – орал он.

Ира в ужасе отпрыгнула в сторону и парень врезался в кого-то страшного, пытавшегося схватить девушку тридцатью руками, трясая лысой башкой. Морда расплылась от удара Юркиных кулаков и испарилась. В ту же секунду Гоша, схватив девушек за руки, развернул их спиной к спине. Вокруг ребят корчились ужасные твари.

– Ну, надо же, дух уродства Мэдна пожаловал, – зло сказала Катя. – И Хабча минрена, ну куда ж без него! Что, Хансосяда, ты пришёл, чтобы унести наш разум? Не получилось с Тэри Намгэ, сами пришли?

– Катя, это настоящие духи? – взволнованно спросила Ира.

– Самые что ни на есть! Духи подземного мира во всей красе.

Юра крепче сжал ладони девушек.

– Катя, мы можем их прогнать?

– Вряд ли.

– Даже в зверей превратиться не можем. С нами ребёнок.

– Хватит ныть! – раздался голос сверху.

Над ребятами парил Харна.

– Господа духи, – обратился ворон к чудовищам. – Вам лучше исчезнуть, сюда идёт шаман!

Духи взвыли и... растворились. К ребятам бежал Антон.

– Простите, я должен был предвидеть. Они уже считают себя победителями и очень злятся на вас. Идёмте, пока я с вами, они не станут нападать.

– Злятся на нас? Почему?

– Вы не безразличны, вам не всё равно. Вы любите свой мир и хотите, чтобы он был живым. Значит, вы их враги. Вот и всё.

– Но мы с ними не враждовали! Мы не приходили в их мир, чтобы убить их, – возмутился Юра. – Это они, да ещё так не вовремя.

– Именно это стало аргументом, чтобы поставить вопрос о существовании срединного мира на голосование. Скоро соберутся духи-помощники, и вы сможете с ними поговорить. А пока будем пить чай.

Ребята вышли на поляну возле чума Антона, с наслаждением расселись на траве возле очага.

– А почему ты сказал: «не вовремя»? – спросил Антон, передавая Юре чашку.

– Гоша с Катей наконец-то решили справить свадьбу.

Сидящая рядом Ира возмущенно фыркнула, Катя чуть не подавилась чаем.

– Ну ты же взрослый человек, студент. А как что скажешь...

– А что я сказал? Правду!

– Ю-ю-ра, – укоризненно сказала Ира. – Справляют, то есть, правят, поминки. Юбилеи, даты отмечают, праздники празднуют, а свадьбы играют! Иг-ра-ют! В каждой культуре есть свадебный обряд, который разыгрывают. Это язык, традиции, духовность.

– Но по телевизору... – попытался оправдаться парень.

– Плоды поверхностного образования помноженное на общепринятый сленг. Просто удивительно, что некоторым людям, которые говорят с экрана, не интересна красота языка.

Юрка обеими руками взлохматил рыжие вихры.

– То есть, им безразлично, как говорить? А что делать?

– Менять отношение к культуре, традициям, воспитывать уважение... Давно уже пора.

Антон покивал в знак согласия.

– И кстати, всё всегда происходит вовремя, – добавил Антон. – Катя с Гошей могли сто раз пожениться, и ты с Ирой тоже. А выбрали такое время.

Щёки Иры вспыхнули, Катя увидела смущение подружки и поспешила перевести разговор.

– Антон, а почему родители Ельне спят?

Антон с удовольствием стал рассказывать о грехе и искуплении, о чувстве вины...

Юрка пересел поближе к Ире, взял её за руку и глядя в глаза простодушно спросил:

– Слушай, а действительно, почему мы ещё не поженились?

– Наверно потому, что ты не хочешь, – лукаво улыбаясь, ответила Ира.

– С чего ты взяла, что я не хочу? Я хочу! Я думал, это и так понятно.

– А мне не понятно.

– Ну, ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

– Нет, Юра, не знаю. Ты мне не говорил.

Юрка удивлённо посмотрел на Иру, взлохматил рыжую шевелюру и возмущённо сказал:

– Я тебя люблю, давно люблю. Думал, ты знаешь.

Конечно, не так она представляла себе объяснение в любви. Но это случилось вот так, в волшебном месте, в волшебное время. К тому же Юрка только что спас её от чудовища. Что может быть чудеснее? Ира с трудом проглотила комочек нежности, застрявший в горле.

– Теперь знаю. А по поводу свадьбы, это тебе к папе.

– К твоему? – удивился Юрка ещё больше.

– И к твоему тоже. Юра, если у тебя твёрдое намерение, ты должен о нём заявить. Открыто сказать, и тогда намерение приобретает силу.

И всё! Это правило, которое нельзя нарушать.

– А он не будет возражать?

– С чего бы? – теперь удивилась Ира. – А почему ты не спрашиваешь о моих чувствах?

Юрка перевёл дух и улыбнулся.

– Зачем спрашивать? Стала бы ты мне жизнь спасать, если бы не любила? – Юрка смутился от охватившего его острого чувства счастья. – Как только разберемся с нечистью, сразу пойду к твоему отцу. И сразу поженемся. Хорошо?

– Мне жаль вас прерывать, – сказал Антон, но нас уже ждут. Духи срединного мира собрались.

### Духи добрые, духи злые

– Я не понимаю, зачем мы собрались? – выкрикивала горбатая старушка в рваных одеждах, резво бегая по большой поляне. – Всё и так понятно! Всё уже случилось! О чём тут говорить?

Старушка металась между группой духов подземного мира, затаившихся в кустарнике, и большой синей птицей, которая заслоняла группу людей, распахнув семь пар железных крыльев.

– Что, что, что вам ещё надо, всё и так понятно! – скандалила бабуся.

Увидев, что на поляну пришли Антон с ребятами, скандалистка буквально взвилась, зацокала языком, затопала ногами, замахала худыми руками, чуть не оторвав дырявые рукава.

– Что путного могут сказать эти неразумные? Они же дети, ума чайная ложка! На всех!

Духи в знак согласия мотали мордами, скалясь и облизываясь в предвкушении сладкой добычи.

И вдруг Ельне, вырвав ладошку из руки Кати, побежала вперёд, к страшной бабке.

– Стой! – одновременно испуганно крикнули Катя с Гошей и бросились за девочкой, но их остановил Антон, покачал головой и приложил палец к губам.

Выбежав на середину поляны, Ельне слегка присела, хлопнула себя по коленкам и засмеялась. Громко и радостно.

– Я Вас знаю! Вы бабушка Парнана!

Ельне подбежала к оторопевшей бабке, обняла её за пояс, прижалась к ней, как к родной.

От такого нахальства бабка растерялась, весь её боевой дух испарился. Оглядываясь по сторонам и шмыгая крючковатым носом, она недоумённо спросила:

– Это что?

– Это я, Ельне, – ласково улыбаясь, ответила девочка. – Мне про Вас мама рассказывала. Я думала, что это сказки, а Вы настоящая. Ань торова, Парнана.

– Торова, – автоматически ответила Парнана, пытаясь вырваться из объятий девочки. – Антоша, будь человеком, заberi её, – жалобно попросила бабка.

– Не могу! – очень серьёзно ответил шаман. – Девочка знает, что ты Баба Яга, сказочный пер-

сонаж, с тобой хорошо играть. Так что, играй Парнана...

– Не умею я... не хочу... – заныла бабка и все вокруг, включая уродливых духов засмеялись.

– А посмотри, какая птичка, – в отчаянии пролепетала Парнана.

Ельне оглянулась, увидела птицу, и, несмотря на то, что была ей по колено, смело пошла к ней, считая на ходу.

– Пять, шесть, семь... – Ельне остановилась, задумалась, вдруг улыбнулась и с восторгом заявила:

– У Вас семь пар крыльев, значит Вы... Минлей!

Девочка тихонько подошла ближе, нежно погладила птицу по крылу.

– Ань торова, Минлей! Это правда, что Вы сын Нума?

Минлей медленно сложил крылья и в знак согласия польщённо склонил голову.

– А то, что я хозяин ветра, тебя не удивляет?

– Когда ветер сильный, мама говорит, что Минлей шалит и знает, что делает.

– А я кто? – посмеиваясь в усы, спросил дядечка, выходя из-за спины Минлея.

Ельне внимательно разглядывала странного человека. Он менялся на глазах, словно перетекал: одновременно был и худым, и толстым, и низким, и высоким. Его лицо невозможно было запомнить: оно, словно река, тоже всё время изменялось, становясь то старше, то моложе. Только глаза, синие, как небо, которое отражается в воде, оставались неизменными. Ельне смутилась и, отступив на шаг, вежливо ответила:

– Я ещё маленькая, не всех знаю.

– Это Ид ерв, хозяин всей воды на земле, – сказала Катя, подходя к Ельне. – Ань торова, Ид ерв. Ань торова, Минлей.

Ельне решительно подошла к хозяину воды.

– Ид ерв, скажите, почему дух моего озера не захотел принять жертву. Я отнесла ему глаза оленя, а он их не взял. Ему что, не нужно смотреть на мир? Или я что-то не так сделала?

– Ты всё правильно сделала, девочка, – печально ответил Ид ерв, став тёмным и старым.

– Если хехе не взял жертву, значит, он умер.

– Умер? – растерянно переспросила девочка.

– Разве духи могут умирать?

– Могут, когда их не любят.

– Но я любила его, – отчаянно воскликнула Ельне.

– Боюсь, что этого мало, – задумчиво ответил Ид ерв и стал совсем тёмным, как тёмная от горя вода.

Ельне жалобно всхлинула, прижалась к Кате, вздрагивая всем телом.

– Не плачь, Елочка, – Катя гладила девочку по тёмным волосам. – Смотри, кто здесь?

Вслед за Катей к хозяевам воды и ветра подошли Гоша, Ира, Юра и Антон. Пока они здоровались и знакомились с духами-помощниками, Катя объяснила Ельне, кто есть кто.



– Вон там, видишь, похож на Ид ерв, Яха ерв – хозяин реки. В каждой реке свой Яха ерв, его зовут хехе. А там сидит дедушка в меховом плаще. Это хозяин и даритель пушнины и всякого зверя. Его зовут Илебям пэртя.

– Катя, – вытирая слезы ладошкой, спросила Ельне. – А это правильно, что у той бабушки волосы горят?

– Правильно, это Ту хада, бабушка огня. Она дарит огонь в каждом чуме.

– Какая хорошая!

– Они все хорошие.

Нум поселил их на земле, чтобы они помогали людям жить правильно. Но главная среди них, покровительница Я Небя, светлая мать-земля. Она и охраняет, и учит, и руководит жизнью людей.

И тут на поляне появилась ещё одна гостя. От неё исходило удивительное сияние доброты. Катя обрадовалась, улыбаясь, оглянулась и увидела, как расцветают улыбки на лицах Гоши, Юры и Иры. Как радостно вздохнул Антон и подмигнул ворону, нетерпеливо переминаящемуся с лапы на лапу.

– А это Ходако, – нежно сказала Катя. – Я её очень люблю.

– Ань торова, дорогие мои, – сказала Ходако. – Давайте поговорим. Нга утверждает, что люди не берегут землю и будет лучше отдать её ему, Нга.

– А Нга её будет беречь? – ехидно спросил Гоша. – Что умеет Нга? Поедать души?

– Гоша, ты не о том, – волнуясь, остановила его Катя. – Здравствуйте, Ходако. Я скучала. Мы все скучали и часто вспоминали Вас с любовью.

Ходако улыбнулась, чистое сияние засияло радугой вокруг поляны. Подземные духи тихонько взвыли и отползли подальше.

– Долгим будет наш разговор, или его вообще не будет? Давайте присядем.

Когда все расселись широким кругом, Парнана истерично заорала:

– О чём тут говорить? Люди стали равнодушными, каждый день я слышу от них: «мне всё равно». Они стали слепыми, не видят, что рядом творится зло. Они стали глухими, не слышат, как плачет тундра, зачем им эта земля?

– Не все люди, не все... зато люди знают, что такое счастье, и что такое боль, – задумчиво возразил Гоша. – Ты знаешь, что такое боль, а Парнана?

В ответ Парнана скорчила злую рожу.

– Не надо нервничать, – миролюбиво сказала Ходако – Пересядь поближе ко мне, подальше от духов подземного мира, они на тебя дурно влияют.

Парнана послушно пересела и сразу из ведьмы превратилась в обычную Бабу Ягу.

– Я хотела сказать, что Нум создал людей, чтобы они берегли землю, а они устроили тут технический прогресс! – уже нормальным голосом сказала Парнана.

Ребята дружно рассмеялись.

– Что смешного? – обиделась Парнана.

– Да всё! – весело ответил Гоша. – Потому что именно этого хотел Нум.

– Нет! – помотала космами Баба Яга.

– Да! – серьёзно ответил Гоша. – Нум создал людей! Людей, понимаете? Не тупых тварей, а думающих людей, способных творить. Значит, он хотел, чтобы люди творили. Всё что вы называете техническим прогрессом – это творчество людей.

Парнана лихорадочно соображала, выискивая новые аргументы.

– А почему тогда хехе умер? И земля остановилась? Почему? Кто виноват? Люди! – с непонятным торжеством заявила Парнана.

– Ты совершенно права, Парнана, – ответила ей Катя. – Люди виноваты, но не очень. Тут и твоей вины предостаточно, и ты это знаешь.

– Ну нет, каждый человек делает свой, осознанный выбор, мне служить или Я Небя.

– А разве Нум создал вас, чтобы люди вам служили? Я так понял, что вы все – духи-помощники, должны помогать людям, – удивленно сказал Юра.

– Я вот не знаю, чем ты, Парнана, помогла людям, – звонко сказала Ира. – А я, как мой отец, буду врачом, буду сохранять жизни людей. Это – реальная помощь. Юра будет заботиться о здоровье животных. Катя будет сохранять историю. А Гоша... вот он сейчас тебе сам скажет.

– Мне не нравится, что мы переходим на личности. В нашем мире много разных людей, и настоящих помощников, и тех, которые, не думая, следуют за Парнана. И первым придётся расхлёбывать деяния вторых.

Гошка перевёл дыхание, оглядел всех и серьёзно спросил:

– Вы сами чего хотите? Чтобы земля жила, или умерла? Потому что, передав е1 Нга, вы подписываете смертный приговор ей, да и себе тоже. Чего вы, земные духи-помощники, хотите?

Последние слова Гоши заглушил глухой вой духов подземного мира.

Катя оглянулась посмотреть, не испугалась ли Ельне, но на том месте, где сидела девочка, лежала ее красная ленточка-судор.

Девочки на поляне не было.

### Поиски духа

Зажав в кулаке красную ленточку – судор Ельне – Катя металась по поляне. Она в пятый раз обследовала чум Антона, перевернула кучу меховых подстилок, заглянула в каждый ларь. Ельне нигде не было. Надежда, что девочка устала от взрослых разговоров и ушла играть в чум, таяла с каждой секундой.

– Девочка моя, бедная..., – причитала Катя. – Ну где ты? Где?

Гоша тщательно проверил окружающие по-

ляну кусты, сбегал к месту общего собрания и пересчитал злых духов.

– Нигде нет? – дрожащим голосом спросила его Катя. – Это духи, да? Это они её похитили?

Гоша подошёл к ней, обнял, прошептал, уткнувшись в Катини волосы:

– Нет, родная моя, они тут ни при чём. Сидят тихо, все на месте. И Парнана тоже там.

Катя смотрела на застывший мир, слёзы ручьями текли по бледным от страха щекам.

– Гоша, что я за человек? Девочку не уберегла, потеряла... Где она, одна? Ей страшно...

– Нет, Катюша, Ельне не страшно, она смелая.

– Просто маленькая ещё, думает, весь мир принадлежит ей и создан для игры. А мир... духи злые... Это из-за меня...

Гоша, не выносивший слёз Кати, буквально терявший рассудок от их вида, неожиданно резко отодвинулся, обхватил мокрое лицо девушки ладонями, строго посмотрел в серые глаза.

– Не смей так думать! Ты ни в чём не виновата! Лучше вспомни, о чем Ельне говорила с Ид ерв? Я видел, но не слышал.

– С хозяином воды? При чём тут он? Он не мог её похитить.

– Катя, вспоминай, – настойчиво повторил Гоша. – Не зацкливайся на мысли о похищении. Ельне девочка самостоятельная, могла сама уйти.

Катя, верившая Гоше безоговорочно, наморщила лоб, пытаясь вспомнить. Вроде и недавно было, но потом случилось много всего...

– Она его спросила, почему дух озера не принял жертву.

Гоша с облегчением вздохнул.

– Понятно. Смотри, Катя, как интересно получается.

– А почему мне непонятно, я тупая, да?

Гоша, улыбаясь, вытирал ладонями Катини слезы.

– И когда ты уже избавишься от страха, что у тебя что-то не получится?

– А ты не боишься за маленькую девочку? – удивилась черствости своего жениха Катерина.

Гоша тяжело вздохнул.

– Боюсь, конечно. Но всё дело в пропорции. В то, что с ней, с нами, с миром всё будет хорошо, я верю больше.

Гоша сходил в чум, принёс ковшик воды, протянул Кате.

– С благодарностью Ид ерву, пей и пошли.

– Куда?

– К озеру. Ельне там.

Катя чуть не захлебнулась от удивления.

– А где оно, это озеро?

– Я не знаю, – видя, что девушка больше не плачет, весело ответил Гоша. – Зато я знаю, что если мы пойдём, то обязательно придём к нему. Главное идти! Быстро!

Быстро идти получалось плохо. Катя дважды споткнулась о тяжелые тела песцов, триж-

ды чуть не наступила на толстых грызунов и едва не раздавила большого жука. Гошка был ловчее, но и ему не очень везло: врезался плечом в длинный, острый клюв крачки-черноголовки. На рубашке расплылось красное пятно.

Катя ахнула, сорвала какой-то листок, помяла его в ладонях.

– На, приложи к ране.

– Ничего страшного, просто укололся, – успокоил ее парень, послушно прикладывая подорожник к ранке. – Это знак, что надо идти медленнее и осторожнее.

– Медленней пойдём – быстрее придем, – согласилась Катя. – У меня уже всё прыгает перед глазами. И сердце заходится, то от нежности, все-таки я очень люблю эту живность, то от страха за Ельне.

– Будешь смеяться, у меня тоже.

– Не буду. Как можно их не любить? – восхищённо разглядывая застывшего поперек тропинки песка. – Такой красивый, лаконичный, правильный... Всё вокруг – волшебное такое. Представляешь, они тут жили своей полной жизнью, в своём мире. Независимо от нас.

Катя вдруг остановилась.

– Слушай, ты не рассказал, что «интересно получилось»?

Гоша обернулся, удивлённо посмотрел на Катю.

– Я говорила, что Ельне спросила Ид ерв...

– А, – вспомнил Гоша. – Я понял, что девочка пошла к озеру. Интересно то, что её больше волновало, почему дух не принял жертву, чем то, что родители спят, или что мир остановился. Удивительный ребёнок, сердцем понимает, в чём причина всех бед.

– Но Ид ерв сказал, что дух озера умер, – огорчённо сказала Катя. – Его больше нет. Зачем она пошла к озеру?

– Затем, что она не верит в смерть. Она же ребёнок, у них всё понарошку.

Катя снова чуть не расплакалась. Она шла, переступая через зверьков, обходя птиц и бабочек и с тревогой думала, что будет с Ельне, когда она поймёт, что мир не такой добрый, что смерть – это навсегда? Выдержит ли её сердечко? Не сломаёт ли это девочку?

– Вон она, видишь? – воскликнул Гоша.

Ельне лежала на животе, на обрывистом берегу озера, буквально нависнув над водой. Одной рукой она держалась за ветку кустарника, другой гладила воду, что-то приговаривая.

– Что она делает? – удивилась Катя.

– Разговаривает с водой, вернее с хехе, духом воды, – торжественно, словно присутствовал при происходящем чуде, ответил Гоша. – Давай подойдём ближе, только так, чтобы она нас не видела.

Ельне действительно разговаривала с водой.

– Смотри, хехе, солнышко отражается в твоей синей воде, смотри, как красиво. Возьми глазки, посмотри на меня, я так тебя люблю. Каждой утро я прибежала к тебе, любовалась



водой. Отец не разрешал здесь ловить рыбу. Я не ловила. У меня даже удочки нет.

Ельне гладила воду ладошкой, осторожно и нежно.

– Хехе, ты помнишь, я прибежала к тебе вечером, когда солнце становилось красным и красивыми полосками плескалось в воде. Совсем как полоски на моей паничке. Мне её мама сшила, а теперь она спит. Ира говорит, что мама скоро умрёт. Потому что человек не может долго без воды и еды. Я тоже умру, без них и без тебя.

Ельне зачерпнула ладошкой воду, поднесла к лицу.

– Я тебя очень люблю. И мама, и папа, и все тебя любят. Все говорят, что у тебя самая вкусная водичка. Это правда. Ну, где ты, хехе?

Ельне опустила лицо в воду. Она долго, пока хватило дыхания, рассматривала застывших на глубине рыб, траву на дне.

– Я даже не знаю, как ты выглядишь, хехе, на кого похож? – жалобно сказала девочка.

И было непонятно, то ли слёзы текут по щекам, то ли это вода стекает с мокрых волос. Катя, глядя на Ельне, едва сдерживала слёзы.

– Я думаю, ты похож на Ходако, – словно рассказывала великую тайну, шептала девочка. – Я сегодня её видела. Хорошая такая. Я, когда вырасту, буду на неё похожа и буду с тобой дружить. Ты будешь со мной дружить? Ответь мне, хехе, пожалуйста... Со мной хорошо дружить, вот увидишь. Хочешь, я тебе спою про суляко или про колокольчик?

Наклонившись к самой воде Ельне тихо запела.

– Сенгакоця тайнанов,

Сенгакоця мунонов

Нацяи тэвравы,

Нацяи тэмдавы...

У меня тоже был колокольчик на рукаве, он звенел, и мама знала, где я. Хехе, посмотри, сейчас цветут колокольчики, красивые, как твоя вода.

Вдруг девочка в красной паничке радостно улыбнулась озеру, словно придумала новую игру.

– Хочешь посмотреть на мир моими глазами? Ты всё увидишь, и снова станешь живым...

Прежде чем Катя с Гошей поняли, что произойдет, Ельне подтянулась к воде и головой вниз упала на глубину.

Когда они прибежали, Ельне, раскинув руки, лежала на дне. Её глаза через толщу воды смотрели в небо. У виска девочки сверкала какая-то искра, становясь больше и больше. Гошка разбежался, чтобы нырнуть в озеро.

И тут искра превратилась в шар. Он пульсировал нежным светом и выталкивал Ельне из воды. Гоша подхватил на руки чуть живую девочку, вынес на берег.

– Елочка моя, солнышко, – теребила ребёнка Катя, прижимая к груди, глядя по мокрому волосам. – Ты что придумала такое...

Ельне открыла глаза, увидела испуганное лицо Кати и вдруг улыбнулась так радостно, что девушке показалось, солнце засветило ярче, птицы запели и ветер стал веселее.

– Ка-т-я! – восхищённо произнесла Ельне. – Я его видела! Хехе сказал, что любит меня! Представляешь?

Катя прижала девочку к себе и удивлённо посмотрела на Гошу.

Тот восторженно вертел головой, словно впервые увидел тундру.

– Мир вернулся, – ошеломлённо прошептал он, словно к нему, глухому и слепому, вернулись все пять чувств. А может шесть, восемь, двадцать... – Мне кажется, что я могу летать, как Юрка, как Харна, – и засмеялся от счастья.

Воздух звенел радостью полёта стрекоз и бабочек. Щебетанье птиц сменялось трелями, и складывалось в торжественный гимн. Трава шуршала и перекачивалась волнами в такт птичьему хору. Ветер наполнял жизнь тундры силой, помогая птицам взлетать выше, кружа кустарники багульника и щедро одаривая всех вкуснейшим медовым ароматом.

– Я и забыла, какой он красивый, наш мир, – изумленно сказала Катя. Малышка на её коленях засмеялась, запрокинув голову. – И добрый.

– И звонкий! И ласковый! И вкусный! – хлопая ладошками, восклицала Ельне.

– За такой мир можно всё отдать... – раздался глубокий голос позади ребят.

Катя вздрогнула, прижала руки к лицу, вздохнула глубоко-глубоко и, наконец, обернулась.

– Я ждала тебя! Так ждала, боялась за тебя.

Огромный белоснежный олень с высоко поднятой головой, которую украшали семь веток рогов, шёл медленно и величаво. Высокая трава стелилась перед ним ковром.

От волнения у Кати не слушались ноги. Она встала и медленно пошла навстречу повелителю оленьих стад.

– Ань торова, Пыялета, – сказала она, обнимая старого друга. – Ты был занят?

– Охранял стада, спорил с Я Небя. Представляешь, она решила не идти на собрание, знала, что земля никогда не будет под властью Нга.

– Но ты её уговорил?

– Конечно. Иногда и духам, и людям полезно вернуться к началу, расставить все точки, и заново определить границы.

– А разве между миром и сказкой есть граница? – спросила Ельне.

Пыялета наклонил к ней голову.

– Для кого-то есть, для кого-то нет. Всё зависит от человека. Если он верит в чудо и волшебство, это будет в его жизни.

– Я верю, дедушка Пыялета.

Пыялета смотрел на неё с гордостью.

– Катюша, ты не против, если мы с Елочкой немножко летаем?

– Я буду счастлива, Пыялета. Только один во-

прос: Это Я Небя вернула мир или Ельне?

– В этом приключении были ещё герои: ты, Гоша, Юра, Ира... а ещё Антон и Харна, и даже Парнана.

– Какой из меня герой?

Повелитель оленьих стад, склонил голову перед девушкой, словно хотел поделиться тайной

– Нужно особое мужество, чтобы верить, поддерживать друзей, признать ошибки, взять ответственность за ребёнка. И любить, несмотря ни на что. Я Небя всё знала, она же Мать земля.

Гоша подхватил девочку, усадил на спину оленя. Пыялета стукнул копытом, вскинул семь веток рогов и полетел, высоко-высоко, выше облаков.

Катя с Гошей стояли обнявшись, смотрели, как летит волшебный олень, слышали, как смеётся от счастья маленькая девочка Ельне. Гошкины волосы щекотали Катину щеку.

– Знаешь, тебе надо подстричься, – сказала она, открывая глаза.

Они лежали на пригорке и смотрели на облака.

– Я что, спала? – удивилась Катя. – Я помню, что мы пошли погулять...

– Мы сбежали, – засмеялся Гошка. – От предсвадебной суеты.

– Гуляли, устали, лежали, смотрели на облака, и я уснула...

– Да так сладко, что всю руку мне отлежала, – ответил Гошка.

– Ты мог меня разбудить...

– Не мог, я сам спал. Мне снился такой волшебный сон...

– Мне тоже, чудесный. О том, что наступает

время перемен.

Гошка перевернулся на бок, чтобы удобней было смотреть на улыбающуюся Катю.

– Ты о нашей семейной жизни? После свадьбы всё меняется, ты это знала.

– О да, я это знала! – засмеялась Катя. – Я не знала главного!

Гоша удивленно смотрел на невесту.

– Что надо сделать, чтобы последствия перемен были счастливыми.

– Спорим, тебе снился Пыялета? И он сказал...

– Гошка! Я, конечно, схожу с ума от счастья, но не настолько же, чтобы спорить с тобой о снах. Ещё со школы они у нас общие.

– Но восприятие-то разное! Так что сказал повелитель?

– Что иногда необходимо возвращаться к началу. Кстати о возвращении, вставай, нам пора домой. Ещё столько дел перед свадьбой... давай, вставай...

Гошка нехотя поднялся на ноги, легко поднял Катю.

– Ух ты, как хорошо дышится, – раскинув руки радовалась она.

Гоша наклонился за рюкзаком. В траве мелькнуло что-то яркое.

– Откуда это у тебя? – недоуменно спросил Гоша, поднимая запутавшуюся в траве красную ленточку. – Это же судор Ельне...

Катя вздрогнула, окинула взглядом привычный мир тундры, растерянно посмотрела Гоше в глаза.

– Ты уверен, что мы проснулись?

Москва 2018



# Спасибо, Родина!

\*\*\*

Спасибо! – Говорю я людям добрым  
За то, что согревают нас любовью.  
Спасибо! – Говорю я солнцу с небом  
За то, что кормят нас душистым хлебом.

Любовь я сохраню в душе навечно,  
В стихи волью звенящую струёю,  
Чтоб согревала всех она воочию  
С рассветом ранним, летом и зимою.

Спасибо! – Говорю я рекам быстрым  
За рыбу, что блестит в них чешуёю.  
Спасибо! – Говорю зверушкам шустрым  
За то, что созерцаю их весною.

Спасибо, Родина, за милый край любимый,  
Где проросла любовь моя и сила.  
Я мысленно вхожу в свой дом родимый,  
Где мама на руках меня носила.

Спасибо! – Говорю я травам в поле  
За то, что песни нежные шептали.  
Спасибо птичкам-пташечкам на воле,  
Что по утрам побудку щебетали.

Спасибо! – Говорю я всем на свете,  
Чтоб всем приятно было это слышать.  
И пусть впитают это слово дети,  
Оно любовью безграничной дышит.

\*\*\*

Ңарка вада! – Сава ненцяң хэтмбив,  
Сейми саялмава юдамби.  
Ңарка вада! – Хаерэцяң хэтмбив,  
Ңамгылада нянькоцяң тамби.

Мэнебцоми лэтңув сёнзяхана,  
Лохортана хынабцьм' сертангудм',  
Хув' мерувна, сывы, нарахана  
Пыда ненця сейком' юдангу.

Ңарка вада! – Яхакоцяң хэтмбив,  
Халякоцяң, намгылам' мэмбим'.  
Ңарка вада! – Сармик-иленяко  
Саля лаптакохона ңади.

Ңарка вада сое'мава янэй,  
Мэнелваком', ныхым' пантамбись.  
Небяв-нисяң хардакон тюңгумэй, –  
Си'ми тикахана вадабись.

Ңарка вада! – Нувоцяңэй хэтмбив,  
Паской хынабцьмэй нянан тась.  
Ңарка вада лэ'мор, тиртякоцяң,  
Хув' мерувна си'ми юрктамбись.

Ңарка вада! – Хибяринэй хэтңув,  
Тикы вада савам' пантангуд'.  
Ңацекэцяң вадам' ңадарангуд',  
Нерня' сейхад илеван пяңгуд'.

## Лидия Сядейская Переводы на ненецкий язык Лукерии Валей

\*\*\*

Я поймаю ветер,  
Запрягу в упряжку  
И поеду в тундру  
В стойбище отца.  
Пролечу над речкой,  
Над болотцем мшистым,  
Тундре моей милой  
Не видать конца.

Отпущу я ветер  
На далёких воргах:  
Пусть гуляет вольно  
По родным холмам,  
По болотным кочкам,  
По песцовым норкам.  
Пусть гуляет ветер  
По цветным холмам.

А я встречу солнце  
Светлою улыбкой,  
Пожелаю людям  
Счастья и добра.  
Чтобы жизнь земная  
Не казалась зыбкой,  
Буду я трудиться, –  
Жизнь – она мудра.

\*\*\*

Мерцяң' ня'амңгумэй,  
Ханан подертамэй,  
Нисяконэй мятэй  
Лата саяконэй  
Ти', ңэдалаңгудмэй!  
Сава выңгаконэй  
Малда яңгуңэй.

Ңаха'нией мюдэй-  
мюдм' недахана  
Мерцяң' ңадарангудм',  
Ңадарангудмэй.  
Пирця саяковна,  
Хасрёконд нувовна,  
Нохо ваңгоковна  
Мерця тийңгуңэй.

Мань ңо' хаероком'  
Яля' ванерабтё  
Ядаптаңгудмэй.  
Сава хибяринэй  
Сава вадакомэй  
Хэтва пяңгудмэй:  
Мал' сава ңэя,  
Сёнзя мёэ ңэя.  
Илна' мэйрамба  
Илеңгохова'!

